

Вестник 2026

Балтийского федерального
университета
им. И. Канта

Серия
Гуманитарные
и общественные науки
№ 2

ISSN 2500-3216 (Print)
ISSN 3034-3755 (Online)

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BALTIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№ 2

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2026

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневский, д-р юрид. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волчецкая, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
 канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юрид. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юрид. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
 университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
 экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
 ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
 БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф., Башкирский государственный
 университет; *С. М. Маркедонов*, канд. ист. наук, доц., МГИМО;
А. О. Машовец, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный
 юридический университет им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Милуков*, д-р юрид. наук,
 проф., Российский государственный педагогический университет
 им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский
 государственный университет; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф.,
 Санкт-Петербургский государственный университет; *Е. Р. Россинская*,
 д-р юрид. наук, проф., Московская государственная юридическая академия
 им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Танышина*, д-р ист. наук, проф., РАНХиГС
 при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф.,
 Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
 информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Дата выхода в свет 01.09.2026 г.

© Оформление, БФУ им. И. Канта, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

Баумштейн А. Б. Зарубежный опыт правового регулирования использования труда осужденных к лишению свободы	5
Кийко Д. С. Концептуальные основы разграничения понятий «военный робот» и «военная робототехника» в уголовно-правовой доктрине.....	23
Кустов А. М., Макарова О. А. Тактико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием сети Интернет. Часть вторая.....	38
Рыбницкая С. О. Незаконное прерывание беременности в контексте <i>de lege ferenda</i>	52

История. Исторические науки

Мартыненко В. О. Определение хронологических рамок эпохи викингов: взаимосвязь исторического и культурологического подходов	63
Гавриленко К. Е. Участие переселенцев из Королевской Пруссии в формировании общности бужских голендров на территории Полесья в XVII веке	77
Казарез А. П. Изменения организационной структуры стрелковых войск Красной армии в начале Великой Отечественной войны	92

Общество и политика

Веселов Ю. А. Мировой порядок, империализм и теория Четвертого мира. Часть вторая	103
Андерс В. Влияние санкционных мер ЕС на уровень политической поддержки правящих и оппозиционных сил в Сирии в период с 2004 по 2024 год	117

Рецензии

Большаков А. Г., Храмова Е. В. Российский выбор с точки зрения национальной безопасности. Рец. на кн.: Воржецов А. Г. Российский выбор в XX веке : монография. Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2023. — 160 с.	130
--	-----

CONTENTS

State and law

<i>Baumshtein A. B.</i> International approaches to the legal regulation of prison labour	5
<i>Kiiko D. S.</i> Conceptual foundations for distinguishing between the concepts of 'military robot' and 'military robotics' in criminal law doctrine.....	23
<i>Kustov A. M., Makarova O. A.</i> Tactical and forensic support for investigations into crimes related to illegal drug trafficking committed using the Internet. Part two	38
<i>Rybetskaya S. O.</i> Illegal termination of pregnancy in the context of <i>de lege ferenda</i>	52

History. Historical sciences

<i>Martynenko V. O.</i> Defining the chronological framework of the Viking age: the relationship between historical and cultural approaches.....	63
<i>Gavrilenko K. E.</i> Participation of settlers from Royal Prussia in the formation of the Bug-Holländers community in the territory of Polesie in the 17 th century	77
<i>Kazarez A. P.</i> Changes in the organisational structure of the Red Army rifle forces at the beginning of the Great Patriotic War	92

Society and politics

<i>Veselov Yu. A.</i> World order, imperialism and the 'theory of the fourth world'. Part two	103
<i>Anders W.</i> The impact of EU sanctions on the level of political support for the ruling and opposition forces in Syria between 2004 and 2024	117

Review

<i>Bolshakov A. G., Khramova E. V.</i> The Russian choice from the point of view of national security. Rev.: Vorzhetsov A. G. Russian choice in the 20 th century: monograph. Kazan: Publishing house of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2023. — 160 p.	130
---	-----

УДК 343.8

А. Б. Баумштейн

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ
К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ**

5

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Поступила в редакцию 21.01.2026 г.

Принята к публикации 14.03.2026 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-1

Для цитирования: Баумштейн А. Б. Зарубежный опыт правового регулирования использования труда осужденных к лишению свободы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. № 2. С. 5 – 22. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-1.

Рассмотрен зарубежный опыт правового регулирования труда лиц, отбывающих лишение свободы, в контексте целей наказания, ресоциализации и соблюдения прав человека. Цели исследования заключаются в выявлении моделей регулирования тюремного труда и оценке их применимости для совершенствования российской уголовно-исполнительной политики. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой метод, формально-юридический анализ, а также историко-правовой и системный подходы. Обоснована типология зарубежных решений, охватывающая модели с обязанностью труда, модели с обязанностью участия в индивидуальном плане отбывания наказания и модели, ориентированные на рыночную кооперацию с частным сектором. Показано, что ключевыми критериями качества регулирования выступают юридическая ясность статуса работающего осужденного, гарантии охраны труда, справедливость вознаграждения, недопустимость эксплуатации и наличие судебного контроля. Сформулированы предложения по развитию отечественного регулирования с учетом международных стандартов и сравнительного опыта.

Ключевые слова: труд осужденных, лишение свободы, уголовно-исполнительное право, сравнительное правоведение, ресоциализация, пенитенциарная политика

Введение

Труд осужденных к лишению свободы традиционно рассматривается как один из центральных институтов уголовно-исполнительного права: он одновременно выступает средством исправления, механизмом обеспечения нормальной жизнедеятельности учреждений, источником

профессиональных компетенций и, в ряде систем, элементом компенсации вреда потерпевшим и покрытия расходов содержания. В российском праве эта многозадачность закреплена на уровне принципов и специальных норм, однако практическая реализация наталкивается на известные структурные ограничения: ограниченность рабочих мест, несоответствие профилей производства современным требованиям рынка, сложности с охраной труда и мотивацией, а также дискуссии о соотношении уголовно-исполнительного и трудового законодательства.

Зарубежный опыт показывает, что сходные проблемы решаются по-разному: одни правовые порядки сохраняют «обязанность труда» как парадигму тюремной дисциплины и исправления, другие смещают акцент на «обязанность участия» в индивидуальном плане исполнения наказания, позволяя замещать труд обучением и программами ресоциализации, третьи активнее допускают частный сектор, что повышает занятость и профессионализацию, но усиливает риски эксплуатации и подмены целей наказания экономическими стимулами. В отечественной науке устойчиво отмечается, что обязательный характер труда предполагает встречную обязанность государства обеспечить рабочие места и условия труда, соответствующие требованиям охраны труда и санитарным нормам; без этой корреляции институт утрачивает исправительный смысл и превращается в источник конфликтов [14, с. 28–29].

Актуальность сравнительного анализа усиливается и тем, что правовые системы в последние годы активнее обсуждают труд осужденных в терминах прав человека и трудовых прав: спор о том, является ли труд в местах лишения свободы «обычной работой» или особой формой исполнения наказания, проецируется на вопросы вознаграждения, социального страхования, охраны труда, допуска профсоюзов и судебной защиты. В зарубежной доктрине набирает силу позиция о том, что исключение работающих осужденных из сферы трудовых гарантий формирует «структуры эксплуатации» и препятствует реинтеграции; при этом подчеркивается, что труд в тюрьме во многих европейских правовых порядках не является частью карательного содержания, но остается фактически обязательным [20, р. 410–411].

Исторически институт тюремного труда развивался нелинейно. В европейской традиции XIX в. труд рассматривался как инструмент «нравственного исправления» и одновременно как средство самоокупаемости тюрем, что уже тогда порождало двойственность целей. Для русскоязычной пенитенциарной мысли характерно раннее осознание опасности подмены исправления хозяйственными интересами: в дореволюционных работах фиксировалось, что «экономическая выгода» может вступить в конфликт с задачей подготовки к свободной жизни и с требованиями гуманизации режима [1, с. 52–55].

В современной российской доктрине сохранена идея труда как ключевого средства исправления, однако подчеркивается, что его содержание меняется вместе с рынком труда и технологиями. Т.Ф. Миняева справедливо отмечала, что «труд осужденных должен быть ориентирован на формирование социально полезных навыков и готовности к за-

конопослушной жизни», а потому не может сводиться к формальной занятости или к воспроизводству устаревших производственных практик [7, с. 31 – 32].

Наконец, зарубежные дискуссии о «тюремной экономике» показывают, что вопрос о труде осужденных в XXI в. невозможно решать в отрыве от прав человека, трудовых прав и социальной политики. Речь идет не только о праве на труд и обязанности работать, но и о праве на безопасные условия труда, справедливое вознаграждение, недискриминацию, доступ к обучению, а также на эффективную жалобу и судебный контроль. Российские авторы, анализирующие конституционно-правовые основы, обоснованно делают вывод, что любые ограничения прав в сфере труда в условиях лишения свободы должны быть пропорциональны целям наказания и прямо предусмотрены законом [4, с. 28 – 30].

7

Цели настоящего исследования — выявить ключевые модели зарубежного регулирования труда осужденных к лишению свободы и сформулировать предложения по использованию сравнительного материала при совершенствовании российского регулирования. Задачи включают анализ международных стандартов, описание типологии моделей, рассмотрение отдельных национальных кейсов и выведение критериев, позволяющих оценивать качество регулирования с точки зрения целей исправления и правовых гарантий.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой и формально-юридический методы, позволяющие сопоставить нормативные решения разных стран и выделить общие закономерности. Используются элементы историко-правового подхода для объяснения генезиса «обязанности труда» как пенитенциарной идеи, а также системный анализ — для оценки того, как нормы о труде связаны с режимом, воспитательной работой, профессиональным обучением, материальным обеспечением и механизмами контроля. Эмпирической базой служат доктрина и публикации, посвященные организации труда осужденных в России и зарубежных правовых порядках, а также официальные международные стандарты, задающие границы допустимого принуждения к труду.

В выборку национальных моделей включены Германия, Финляндия и Япония как правовые порядки, демонстрирующие различное соотношение дисциплинарных, реинтеграционных и экономических целей тюремного труда. Дополнительно учитываются обобщающие исследования и доктринальные позиции, сформированные в европейской и англо-американской науке, поскольку именно там наиболее интенсивно обсуждаются проблемы «эксплуатации», социального страхования и статуса работающего осужденного. [20, р. 412 – 415; 21, р. 505 – 508; 22, р. 860 – 865].

Международные стандарты и пределы допустимого принуждения

Сравнительное исследование неизбежно начинается с международных рамок. Вопрос «принудительности» тюремного труда не может решаться абстрактно: международное право допускает исключение

для труда лиц, осужденных по приговору суда, при условии, что труд выполняется под контролем публичной власти и осужденный не предоставляется в распоряжение частных лиц и организаций. В современной интерпретации эти положения дополняются требованиями к охране труда, профессиональной подготовке и ориентации труда на реинтеграцию, что отчетливо прослеживается в европейских пенитенциарных стандартах и Правилах Нельсона Манделы.

Европейские тюремные правила закрепляют принцип «справедливого вознаграждения» и предписывают, чтобы предоставляемая работа по возможности сохраняла или повышала способность заключенных зарабатывать на жизнь после освобождения. В доктрине справедливо отмечается, что эти стандарты «переводят» институт труда из логики наказания в логику социальной адаптации: труд оценивается не по объему продукции, а по тому, насколько он приближен к условиям внешнего рынка труда, насколько он безопасен и насколько связан с обучением и квалификацией [17, с. 84–86].

Национальные системы, расходясь в деталях, сходятся в одном: труд должен быть включен в конструкцию исполнения наказания как юридически регулируемая деятельность, а не как административная практика. Иначе возникает поле для произвольных ограничений и конфликтов, что особенно опасно, когда труд становится основанием для поощрений, применения дисциплинарных мер или оценки исправления при решении вопросов условно-досрочного освобождения.

Особое значение для европейского пространства имеет практика Европейского суда по правам человека по статье 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, запрещающей принудительный труд с оговорками. Суд последовательно исходит из того, что труд заключенных может подпадать под исключение для «работы, требуемой от лица, находящегося в законном заключении», однако государство должно обеспечивать такие условия, чтобы труд не носил унижающего достоинство характера и сопровождался разумными гарантиями. Примечательно, что в деле *Stummer v. Austria* Большая Палата обсуждала вопрос о социальном страховании заключенных, подчеркнув значимость социально-реинтеграционного измерения тюремного труда.

Проблематика социального страхования и пенсионных прав работающих осужденных является индикатором того, насколько система действительно ориентирована на реинтеграцию. Если труд осужденного трактуется как исключительно пенитенциарная обязанность, то социальные последствия труда «обнуляются»: работа не создает страхового стажа и не формирует устойчивой связи между легальной занятостью и социальной защитой. Именно поэтому в современной европейской доктрине вопрос о вознаграждении и страховании обсуждается как структурная гарантия против эксплуатации и как инструмент снижения постпенитенциарных рисков [20, р. 420–423].

Международная организация труда, в свою очередь, рассматривает тюремный труд через призму запрета принудительного труда и «непредоставления» заключенных частным субъектам без публичного контроля. Доктрина обращает внимание на то, что гибридные модели, ос-

нованные на контрактном производстве и работе для внешнего рынка, требуют уточнения критериев «контроля публичной власти» и правовых механизмов защиты от коммерческой эксплуатации [21, р. 510–514].

В российской доктрине международные стандарты интерпретируются как ориентир для совершенствования национального регулирования: подчеркивается необходимость сближения условий труда в местах лишения свободы с общими стандартами охраны труда и социальной защищенности, а также развития профессионального обучения как обязательного элемента трудовых программ [17, с. 86–88; 18, с. 104–106].

Типология зарубежных моделей правового регулирования труда осужденных

9

Анализ научной литературы и нормативных решений позволяет выделить три обобщенные модели зарубежного регулирования. Первая — модель «обязанности труда» (*duty to work*), при которой труд выступает обязательным элементом режима и юридически закрепляется как обязанность осужденного. Вторая — модель «обязанности участия» (*duty to participate*), где ключевым является индивидуальный план отбывания наказания: осужденный обязан участвовать в предусмотренных планом активностях, а труд считается одной из равноправных форм наряду с обучением и программами коррекции. Третья — рыночно-кооперационная модель, допускающая широкое участие частных субъектов в организации труда, включая производство для внешнего рынка и работу на предприятиях вне учреждения; она дает рост занятости и квалификации, но требует усиленных правовых гарантий против эксплуатации и подмены целей наказания.

При всех различиях в каждой модели ключевыми остаются пять параметров: правовой статус работающего осужденного (включая применимость трудового законодательства); режим принуждения и санкции за отказ; порядок оплаты и удержаний; стандарты охраны труда и ответственность администрации; механизмы контроля и судебной защиты. Российская доктрина подчеркивает, что именно неопределенность статуса и «смешение» отраслевых регуляторов порождает наибольшее число практических коллизий и затрудняет обеспечение правовых гарантий [2, с. 64–66].

Отдельный аспект типологии связан с правовой природой отношений, складывающихся при трудовой занятости осужденных. С. В. Чубраков указывает, что эти отношения обладают «смешанной природой», поскольку основаны на публично-правовом принуждении, но содержат воспроизводят элементы трудовых отношений и требуют применения гарантий охраны труда и оплаты [18, с. 100–102].

О. В. Соколова и И. Б. Степанова, анализируя законодательные проблемы, обращают внимание, что распространение трудовых гарантий на осужденных неизбежно ограничено режимом лишения свободы, однако отказ от гарантий приводит к снижению исправительного эффекта и росту конфликтности. Ими подчеркивается необходимость «законодательной определенности» и устранения коллизий между уголовно-исполнительным и трудовым регулированием [16, с. 79–81].

Сравнительный вывод состоит в том, что успешные зарубежные модели не столько выбирают между «публично-правовой» и «частноправовой» квалификацией, сколько конструируют специальный правовой режим, сочетающий обязательность активности с минимальными трудовыми гарантиями и развитой процедурной защитой. Именно эта архитектура позволяет использовать труд как средство исправления, а не как инструмент административного управления или экономической выгоды.

В части оплаты труда зарубежные системы используют разные конструкции: фиксированное «денежное довольствие», процент от тарифной ставки, сдельная оплата, а также комбинированные модели с разделением средств на текущие расходы, обязательные удержания и накопления к освобождению. При этом сравнительное значение имеет не столько конкретная формула, сколько прозрачность начислений и возможность осужденного понимать, как формируется его доход и какие удержания производятся. Российские исследования неоднократно подчеркивали, что непрозрачность удержаний и низкий «чистый» заработок демотивируют и снижают воспитательный потенциал труда [11; 13, с. 399 — 401].

Германия: «обязанность труда» при правовой нормализации условий и дискуссии о вознаграждении

Германская пенитенциарная модель традиционно относится к системам с обязанностью труда. В федеральном и земельном законодательстве об исполнении лишения свободы труд рассматривается как обязательный элемент исправления, а администрация обязана предоставить рабочие места и обеспечить безопасность труда. В отечественной сравнительно-правовой литературе подчеркивается, что германское регулирование стремится «нормализовать» условия труда, приближая их к гражданскому обороту: закон закрепляет требования к организации труда, профессиональному обучению, а также правила оплаты и использования заработка [6, с. 43 — 45].

Значимым элементом германского подхода является институциональная связка труда с профессиональной подготовкой и социальной работой. Практика ориентирована на то, чтобы трудовая занятость обеспечивала навыки, востребованные на рынке. Тем самым труд выступает не «целью сам по себе», а инструментом формирования ответственности и профессиональной идентичности. Вместе с тем германская доктрина и правоприменение на протяжении многих лет обсуждают вопрос о справедливости вознаграждения и о социальном страховании осужденных: в фокусе — соотношение «тюремной» оплаты с минимальными стандартами и последствия для интеграции после освобождения. Российские исследователи, анализирующие баварское законодательство, обращают внимание на детальность нормативной проработки и на то, что регулирование труда встроено в более широкий комплекс гарантий, включая порядок рассмотрения жалоб осужденных [15, с. 76 — 77].

В российской науке акцентируется и иной аспект: германская модель демонстрирует важность четкого разграничения публично-правовых

целей труда (исправление, поддержание порядка) и экономических целей производства. «Работа в местах лишения свободы должна быть организована таким образом, чтобы содействовать исправлению и подготовке к свободной жизни, а не превращаться в самоцель хозяйственной деятельности учреждения», — этот тезис последовательно проводится в сравнительных исследованиях, посвященных Германии [6, с. 44].

Сравнение германских норм с российскими позволяет выделить две методологически важные особенности. Во-первых, германское законодательство последовательно фиксирует идею «нормализации» (Normalisierung): условия отбывания наказания, включая труд, должны по возможности приближаться к условиям жизни на свободе. Во-вторых, германские законы об исполнении наказаний детально регламентируют распределение заработка, компенсации и накоплений, что снижает произвол и повышает предсказуемость правового положения осужденного.

При этом именно вопрос о вознаграждении в Германии стал предметом интенсивной правовой дискуссии. В центре — проблема «реального вознаграждения», достаточного для поддержания трудовой мотивации и формирования навыков финансовой ответственности. Сравнительные авторы отмечают, что недостаточное вознаграждение подрывает реинтеграционный потенциал труда, поскольку после освобождения осужденный не имеет базовых накоплений и сохраняет низкую ценность трудовой занятости как жизненной стратегии [Там же, с. 45–46].

Значимым аспектом германского опыта является развитая система рассмотрения жалоб и судебной защиты в сфере исполнения наказаний, включая вопросы организации труда и оплаты. Анализ земельного законодательства (в том числе Баварии) показывает, что правовые механизмы защиты прав осужденных включают административный пересмотр и доступ к суду, что институционально поддерживает идею права и предсказуемости в условиях изоляции [15, с. 77–78].

Показателен и вопрос о социальном страховании в контексте обязанностей труда. В немецкой правовой и политической дискуссии обсуждаются варианты включения труда осужденных в системы страхования, что воспринимается как элемент нормализации и признания труда социально значимой деятельностью. В сравнительном плане это соотносится с европейским обсуждением пенсионных прав заключенных после дела *Stummer v. Austria* и с аргументом о том, что отсутствие страховых механизмов снижает реинтеграционный эффект труда [20, р. 420–423].

Финляндия: «обязанность участия» и приоритет индивидуального плана

Финляндия часто рассматривается как пример «скандинавского» подхода, в котором пенитенциарная политика строится на минимизации вреда изоляции и на сохранении социальных связей. Нормативно труд включен в систему активности осужденных, но ключевым институтом выступает индивидуальный план отбывания наказания: осужденный обязан участвовать в предусмотренных планом мероприятиях, а труд конкурирует и кооперируется с обучением, программами лечения зависимостей и иными формами коррекции.

В описании финской системы подчеркивается, что ключевым ориентиром является «подготовка к жизни на свободе», а потому приоритет отдается тем формам занятости, которые повышают шансы трудоустройства. В российской литературе по сравнительному пенитенциарному праву отмечено, что в Финляндии на уровне организации учреждений и режимов существуют формы, позволяющие осужденному работать за пределами учреждения и постепенно адаптироваться к внешнему рынку труда, сохраняя при этом контроль и безопасность [5, с. 92–94].

Особое значение имеет логика «обязанности участия», которая снижает конфликтность: отказ от конкретного вида труда не всегда трактуется как нарушение дисциплины, если осужденный согласен на альтернативную активность, предусмотренную планом (например, обучение). Этот подход, с одной стороны, соответствует современным стандартам ресоциализации, а с другой — требует развитой инфраструктуры программ и высокого профессионального уровня персонала. «Индивидуализация исполнения наказания предполагает, что трудовая занятость соотносится с образованием и профессиональными перспективами осужденного», — подчеркивают исследователи финской модели [Там же, с. 91].

Финская модель особенно показательна тем, что в ней труд не абсолютизируется как единственный инструмент исправления. Система режимов предполагает широкое использование открытых учреждений и постепенное расширение контактов с внешней средой. Это влияет и на трудовую занятость: по мере снижения рисков осужденный может быть включен в формы работы за пределами учреждения, сохраняя при этом надзор и контроль, что обеспечивает «переходность» между тюремным трудом и обычной занятостью на рынке [Там же, с. 93–95].

Сравнительно-правовой вывод состоит в том, что финская система минимизирует дисциплинарные конфликты вокруг труда за счет индивидуализации и разнообразия активностей. В российском контексте это позволяет сформулировать гипотезу: дефицит рабочих мест и ограниченность производственной базы следует компенсировать расширением программ обучения и социальной адаптации, которые юридически могут рассматриваться как эквивалентная форма выполнения «обязанности участия». Подобное предложение корреспондирует с отечественными исследованиями, настаивающими на необходимости увязки труда с образованием и квалификацией [9, с. 344–346; 14, с. 31–33].

В финской системе оплата труда и иных активностей часто организована через режим «денежного пособия» или вознаграждения, сочетающего стимулирующую и социальную функции. Это важно для сравнительного вывода: даже при отсутствии полной рыночной оплаты система стремится обеспечить осужденному минимум экономической автономии, необходимой для поддержания социальных связей и формирования ответственности. Российские авторы, описывающие финский опыт, обращают внимание на то, что финансовая составляющая встроена в индивидуальный план и увязана с обучением и реабилитационными программами [5, с. 94–96].

Япония: обязательность труда, дисциплинарная логика и стимулирующее вознаграждение

Японская модель относится к системам, где труд сохраняет выраженную дисциплинарную и воспитательную функцию. В доктринальных описаниях отмечается высокий уровень регламентации режима и значительная роль труда как повседневной практики, формирующей навыки самоконтроля. Правовое регулирование основывается на специальном акте о пенитенциарных учреждениях и обращении с осужденными, где закрепляются виды деятельности, порядок поощрений и дисциплинарных мер, а также правила оплаты труда и накоплений.

Отечественные авторы, сопоставляющие российское и японское регулирование, подчеркивают, что в Японии труд воспринимается как часть «обучающего режима»: приоритет отдается видам работ, обеспечивающим дисциплину и профессиональные навыки, а стимулирующие выплаты рассматриваются как инструмент мотивации и поддержки на период после освобождения [8].

Сравнительная ценность японского опыта состоит в демонстрации того, что высокая дисциплинарная нормативность может сочетаться с развитой системой поощрений и практиками накоплений для освобождения. Вместе с тем эта модель в меньшей степени ориентирована на «рыночную» автономию осужденного и требует осторожной экстраполяции в правовую систему, где акцент смещен к трудовым правам и социальному страхованию.

Для оценки японского подхода важно учитывать его культурно-правовой контекст: дисциплина и порядок традиционно рассматриваются как необходимые условия исправления, а труд — как ежедневная практика, формирующая устойчивые привычки. Практико-ориентированная ценность модели заключается в том, что трудовая занятость комбинируется с профессиональной подготовкой, а результаты труда используются также для формирования «освободительного фонда», помогающего адаптироваться после освобождения.

Сравнительный риск, который следует зафиксировать, связан с возможной «закрытостью» системы труда и обучения от внешнего рынка. Если виды работ и обучения отстают от современных технологий, то дисциплинарная эффективность может не трансформироваться в социальную эффективность. Поэтому при использовании японского опыта в сравнительных выводах целесообразно отделять организационные решения (регламентация, мотивация, накопления) от конкретных производственных профилей, которые всегда национально обусловлены [Там же].

Рыночная кооперация и риски «тюремной экономики»

В англо-американской дискуссии о тюремном труде значительное внимание уделяется вопросу, может ли осужденный рассматриваться как «работник» в смысле трудового законодательства и распространяются ли на него гарантии, включая минимальную оплату труда и антидискриминационные стандарты. Американская доктрина показывает,

что многие судебные решения отказываются признавать заключенных работниками, мотивируя это тем, что труд в тюрьме имеет преимущественно пенитенциарную, а не экономическую природу. Н. Д. Затц показывает, что споры о статусе работающих заключенных связаны не только с традиционным критерием организационного контроля, но и с экономическим измерением трудового отношения: вопрос состоит в том, считается ли оплачиваемая, но нерыночная работа частью «экономики» и потому подпадает ли она под режим трудового права [22, р. 862–866].

С позиции сравнительного права принципиально важно, что расширение частного участия — от контрактного производства внутри учреждения до форм занятости вне учреждения — усиливает потребность в юридических «предохранителях». Именно на этом настаивают исследователи, анализирующие позицию Международной организации труда, — Ф. Милман-Сиван и Я. Сэги. Они доказывают, что подход МОТ к тюремному труду сталкивается с практикой распространения публично-частных гибридных форм; государства, критикующие жесткое разграничение публичной и частной сфер, добиваются более гибкого подхода, который, по их утверждению, лучше согласуется с современными экономическими условиями и интересами [21, р. 505–507].

В отечественной литературе подобные риски рассматриваются через призму баланса между экономической эффективностью производственного сектора и целями исправления. Подчеркивается, что ставка исключительно на внешние заказы и прибыльность может привести к вытеснению образовательных и социально-реабилитационных программ, тогда как слабая производственная база порождает безработицу, формальную занятость и рост дисциплинарных конфликтов [12, с. 266–268].

Рыночно-кооперационная модель, как показывает зарубежный опыт, необязательно означает приватизацию тюремного труда. В европейских странах участие частных субъектов чаще строится вокруг подрядных отношений и обучения, при этом публичная власть сохраняет определяющую роль в распределении труда и в контроле условий. Риски возникают тогда, когда экономические стимулы начинают влиять на режим и на решения о распределении осужденных, либо когда доступ к жалобам и судебной защите фактически ограничен. Современная европейская доктрина подчеркивает, что граница между «профессионализацией» и «эксплуатацией» проходит по линии юридических гарантий и прозрачности вознаграждения [20, р. 419–421].

С этой точки зрения для российской системы актуален вопрос о правовом дизайне производственного сектора. С одной стороны, исследования фиксируют объективные сложности обеспечения рабочих мест и соответствия условий труда стандартам охраны труда в условиях рыночной экономики и закупочных процедур; с другой — законодательные и организационные решения могут смягчать эти риски путем диверсификации занятости, акцента на обучении и развитии партнерств, не превращающих труд осужденных в товар без должной защиты [14, с. 28–31].

Сравнительный материал показывает, что в ряде стран значительную роль играют сельскохозяйственные и самообеспечивающие виды труда, особенно в учреждениях открытого типа и в региональных системах. Та-

кие практики традиционно воспринимаются как социально полезные и менее конфликтные: они создают видимый результат, допускают обучение прикладным навыкам и иногда облегчают переход к занятости после освобождения. Вместе с тем именно в этой сфере велик риск консервации низкоквалифицированной занятости и отрыва от современного рынка труда, если отсутствуют элементы обучения и сертификации квалификаций.

Отечественные исследования аграрного сектора пенитенциарной системы обращают внимание, что зарубежный опыт использования труда осужденных в сельском хозяйстве эффективен лишь при сочетании трех условий — правовой определенности статуса работающего осужденного, реального экономического результата и реинтеграционной направленности, выраженной в обучении и трудоустройстве после освобождения [10, с. 21–22]. Следовательно, развитие таких практик возможно и в России, но только как часть более широкой стратегии профессионализации и социальной адаптации.

Импlications для Российской Федерации: de lege lata и de lege ferenda

Российское регулирование труда осужденных закрепляет обязательность труда и связывает его с целями исправления. Вместе с тем исследования последних лет фиксируют ряд устойчивых проблем: коллизии отраслевого регулирования, дефицит рабочих мест, недостаточная дифференциация форм занятости и недостаточная «привязка» работ к профессиональным траекториям. В научных работах указывается, что повышение эффективности правового регулирования возможно лишь при одновременном решении вопросов организации производства, мотивации и гарантий прав осужденных [2, с. 63–67].

Организационно-правовые проблемы института труда детально описаны в отечественной монографической литературе. С. Х. Шамсунов подчеркивает, что трудовая занятость в местах лишения свободы должна рассматриваться как управляемая система, включающая производственную политику, кадровое обеспечение, обучение и мотивацию; при отсутствии системного подхода «производственный сектор начинает жить собственной логикой», а исправительный компонент ослабевает [19, с. 112–118].

С учетом зарубежных моделей целесообразно дополнительно рассмотреть вопрос о «праве на труд» осужденного. Конституционно-правовой подход позволяет утверждать, что обязанность труда не исключает права требовать от государства предоставления возможности работать или участвовать в эквивалентной социальной активности; иначе обязанность превращается в фикцию и теряет легитимность. В этом смысле перевод обязанности в форму «обязанности участия» в индивидуальном плане исполнения наказания способен повысить юридическую устойчивость института и снизить конфликтность, особенно в условиях дефицита рабочих мест [4, с. 29–31; 14, с. 30–32].

В доктрине обоснованно предлагается рассматривать трудовую занятость как часть более широкой системы социальной адаптации. В ра-

ботах А.П. Некрасова трудовая занятость осужденных рассматривается во взаимосвязи с задачами исправления, профессиональной подготовки и соблюдения требований охраны труда. Поэтому труд осужденных целесообразно анализировать не изолированно, а как элемент более широкой системы исправительного воздействия [9].

С учетом зарубежного опыта представляется целесообразным предложить следующие направления развития отечественного регулирования. Первое — законодательное усиление модели «обязанности участия» через развитие индивидуальных программ отбывания наказания, где труд, обучение и иные активности рассматриваются как взаимозаменяемые формы достижения целей исправления. В этом контексте финский опыт демонстрирует, что снижение конфликтности и повышение реинтеграционного эффекта достигаются не отменой обязательности, а ее перераспределением: обязанность переносится с конкретного вида труда на участие в социально полезной активности, формирующей навыки и ответственность [5, с. 90–92].

Второе — развитие критериев «приближения к рынку труда» для оценки трудовых программ: профессиональная востребованность, наличие элементов обучения, подтверждаемая квалификация, условия охраны труда, а также разумная структура удержаний и накоплений. Европейские стандарты прямо фиксируют требование справедливого вознаграждения и возможности использовать часть заработка на личные нужды и помощь семье. Эти ориентиры согласуются с отечественными предложениями о реформировании системы оплаты труда и повышении ее справедливости [11, с. 49–51].

Третье — усиление процедурных гарантий и судебного контроля. Поскольку трудовая активность прямо влияет на поощрения, условно-досрочное освобождение и замену наказания более мягким видом, важно, чтобы оценка отношения к труду основывалась на прозрачных критериях и учитывала объективные обстоятельства (наличие рабочих мест, состояние здоровья, доступность обучения). Такая постановка вопроса согласуется с правовыми позициями высшей судебной инстанции, подчеркивающими необходимость учета поведения осужденного в целом и недопустимость формального подхода.

Четвертое — осторожное регулирование публично-частных форм труда. Зарубежная дискуссия показывает, что вовлечение частного сектора может повысить занятость и квалификацию, но требует специальных правовых ограничителей: запрет на предоставление осужденных в распоряжение частных субъектов без публичного контроля, запрет на системы, создающие экономический интерес к увеличению числа заключенных или к продлению сроков, обеспечение эквивалентной охраны труда и механизма подачи жалоб. В противном случае труд рискует стать инструментом экономической эксплуатации, что подвергается критике в современной европейской доктрине [20, р. 418–421].

Пятое — переосмысление мотивации и стимулирования труда. Эмпирические исследования в отечественной науке показывают, что стимулирование (материальное и нематериальное) влияет на качество и устойчивость трудовой занятости, а потому должно быть встроено в правовые механизмы исполнения наказания [3, с. 27–29]. Опыт Япо-

нии демонстрирует, что дисциплинарная нормативность может сочетаться с системой накоплений, ориентированной на период после освобождения, однако перенос этой модели требует учета национальных социально-правовых условий и возможностей социальной поддержки [8].

Существенный потенциал сравнительного подхода проявляется в уточнении правового статуса работающего осужденного. В отечественной доктрине неоднократно отмечалось, что труд осужденных регулируется «смешанным» образом: с одной стороны, он подчинен целям и режиму исполнения наказания, с другой — по содержанию является трудовой деятельностью, требующей применения стандартов охраны труда и отдельных институтов трудового права [18, с. 100–103]. Данная дуальность должна быть не источником неопределенности, а предметом правового конструирования.

17

В этом контексте представляется перспективным законодательное закрепление минимального «ядра» трудовых гарантий, применимых к осужденным, независимо от отраслевой квалификации отношений. Такое ядро должно включать: право на безопасные условия труда и медицинское обеспечение, запрет дискриминации при распределении работ, прозрачные правила оплаты и удержаний, доступ к информации о начислениях, право на обжалование решений о трудоустройстве и дисциплинарных мерах, а также запрет на привлечение к труду в условиях, унижающих достоинство. Сравнительный аргумент в пользу такого ядра состоит в том, что даже в системах с обязанностью труда нормализация условий и процедурные гарантии являются обязательным условием легитимности института [6, с. 43–45; 20, р. 418–420].

Отдельного внимания заслуживает вопрос мотивации и реального содержания заработка. П. Н. Посмаков, анализируя современное состояние производственной деятельности исправительных учреждений, обращает внимание на то, что общественно полезный труд используется недостаточно эффективно: фактический вывод на оплачиваемые работы остается невысоким, количество рабочих мест и технологического оборудования недостаточно, а значительный износ оборудования затрудняет выпуск конкурентной продукции и обеспечение минимальной заработной платы осужденных [12, с. 267–268].

В зарубежных системах (включая Германию и Финляндию) существенную роль играют механизмы накоплений и использования части заработка на поддержку семейных связей. Это имеет прямой реинтеграционный эффект: осужденный сохраняет ответственность перед семьей и формирует навыки финансового планирования. В российской модели такие механизмы также предусмотрены, однако их эффективность зависит от уровня реального вознаграждения и прозрачности удержаний, что требует дальнейшей научной проработки и законодательной детализации [11, с. 49–52; 13, с. 398–401].

Сравнительный опыт позволяет также уточнить приоритеты производственного развития. А. Ю. Долинин и В. И. Огородников связывают повышение эффективности трудового использования осужденных с модернизацией производственной базы, совершенствованием нормативного регулирования и сохранением исправительной направленности труда [2, с. 71–72].

Наконец, необходимо развивать научно обоснованные критерии оценки «отношения к труду» при решении вопросов поощрения и изменения правового положения осужденного. Зарубежные системы, как правило, опираются на комплексный подход: учитывается участие в программах, выполнение индивидуального плана, результаты обучения, а не только факт работы. Такая логика повышает справедливость и снижает формализм. Финская модель особенно показательна тем, что «план» и «результаты участия» выступают центральными категориями правового положения осужденного [5, с. 91 – 92].

Сравнительный опыт подчеркивает необходимость институциональной связки «тюремный труд — занятость после освобождения». Для повышения эффективности требуются механизмы передачи информации о квалификациях и трудовом опыте в органы занятости и к потенциальным работодателям, а также программы сопровождения, особенно для лиц, имеющих дефицит образования и навыков. В противном случае труд в местах лишения свободы остается замкнутым внутри системы и не снижает риск рецидива. Отечественные авторы обращают внимание на то, что развитие системы обучения и профессиональной сертификации внутри учреждений должно быть подкреплено внешними каналами трудоустройства и социальной поддержки [14, с. 31 – 33].

Противоположные позиции и обоснование предлагаемого подхода

В научной дискуссии можно выделить две противоположные позиции. Первая исходит из того, что труд в местах лишения свободы является элементом наказания и дисциплины; следовательно, он может быть обязательным, а уровень оплаты и объем гарантий могут отличаться от «обычного» труда. Сторонники этой позиции указывают на необходимость поддержания порядка и предотвращения криминогенной праздности, а также на ограниченность ресурсов пенитенциарной системы. Вторая позиция, напротив, настаивает на максимальном сближении труда осужденных с рынком труда и на распространении на них трудовых прав, включая справедливую оплату и социальное страхование; обязательность труда рассматривается как риск эксплуатации и противоречие идее реинтеграции [20, р. 412 – 415].

Представляется, что корректным является синтетический подход. Международные нормы допускают обязанность труда в отношении осужденных, но при этом устанавливают жесткие ограничения, особенно в части вовлечения частных субъектов и обеспечения публичного контроля. Европейские стандарты требуют справедливой оплаты и реинтеграционной ориентации труда. Поэтому обязательность труда может рассматриваться как допустимый инструмент исполнения наказания лишь при условии, что она «компенсируется» развитой системой гарантий, доступностью альтернативной активности (обучение, лечение, программы), а также юридически ясным статусом, обеспечивающим охрану труда и эффективную защиту прав. Именно такой баланс, по нашему мнению, наиболее перспективен для российской модели, поскольку

ку позволяет сохранить дисциплинарный и исправительный потенциал института труда, не допуская его деградации в сторону формального принуждения или экономической эксплуатации.

Аргументы первой позиции заслуживают внимания в части поддержания порядка и преодоления социальной дезорганизации, которую может вызвать «праздность» в условиях изоляции. В этом смысле обязанность труда может быть оправдана как средство дисциплины. Однако сравнительный анализ показывает, что дисциплинарная логика не должна доминировать над реинтеграционной: если труд не ведет к приобретению навыков, не гарантирует безопасности и не формирует экономически значимого опыта, то он лишь имитирует исправление и повышает риск рецидива. Этот тезис подтверждается и отечественной доктриной, настаивающей на профессионализации и мотивации труда как предпосылках исправительного эффекта [3, с. 26—29; 17, с. 85—88].

Аргументы второй позиции убедительны в части прав человека: исключение заключенных из трудовых гарантий создает «серую зону», где эксплуатация становится структурно возможной. Европейская доктрина, опираясь на анализ правового статуса и оплаты, делает вывод, что трудовая занятость должна быть инструментом включения в общество, а не механизмом исключения. Вместе с тем полное тождество тюремного труда обычной занятости не всегда достижимо, поскольку лишение свободы по определению ограничивает автономию и свободу договора; поэтому ключевой вопрос — не формальная квалификация отношений, а наличие минимального ядра гарантий и процедурной справедливости [20, р. 418—423; 22, р. 890—895].

Таким образом, предлагаемый синтетический подход исходит из того, что государство вправе требовать социально полезной активности от осужденного, но обязано обеспечить, во-первых, разнообразие форм участия (труд, обучение, программы), во-вторых, нормативную ясность статуса и прозрачность процедур, в-третьих, справедливое вознаграждение и безопасность труда, в-четвертых, эффективные механизмы жалоб и судебного контроля. Именно совокупность этих элементов превращает труд в реальный инструмент ресоциализации и снижает риск превращения тюремного труда в «инструмент эксплуатации» или в формальную дисциплинарную практику.

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ показывает, что зарубежные правовые порядки предлагают несколько устойчивых моделей регулирования труда осужденных к лишению свободы. Германская модель демонстрирует значение детальной нормативной регламентации, связывающей обязанность труда с гарантиями и профессиональной подготовкой; финская модель — эффективность «обязанности участия» и приоритет индивидуального плана; японская модель — потенциал дисциплинарной регламентации при наличии стимулирующих механизмов. Современная зарубежная доктрина подчеркивает риски ис-

ключения работающих осужденных из сферы трудовых прав и необходимость оценивать тюремный труд через призму реинтеграции и прав человека [20, р. 409–411; 21, р. 520–522].

Для российского правового порядка сравнительный материал позволяет сформулировать ряд направлений развития: усиление индивидуализации и расширение форм социально полезной активности, модернизация критериев оценки трудовых программ, повышение справедливости вознаграждения и прозрачности удержаний, развитие процедурных гарантий и судебного контроля, а также осторожное регулирование публично-частных форм труда с учетом международных ограничений. Реализация этих направлений способна повысить практическую эффективность института труда как средства исправления и снизить конфликтность исполнения наказания.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются оценка влияния различных моделей оплаты на мотивацию и дисциплинарные конфликты; анализ судебной практики по жалобам на условия труда и оплату; сравнительное изучение механизмов социального страхования и накоплений; а также разработка стандартов качества трудовых программ, учитывающих цифровизацию экономики и структуру региональных рынков труда. Для практических работников правоохранительных органов и пенитенциарной системы сравнительный подход важен тем, что позволяет переходить от административных мер к правовым конструкциям, в которых цели исправления, безопасность и права осужденных находятся в устойчивом балансе.

Список литературы

1. Галкин М. Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб., 1868.
2. Долинин А. Ю., Огородников В. И. Повышение эффективности правового регулирования труда и трудового использования осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16, №1. С. 63–73. doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).1.063-073.
3. Емельянова Е. В. Влияние мотивации и стимулирования на содержание труда осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. 2015. №3 (21). С. 25–31.
4. Зенина Н. В., Павлова Е. В., Строгович Ю. Н. Привлечение к труду осужденных к лишению свободы: теоретические вопросы конституционно-правового регулирования // Российская юстиция. 2015. №1. С. 27–31.
5. Коски М., Дружининская О. В. Организация тюрем в Финляндии после реформы 2006 г. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. №3 (31). С. 90–96.
6. Крымов А. А., Родионов А. В., Скиба А. П. Правовое регулирование организации труда осужденных в пенитенциарных учреждениях Германии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. №1 (37). С. 41–46.
7. Миняева Т. Ф. Труд как основное средство исправления осужденных в свете Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года // Российская юстиция. 2013. №3. С. 31–33.

8. Мустафина Д. И., Медяков Т. С. Сравнительная характеристика особенностей труда осужденных в России и Японии // Вестник Пермского института ФСИН России. 2014. № 4 (15). С. 88–90.

9. Некрасов А. П. Цель исправления и предупреждения преступлений как основные положения Уголовно-исполнительного кодекса РФ: современный взгляд и перспектива // Вектор науки ТГУ. Сер.: Юридические науки. 2018. № 1 (32). С. 28–30.

10. Новожилова Ж. С. Использование труда осужденных в сельском хозяйстве пенитенциарной системы: краткий отечественный и зарубежный опыт // Агропродовольственная политика России. 2015. № 5 (41). С. 20–23.

11. Нурбаев М. С. Совершенствование системы оплаты труда осужденных в местах лишения свободы // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 2 (16). С. 48–52.

12. Посмаков П. Н. Привлечение осужденных к труду и развитие производственной деятельности в уголовно-исполнительной системе: современное состояние и основные проблемы. Часть 1 // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 3. С. 265–271. doi: 10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).3.265-271.

13. Посмаков П. Н. Привлечение осужденных к труду и развитие производственной деятельности в уголовно-исполнительной системе: предложения по повышению эффективности. Часть 2 // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15, № 4. С. 396–402. doi: 10.33463/2687-122X.2020.15(1-4).4.396-402.

14. Родионов А. В. Актуальные проблемы реализации уголовно-исполнительной политики в сфере организации труда осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16, № 1. С. 27–33. doi: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).1.027-033.

15. Серебrenникова А. В. Уголовно-исполнительное законодательство Баварии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 4 (24). С. 74–78.

16. Соколова О. В., Степанова И. Б. Труд как одно из средств исправления осужденных к лишению свободы: проблемы законодательного регулирования // Lex russica. 2015. Т. 98, № 1. С. 76–83.

17. Уткин В. А. Проблемы правового регулирования труда осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6). С. 81–88.

18. Чубраков С. В. Отношения в сфере труда осужденных: правовая природа и проблемы регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 99–110.

19. Шамсунов С. Х. Труд осужденных к лишению свободы в России (организационно-правовые проблемы). Рязань, 2003.

20. Mantouvalou V. Work in prison: Reintegration or exclusion and exploitation? // European Labour Law Journal. 2024. Vol. 15, № 3. P. 409–425. doi: 10.1177/20319525241270268.

21. Milman-Sivan F., Sagy Y. On the International Labour Organization and prison labour: an invitation to recalibrate // International Labour Review. 2020. Vol. 159, № 4. P. 505–524. doi: 10.1111/ilr.12182.

22. Zatz N. D. Working at the boundaries of markets: prison labor and the economic dimension of employment relationships // Vanderbilt Law Review. 2008. Vol. 61, № 3. P. 857–958.

Об авторе

Антон Борисович Баумштейн — д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия.

ORCID: 0000-0003-1479-7850

SPIN-код: 5859-2064

E-mail: 5068896@list.ru

A. B. Baumshtein

22

INTERNATIONAL APPROACHES TO THE LEGAL REGULATION OF PRISON LABOUR

Southwest State University, Kursk, Russia

Received 21 January 2026

Accepted 14 March 2026

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-1

To cite this article: Baumshtein A. B., 2026, International approaches to the legal regulation of prison labour, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 2. P. 5—22. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-1.

This article examines international approaches to the legal regulation of prison labour in light of the purposes of punishment, offender reintegration and human rights protection. The study aims to identify core regulatory models and assess their relevance to improving Russian penal policy. The methodology framework combines comparative legal analysis, formal doctrinal methods and elements of historical and systemic inquiry. A typology of foreign regulatory approaches is proposed and validated, duty-to-work frameworks, duty-to-participate regimes embedded in individual sentence plans and market-oriented arrangements involving cooperation with private actors. The legal clarity of the status of the working prisoner, occupational safety guarantees, fair remuneration, safeguards against exploitation and effective judicial oversight are highlighted as the key criteria for effective regulation. Recommendations are formulated for the further development of the domestic regulatory framework in light of international standards and comparative experience.

Keywords: prison labour, imprisonment, penal law, comparative law, reintegration, prison policy

The author

Prof. Anton B. Baumshtein, Associate Prof., Prof. of the Criminal Law Department, Southwest State University, Kursk, Russia.

ORCID: 0000-0003-1479-7850

E-mail: 5068896@list.ru

Д. С. Кийко

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ
«ВОЕННЫЙ РОБОТ» И «ВОЕННАЯ РОБОТОТЕХНИКА»
В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ**

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП),

Казань, Россия

Поступила в редакцию: 21.01.2026 г.

Принята к публикации: 14.03.2026 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-2

23

Для цитирования: Кийко Д. С. Концептуальные основы разграничения понятий «военный робот» и «военная робототехника» в уголовно-правовой доктрине // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. № 2. С. 23–37. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-2.

Рассмотрена актуальная проблема отсутствия единого определения ключевых понятий в области военной робототехники как фактора неэффективности традиционных правовых норм в условиях стремительного технологического развития. Цель исследования состоит в преодолении терминологического пробела путем разработки и обоснования доктринальных определений ключевых категорий «военный робот» и «военная робототехника» для совершенствования системы уголовно-правового регулирования. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой анализ, способствующий сравнению национальных подходов и практик правового регулирования общественных отношений в сфере робототехники, а также структурно-функциональный метод, примененный для выявления и систематизации сущностных характеристик изучаемых феноменов. Обоснована необходимость четкого концептуального разграничения указанных понятий, предложены определения терминов «военный робот» и «военная робототехника». Основной вывод исследования заключается в том, что внедрение предложенных дефиниций формирует необходимую концептуальную основу для системной модернизации институтов уголовной ответственности, а именно уточнения субъекта преступления и форм вины, а также криминализации новых форм противоправного поведения. Подобное обновление уголовно-правового инструментария представляется необходимым условием для поддержания правовой безопасности и эффективного противодействия вызовам, порождаемым технологической трансформацией военного дела.

Ключевые слова: военный робот, военная робототехника, автономные системы, уголовное право, уголовная ответственность, квалификация преступлений, правовые пробелы, искусственный интеллект

Введение

Современный этап развития технологий характеризуется стремительными изменениями в области ведения боевых действий, связанными с активным использованием роботизированных систем и средств искусственного интеллекта в ходе вооруженных конфликтов. Эта тенденция, которую Ли Кайфу определил как «третью революцию в военном деле» [1, р. 338], порождает множество вызовов в сфере уголовно-правового регулирования. Формирование новых видов оружия и средств ведения войны, способных функционировать в автономном режиме, кардинально меняет традиционные представления о ведении боевых действий и ставит под сомнение эффективность существующего законодательства с точки зрения противодействия совершаемым с помощью новых технологий искусственного интеллекта преступлениям. Актуальность темы настоящего исследования обусловлена нарастающим разрывом между скоростью технологических изменений в области военной робототехники и относительной статичностью уголовного права, которое пока не выработало единого подхода к квалификации преступлений, субъектом которых является робот.

Проблема исследования заключается в фундаментальной неопределенности базовых понятий «военный робот» и «военная робототехника» в доктрине уголовного права. Отсутствие законодательно закреплённых и научно обоснованных дефиниций создает правовой пробел, препятствуя четкому распределению ответственности между разработчиком, оператором и командующим, а также точной квалификации преступлений, совершенных с использованием автономных систем или против них. Как справедливо отмечает М. Сассоли, широкое использование автономных систем без должного международно-правового и национального регулирования несет в себе серьезные риски для соблюдения международного гуманитарного права и защиты прав человека [2, р. 339]. В российской уголовно-правовой науке также констатируется наличие пробелов в вопросе о противодействии преступлениям в эпоху цифровой трансформации [3, с. 53].

Целью данной статьи является разработка научно обоснованных определений понятий «военный робот» и «военная робототехника», адаптированных для целей уголовно-правового регулирования. Для достижения этой цели работа предполагает решение ряда взаимосвязанных задач: анализ технологической эволюции военных роботов от телеуправления к автономности; выявление специфических уголовно-правовых рисков их применения, включая проблему распределения ответственности; сравнительный анализ ключевых дефиниций с позиций уголовного права и, наконец, формулировка доктринальных определений, пригодных для дальнейшего совершенствования законодательства.

Правовые пробелы в условиях развития военной робототехники

Стремительное развитие военной робототехники, характеризующееся активными процессами производства и распространения полностью автономных систем, оснащенных искусственным интеллектом, способным

принимать решения без участия человека, выявило системные правовые пробелы, создающие серьезные риски для международной безопасности и правового регулирования. Фундаментальной проблемой становится отсутствие правовой базы, которая отвечала бы вызовам современности и могла бы эффективно реагировать на проблемы, порождаемые новыми технологиями. Существующие правовые нормы довольно ограничены в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием искусственного интеллекта [4, с. 67]. Правовая доктрина оказывается в состоянии перманентного отставания от технологических реалий, что приводит к возникновению комплекса взаимосвязанных проблем.

Центральным представляется пробел в области определения субъекта ответственности за вред, причиненный автономными системами. В результате возникает вопрос о распределении вины за причиненный роботом ущерб, когда ответственность потенциально расплывается между многочисленными участниками жизненного цикла робота, начиная от разработчика, программиста и завершая оператором и командиром, принимающим решение о применении машинного интеллекта. По мнению Р. Кало, в современном праве отсутствует механизм разрешения проблемы распределения ответственности за действия, совершаемые автономными системами, оснащенными искусственным интеллектом [5, с. 532–537]. Эта неопределенность может позволить ответственным лицам остаться безнаказанными в случае инцидентов с несанкционированным применением автоматических систем, результатом которого стала гибель человека. Н.Л. Денисов прямо указывает на неспособность существующих конструкций уголовной ответственности решать эти задачи и на неэффективность традиционных границ правосубъектности [6]. Возникает так называемый правовой пробел, при котором не существует четких критериев определения лица, виновного в преступлении, совершенного в результате действия автономного робота, не обладающего сознанием, который не соответствует традиционному пониманию субъекта преступления [7, с. 331].

Не менее существенной является проблема соответствия автономных систем нормам международного гуманитарного права, в частности принципам разграничения целей и соразмерности. Способность робота оценивать сложный и динамичный контекст боевых действий, что требует наличия эмпатии и контекстного анализа, присущего, как отмечает Дж. Баррат, лишь разуму человека, остается предметом серьезных сомнений [8, с. 25]. Учеными справедливо поднимается вопрос о недопустимости полностью автоматизированного принятия решений, касающихся жизни и смерти человека, поскольку действия, совершаемые системами искусственного интеллекта, являются полностью утилитарными, лишенными комплексной моральной оценки сложившейся обстановки [9, р. 85–89]. Однако, как отмечают А.В. Габов и И.А. Хаванова, если автономный робот, применение которого на поле боя является незаконным, сумеет учесть весь комплекс моральных и этических дилемм при принятии решения, его программа не сможет обеспечить полное соблюдение всех требований моральных и уголовных норм, хоть и будет согласована с принципами международного гуманитарного права [10, с. 370]. Усугубляет ситуацию феномен «психологической дистан-

ции» [11], наблюдаемый в контексте ведения боевых действий с использованием дронов, управляемых дистанционно посредством радио- или спутникового сигнала. Данный феномен представляет собой значимую проблему в области военной психологии и этики и характеризуется снижением порога применения силы, что может приводить к проявлениям чрезмерной жестокости и нарушению основополагающих принципов гуманности.

Истоки многих правовых пробелов лежат в дефинитивном пробеле, подразумевающим отсутствие единых и согласованных понятий. Эта терминологическая неопределенность является главным препятствием для создания эффективных международных и национальных правовых режимов. Без четкого определения предмета регулирования любые правовые нормы рискуют остаться декларативными и легко обходимыми на практике. Как справедливо отмечает И. Р. Бегишев, технологическое развитие влечет за собой появление новых терминов и постоянное обновление и расширение терминологии, относящейся к сфере роботов и робототехники [12, с. 80].

Таким образом, правовые пробелы в сфере военной робототехники носят системный и многогранный характер, пронизывая все уровни правового регулирования от квалификации конкретных деяний до фундаментальных принципов международного гуманитарного права. Преодоление этих пробелов требует безотлагательных скоординированных усилий международного сообщества, направленных на формирование новой правовой парадигмы, которая способна ответить на беспрецедентные вызовы, порождаемые развитием автономных боевых систем.

Сравнительно-правовой и доктринальный анализ понятия «военный робот»

Определение понятия «военный робот» представляет собой методологическую проблему, находящуюся на стыке технологических наук, международного права и национальных правовых систем. Отсутствие унифицированного подхода к дефиниции обусловлено как стремительным развитием самих технологий, так и устоявшимися правовыми традициями государств. Проведение сравнительно-правового анализа позволяет выявить ключевые дискурсивные практики и концептуальные подходы к пониманию данной категории.

В международном правовом поле доминирует функциональный подход, акцентирующий внимание на автономности системы как ее ключевом признаке. В документах ООН и экспертных отчетах регулярно используется термин «смертоносные автономные системы оружия» (Lethal Autonomous Weapons Systems — LAWS), под которыми понимаются системы, способные самостоятельно, без непосредственного контроля оператора, выбирать цели и применять силу [13]. LAWS оказались в фокусе внимания исследователей и ученых из разных стран. Открытое письмо, которое подписали более трех тысяч экспертов в области робототехники, среди которых были известный ученый С. Хокинг и предприниматель И. Маск, было опубликовано в ходе Международной совместной конференции по искусственному интеллекту в 2015 г. В этом

письме LAWS были охарактеризованы как «третья революция в военном деле после пороха и ядерного оружия», что еще сильнее подчеркивает их особую роль в современных вооруженных конфликтах [14].

Согласно альтернативной точке зрения, продвигаемой, в частности, А. Кришнаном, концепция военного робота основывается на технологическом подходе, рассматривающем его как совокупность аппаратных и программных компонентов. В их числе выделяются датчики, камеры, радары, исполнительные механизмы, информационные процессоры и средства передвижения [15, р. 21]. Тем не менее данный метод обладает определенными недостатками, поскольку он не всегда способен охватить весь спектр непрерывно развивающихся технологий. Более того, в рамках технологического подхода возникает сложность в дифференциации систем гражданского и военного назначения.

На национальном уровне наблюдается значительный разброс в подходах, отражающий как уровень технологического развития, так и правовые традиции конкретных государств. В американской военно-правовой доктрине, например, используется детализированная классификация Министерства обороны США (DoD Directive 3000.09), которая разделяет системы по уровням автономности в зависимости от уровня человеческого контроля. Директива подчеркивает необходимость «надлежащего уровня человеческого суждения» в момент принятия решения в отношении применения силы [16]. Данный подход отличается высокой степенью технической конкретики, но при этом слабо адаптирован для правового регулирования, так как не позволяет квалифицировать степень виновности и установить причинно-следственные связи в ходе расследования совершенного преступления.

В настоящий момент в правовом поле Российской Федерации отсутствует закрепленное на уровне федерального законодательства определение робототехнической системы. Регулирование отдельных вопросов, связанных с данной сферой, осуществляется опосредованно в рамках правового режима, установленного для искусственного интеллекта. Ключевым ориентиром здесь служит Указ президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, который закрепляет трактовку искусственного интеллекта как комплекса технологических решений, направленных на воспроизведение человеческих когнитивных функций [17]. Данная дефиниция создает определенную нормативную базу для правового сопровождения развития интеллектуальных робототехнических комплексов. Вместе с тем подобный подход обладает существенным недостатком, поскольку он не отражает специфической природы робототехники как самостоятельной дисциплины, ключевым признаком которой является способность к физическому воздействию на окружающий мир и активному взаимодействию с ним.

В российском правовом дискурсе начинает формироваться собственный понятийный аппарат. Как отмечает И. Р. Бегишев, в отечественном законодательстве отсутствует единое и согласованное определение беспилотных транспортных средств [18, с. 8–9], что создает правовой пробел и вынуждает обращаться к доктринальным толкованиям. В рамках анализа дефиниций термина «робот» представляется целесообразным обратиться к определению, предложенному И. Р. Бегишевым, кото-

рый определяет робота как высокотехнологичный продукт цифровой эпохи, функционирующий на основе программного обеспечения и обладающий способностью как выполнять predetermined алгоритмические задачи, так и автономно решать сложные проблемы, требующие когнитивного подхода [19, с. 14]. Таким образом, робот представляет собой синергетическую систему, интегрирующую достижения в области искусственного интеллекта, робототехники и компьютерных наук, что позволяет ему эффективно взаимодействовать с окружающей средой в рамках заданных параметров.

В Индии наблюдается децентрализованный характер нормативного регулирования, где ключевой документ («Национальная стратегия по искусственному интеллекту») фактически интегрирует робототехнику в более широкую парадигму ИИ, не признавая ее автономным предметом правового поля [20]. Эта концептуальная позиция, при которой робототехника лишается отдельного юридического статуса, сдерживает формирование целенаправленной законодательной базы и порождает среду нормативной неопределенности. В свою очередь, Южно-Африканская Республика находится на этапе становления соответствующего законодательного аппарата. Стратегический курс, отраженный в общеафриканской «Стратегии цифровой трансформации (2020–2030)», задает общий вектор развития, упоминая робототехнику в контексте Четвертой промышленной революции [21], однако он носит декларативный характер и лишен конкретики в вопросах дефиниций и систематизации таких технологических решений. В правовом поле других африканских стран, например Нигерии, не дается точного определения данному термину, а сами роботы не рассматриваются в качестве субъектов права [22, с. 846]. Таким образом, обе юрисдикции, хотя и на разных стадиях, сталкиваются с дефицитом четких нормативных ориентиров для регулирования стремительно развивающейся робототехнической отрасли.

В рамках уголовно-правовой доктрины анализ понятия «военный робот» требует смещения акцента с чисто технологических параметров на критерии, имеющие непосредственное значение для квалификации преступлений и назначения наказания. В этом контексте принципиальное значение приобретает не столько степень автономности системы в техническом смысле, сколько характер и уровень делегирования ей правомочий по принятию решений, связанных с причинением вреда охраняемым уголовным законом благам, а именно жизни, здоровью и имуществу. Можно отметить, что с уголовно-правовой точки зрения ключевым является точное определение того, выступает ли робот всего лишь инструментом преступления, оружием, управляемым человеком, или же он выполняет функцию субъекта преступления. В первом случае, например, при использовании дистанционно управляемого беспилотного аппарата, ответственность за все деяния правомерно должна вменяться оператору или командиру. Во втором случае, когда система обладает значительной автономией, возникает правовая коллизия, так как классические составы преступлений не предусматривают ответственности за косвенное причинение вреда посредством сложной кибернетической системы, самостоятельно принимающей решения.

Фундаментальной причиной существующих терминологических расхождений в трактовке таких понятий, как «робот» и «военный робот», а также отсутствия консенсусной системы критериев для их идентификации является глубинная сложность самой задачи формулирования исчерпывающей дефиниции. В этой связи представляется релевантной позиция А. Войкулеску, который аргументирует, что проблема дефиниции носит комплексный характер, проистекая из самой природы робототехники как феномена [23, р. 162—163]. Ее разработка и последующая интеграция в социальный и операционный контекст не ограничиваются сугубо технической плоскостью, поскольку охватывают широкий спектр сопряженных аспектов, среди которых можно выделить стремительную эволюцию технологических возможностей, порождающую пробелы в традиционном законодательстве и нормативные вызовы, а также фундаментальные этические дилеммы, касающиеся автономии, ответственности и границ допустимого применения автономных боевых систем. Многомерность этой проблемы закономерно обуславливает необходимость привлечения набора специализированных знаний, выходящего за рамки инженерии и кибернетики и охватывающего области таких дисциплин, как юриспруденция, прикладная этика, а в ряде случаев даже медицина и биология, что подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода не только для концептуализации данного понятия, но и для его ответственной практической имплементации.

Проведенный анализ со всей очевидностью выявляет глубокий концептуальный разрыв в понимании категории «военный робот». Данный термин лишен универсального содержания. В плоскости международного права акцент смещен на критерий функциональной автономности, а на национальном уровне наблюдается крайний плюрализм подходов, а иногда и отсутствие какого бы то ни было определения. Уголовно-правовая доктрина справедливо настаивает на выработке таких дифференцирующих признаков, которые напрямую служили бы целям квалификации деяний и четкой индивидуализации ответственности. Подобная терминологическая неопределенность не только блокирует формирование жизнеспособного международно-правового режима, но и создает непреодолимые препятствия для построения непротиворечивой и эффективной системы уголовно-правовых норм внутри отдельных государств. В свете изложенного настоятельной методологической необходимостью представляется разработка доктринальной дефиниции, концептуально адаптированной к специфическим задачам и принципам уголовного права.

Разграничение смежных понятий «военный робот» и «военная робототехника»

В современной научной и практической сфере сохраняется терминологическая неоднородность в определении ключевых понятий. Эта проблема признается на государственном уровне, что подтверждается официальными документами, где отсутствие единого понимания терминов «искусственный интеллект» и «робот» прямо указывается в качестве

барьера для формирования правового регулирования [24]. При этом в России до сих пор не создано специализированное законодательство, учитывающее специфику технологий искусственного интеллекта и робототехники. В связи с этим актуализируется потребность в фундаментальных отечественных исследованиях, способных обеспечить содержательное осмысление данного феномена, что является необходимым условием для выстраивания эффективной системы уголовно-правовой охраны. Особую значимость в этом процессе приобретают разработки в области наук уголовно-правового цикла, поскольку роботизированные системы, в частности получающие все большее распространение категории «военный робот» и «военная робототехника», требуют тщательного изучения в качестве как предмета, так и орудия совершения преступления.

Формирование правового поля для сферы автономных вооружений осложняется некорректной терминологической идентификацией, когда в дискурсе происходит подмена понятия «военный робот» (как конкретного устройства) более широкой категорией «военная робототехника» (как комплексной отрасли знаний и технологий). Эта концептуальная подмена влечет за собой методологическую несостоятельность при конструировании юридических норм, поскольку законодатель де-факто лишается четко очерченного предмета регулирования. Он колеблется между попыткой нормировать единичный объект и стремлением охватить всю многогранную технологическую и социальную экосистему.

В системе права категория «военный робот» требует многоаспектного анализа для определения ее юридической сущности. Исторически начиная с сочинений К. Чапека понятие «робот» прочно связывается с идеей автоматического устройства, чьи функции являются антропоморфными, то есть направленными на замену человека при выполнении определенных операций. Этот антропоцентричный подход нашел отражение и в узкоспециализированных источниках, таких как «Военный энциклопедический словарь», где боевой робот определяется как техническое устройство, обладающее человекоподобным поведением и предназначенное для выполнения боевых задач вместо человека [25]. Аналогичный акцент на имитации человеческих функций присутствует и в ряде дефиниций роботов военного назначения, где ключевым критерием выступает их способность функционировать в автономном режиме [26, с. 88]. Таким образом, антропоморфизм, понимаемый как автоматизация человеческих действий, остается смысловым ядром многих определений, что, однако, не снимает вопросов о его достаточности для четкого разграничения данной категории техники в условиях быстрого технологического развития.

В отличие от определения «военного робота», понятие «военная робототехника» является родовым, обобщающим и обозначает целую технологическую и социально-правовую сферу. Это комплексная отрасль знаний, технологий и практик, охватывающая не только создание отдельных образцов, но и всю инфраструктуру их обеспечения. Данное понятие включает в себя несколько ключевых элементов. Во-первых, это научно-техническая и производственная деятельность по проектированию, конструированию, программированию и испытаниям роботизи-

рованных систем военного назначения. Во-вторых, военная робототехника представляет собой систему знаний, включающую теоретические основы, алгоритмы, программное обеспечение и тактико-технические доктрины применения. В-третьих, это правовое поле, совокупность норм, регулирующих разработку, развертывание и боевое применение роботизированных систем, включая международное гуманитарное право, договоры о контроле над вооружениями и национальное уголовное законодательство. Ключевой задачей современной робототехники, по мнению А. Войкулеску, является проектирование машин, способных к автономному функционированию и активному взаимодействию с изменяющейся окружающей средой [23, р. 162]. Эта фундаментальная установка подчеркивает, что роботы создаются не как статичные инструменты, а как активные агенты, способные самостоятельно воспринимать динамичную окружающую среду, анализировать ее и реагировать на ее изменения. Автономность является основным критерием для понимания специфики военных роботов, поскольку именно она трансформирует их из простого орудия в потенциально независимый субъект на поле боя. Таким образом, если военный робот является материальным продуктом, то военная робототехника — это процесс и контекст его создания и функционирования.

Смысловое разделение категорий «военный робот» и «военная робототехника» важно для уголовно-правовой доктрины, поскольку именно оно задает направление и границы применимости правовых мер. Если уголовное право рассматривает робота в качестве материального объекта, то правовые нормы фокусируются на таких деяниях, как его противоправное применение в качестве орудия, умышленная порча имущества и др. В этой парадигме закон имеет дело с физическим объектом и непосредственно причиняемым им вредом. Напротив, регулирование военной робототехники как комплексной области деятельности предполагает иную, более сложную логику. Оно требует создания правовых составов, которые охватывали бы преступления в сфере научно-технического развития военных технологий, устанавливали ответственность за решения, связанные с использованием автономных боевых систем, и противодействовали незаконному распространению критически важных технологий. В данном случае объектом правовой оценки становится не единичное действие, а целенаправленная деятельность, чреватая возникновением масштабных угроз для государственной и международной безопасности. Таким образом, анализируемое разграничение понятий становится не формальностью, а ключевым условием для выстраивания релевантной и действенной уголовно-правовой системы. «Военный робот» здесь предстает как конкретный носитель определенного правового статуса, тогда как «военная робототехника» является динамической и многокомпонентной деятельностью, создающей принципиально новые формы общественной опасности. Четкое их разделение позволяет с максимальной точностью определить сферу регулирования, корректно квалифицировать противоправные деяния и минимизировать правовой пробел, проистекающий из терминологической неопределенности.

Влияние определения понятий на институты уголовной ответственности

Устоявшаяся и терминологически выверенная трактовка понятий «военный робот» и «военная робототехника» имеет принципиальное значение для конструирования институтов уголовной ответственности. Доктринальное определение данных категорий с последующей возможностью их легальной фиксации формирует концептуальный фундамент для всего уголовно-правового режима в этой области. От конкретики этих дефиниций напрямую зависит логика применения правовых норм на всех ключевых стадиях — от решения вопроса о криминализации того или иного действия автономной системы до корректной квалификации деяния и определения меры ответственности конкретных субъектов.

Прежде всего определение понятия «военный робот» является отправной точкой для криминализации новых видов общественно опасных деяний. Без четкого понимания того, что представляет собой данный объект, законодатель не может корректно сформулировать диспозиции соответствующих статей Уголовного кодекса РФ. Например, необходимость введения специального состава преступления, связанного с незаконным использованием автономного военного робота, напрямую зависит от его отграничения от дистанционно управляемых систем. Если под роботом понимать любую автоматизированную систему, то состав будет чрезмерно широким. Если же связать определение с ключевым признаком автономности, способностью к самостоятельному принятию решений в определенном контексте, то и состав преступления может быть сконструирован более точно, охватывая именно те деяния, которые обладают повышенной общественной опасностью в силу выхода системы из-под непосредственного контроля человека. Как отмечает Е. В. Щелконогова, понимание объекта преступления имеет большое значение для систематизации Особенной части УК РФ [27, с. 132], и в данном случае таким объектом выступают не только традиционные блага, но и новая сфера общественных отношений, а именно безопасность функционирования автономных систем.

Терминологическая неопределенность оказывает наиболее значимое воздействие на институты субъекта преступления и вины как фундаментальные основы уголовного права. Традиционная правовая парадигма, основанная на концепции вменяемого лица как единственного субъекта ответственности, переживает системный кризис в тех ситуациях, когда ущерб причиняется функционированием автономных систем. В случае, если система квалифицируется лишь как инструмент совершения преступления, то вся полнота ответственности возлагается на оператора или командующего, а правовой анализ сосредотачивается на установлении стандартных форм вины (умысла или неосторожности) в их действиях.

Дефиниция, включающая в себя способность системы к автономному определению целей и использованию силового воздействия на основе алгоритмов ИИ, порождает существенную правовую неопределенность. В данном контексте традиционная модель возложения ответственности на оператора, не осуществившего вмешательство в работу комплекса, оказывается несостоятельной, так как его вина может быть рассмотрена лишь как опосредованная. Это актуализирует поиск новых правовых конструкций для атрибуции виновности. Одним из таких потенциаль-

ных подходов выступает фокусирование не на самом противоправном результате, а на недостаточности превентивных мер, принятых на этапах разработки или планирования операции для минимизации рисков.

Корректная юридическая квалификация противоправных деяний напрямую зависит от четкости используемых терминологических конструкций. Размытость дефиниций порождает существенные коллизии в правоприменительной практике, когда одно и то же действие получает разнородную юридическую оценку. Яркой иллюстрацией служит ситуация с нейтрализацией автономного робота. В зависимости от интерпретации его статуса правоприменитель может классифицировать это либо как диверсию (ст. 281 УК РФ), либо как уничтожение военного имущества (ст. 346 УК РФ). Ключевым критерием здесь выступает легальная характеристика устройства, то есть признается ли оно оружием, боевой платформой или материальным активом. Схожая правовая задача возникает при использовании военного робота против гражданского населения, где грань между террористическим актом (ст. 205 УК РФ) и применением запрещенных методов войны (ст. 356 УК РФ) становится ситуативной. Устранение данной терминологической неоднозначности через законодательное закрепление однозначных критериев представляется необходимым условием для унификации судебной практики.

Доктринальная определенность оказывает существенное влияние и на пенитенциарную политику. Когда вредоносные последствия наступают вследствие комплексного системного сбоя в коде, заложенном в программное обеспечение робота, а не в результате осознанных противоправных действий индивида, традиционная квалификация преступления утрачивает свою эффективность. В подобных случаях доминирующей целью наказания для ответственных должностных лиц или инженеров-разработчиков становится не исправительная, а превентивная функция. Речь идет о необходимости стимулирования создания отказных систем и недопущения повторения инцидентов в перспективе, что требует от законодателя формирования гибких правовых механизмов, учитывающих технологическую сложность и организационную специфику данной области.

Таким образом, преодоление нормативной неопределенности в отношении категорий «военный робот» и «военная робототехника» составляет основу для построения последовательной и эффективной уголовно-правовой модели. Строгая детерминация понятий здесь выступает не теоретической абстракцией, а системообразующим элементом, определяющим конструирование составов правонарушений, установление вины, качественную квалификацию деяний и соразмерность назначаемых санкций. Преодоление существующего терминологического пробела необходимо для правового реагирования на вызовы, порождаемые технологическим прогрессом в военной сфере.

Заключение

На современном этапе развития вооружений, основной особенностью которого является переход от дистанционно управляемых устройств к полностью автономным комплексам, выявляется несоответствие норм уголовного права стремительно меняющимся технологическим реалиям. Данный правовой пробел, по мнению автора, связан с отсутствием

в доктринальных источниках единой и научно выверенной трактовки ключевых понятий «военный робот» и «военная робототехника». Проведенный анализ демонстрирует глубокий концептуальный разрыв на различных уровнях правового регулирования между изучаемыми терминами. С целью преодоления указанной терминологической неопределенности в результате проведенного анализа были сформулированы следующие дефиниции.

Под *военным роботом* предлагается понимать автономную либо телеуправляемую техническую систему, задача которой заключается в выполнении боевых, разведывательных, логистических или иных функций в военной сфере. Ключевой характеристикой такой системы является ее способность в рамках заложенных алгоритмов самостоятельно воспринимать окружающую обстановку, обрабатывать полученные данные и осуществлять физическое воздействие на объекты внешней среды, в том числе применять силу. С точки зрения уголовно-правового регулирования большое значение приобретает степень делегирования системе полномочий по принятию решений о причинении вреда охраняемым законом ценностям. Именно этот критерий служит основанием для определения ее правового статуса в качестве либо инструмента преступления, либо потенциального субъекта уголовного права.

Термин *военная робототехника* охватывает комплексную междисциплинарную область, которая состоит из научных изысканий, проектирования, производства, эксплуатации и правового регулирования военных роботов. Содержанием данной отрасли выступает создание и внедрение технологий, обеспечивающих функционирование роботизированных систем, в то время как предметом уголовно-правовой защиты становятся общественно опасные деяния, связанные с этой сферой. К их числу можно отнести, например, незаконную разработку роботов, неправомерный приказ на их применение, а также нарушение правил эксплуатации машин, способное повлечь причинение существенного вреда.

Предложенные определения обладают значительным потенциалом для использования в сфере уголовного права. В частности, установление степени автономности и функционала конкретного роботизированного комплекса становится ключевым фактором для решения фундаментальных вопросов квалификации деяния и распределения ответственности.

Список литературы

1. Kai-Fu Lee, Chen Qiufan. AI 2041: Ten visions for our future. N. Y., 2021.
2. Sassóli M. Autonomous weapons and international humanitarian law: Advantages, open technical questions and legal issues to be clarified // International Law Studies. 2014. Vol. 90, №1. P. 308—340.
3. Бегишев И. Р. Цифровая терминология: подходы к определению понятия «робот» и «робототехника» // Информационное общество. 2021. №2. С. 53—66. doi: 10.52605/16059921_2021_02_53. EDN: ТКААМV.
4. Бхатт Н. Преступления в эпоху искусственного интеллекта: гибридный подход к ответственности и безопасности в цифровую эру // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Т. 3, №1. С. 65—88. doi: 10.21202/jdtl.2025.3. EDN: RTOLZA.

5. *Calo R. Robotics and the lessons of cyberlaw* // *California Law Review*. 2015. Vol. 103. P. 513–563.

6. Денисов Н. Л. Концептуальные основы формирования международного стандарта при установлении уголовной ответственности за деяния, связанные с искусственным интеллектом // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2019. №4. С. 18–20. EDN: WNOSYQ.

7. Кумехова М. Б. Роль искусственного интеллекта при проведении следственных и следственных мероприятий по уголовно наказуемым деяниям // *Право и управление*. XXI век. 2024. №1 (11). С. 331–334. doi: 10.24412/2224-9133-2024-11-331-334. EDN: QLPWIT.

8. Баррат Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens / пер. с англ. Н. Лисовой. М., 2015.

9. Lin P., Abney K., Bekey G. A. Robot ethics: the ethical and social implications of robotics. L., 2014.

10. Габов А. В., Хаванова И. А. Автономия боевых роботов и право // *Пермский юридический альманах*. 2019. №2. С. 361–378.

11. Jin D. Where have the ethical and moral standards landed? Consumer self-congruency and psychological distance in the context of AI-based services // *International Hospitality Review*. 2025. Vol. 39, №1. P. 144–167.

12. Бегиев И. Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой. М., 2022.

13. Sauer F. Lethal autonomous weapons systems // *The Routledge social science handbook of AI* / ed. by A. Elliott. L., 2021. P. 237–250.

14. *Autonomous Weapons Open Letter: AI & Robotics Researchers* // *Future of Life Institute*. 2015. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/open-letter-autonomous-weapons-ai-robotics/> (дата обращения: 18.01.2026).

15. Krishnan A. Killer robots: legality and ethicality of autonomous weapons. Farnham, 2009.

16. DoD Directive 3000.09, “Autonomy in Weapon Systems” : November 21, 2012. Effective: January 25, 2023 // Office of the Under Secretary of Defense for Policy (OUSD(P)). URL: <https://media.defense.gov/2023/Jan/25/2003149928/-1/-1/0/DOD-DIRECTIVE-3000.09-AUTONOMY-IN-WEAPON-SYSTEMS.PDF> (дата обращения: 18.01.2026).

17. Об утверждении Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ президента РФ от 10.10.2019 г. №490 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2019. №41. Ст. 5700.

18. Бегиев И. Р. Правовое регулирование беспилотных транспортных средств // *Транспортное право*. 2021. №3. С. 7–10. doi: 10.18572/1812-3937-2021-3-7-10. EDN: BFFKKJ.

19. Бегиев И. Р. Юрико-терминологический анализ понятия «робот» // *Юрислингвистика*. 2022. №26 (37). С. 13–16. doi: 10.14258/leglin(2022)2602.

20. *National Strategy for Artificial Intelligence #AIFORALL* : June 2018. URL: <https://www.niti.gov.in/sites/default/files/2019-01/NationalStrategy-for-AI-Discussion-Paper.pdf> (дата обращения: 18.01.2026).

21. *The Digital Transformation Strategy for Africa (2020–2030)*. URL: <https://au.int/en/documents/20200518/digital-transformation-strategy-africa-2020-2030> (дата обращения: 18.01.2026).

22. Икубани О. О., Ойебанджи А. О., Ойебаде А. А. Юридические аспекты наделяния искусственного интеллекта субъектностью: перспективы использования роботов в юридической практике в Нигерии // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. Т. 2, №4. С. 835 – 856. doi: 10.21202/jdtl.2024.41. EDN: FHNKJQ.

23. Voiculescu A. Reflections on the EPSRC principles of robotics from the new far-side of the law // *Connection Science*. 2017. Vol. 29, №2. P. 160 – 169. doi: 10.1080/09540091.2017.1313818.

24. Об утверждении Стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 г. № 2129-р // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2020. №35. Ст. 5593.

25. Боевой робот // Военный энциклопедический словарь / Министерство обороны РФ. URL: <https://mil.ru/services/encyclopedia/dictionary/list/997379f1-870d-447e-b86b-d16ceb247fa7> (дата обращения: 16.10.2025).

26. Бугаков И. А., Царьков А. Н. Интеллектуализация военной робототехники: терминологическая и технологическая проблемы // *Известия Института инженерной физики*. 2017. №3 (45). С. 87 – 93.

27. Щелконогова Е. В. Значение объекта преступления для системы особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2023. №2 (37). С. 128 – 133. doi: 10.47475/2311-696X-2023-10218.

Об авторе

Денис Сергеевич Кийко — асп., Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань, Россия.

ORCID: 0009-0004-5309-6410

SPIN-код: 1494-9414

E-mail: deniskiiko@yandex.ru

D. S. Kiiko

CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR DISTINGUISHING BETWEEN THE CONCEPTS OF 'MILITARY ROBOT' AND 'MILITARY ROBOTICS' IN CRIMINAL LAW DOCTRINE

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML),
Kazan, Russia

Received 21 January 2026

Accepted 14 March 2026

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-2

To cite this article: Kiiko D. S., 2026, Conceptual foundations for distinguishing between the concepts of 'military robot' and 'military robotics' in criminal law doctrine, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 23 – 37. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-2.

This article addresses the pressing issue of the lack of uniform definitions for key concepts in military robotics, which undermines the efficacy of traditional legal norms amidst rapid technological advancement. The aim of the study is to bridge this terminological lacuna by developing

and substantiating doctrinal definitions for the core categories of 'military robot' and 'military robotics' in order to enhance the system of criminal law regulation. The methodological framework for this research comprises comparative legal analysis, which facilitates the comparison of national approaches and practices in the legal regulation of robotics, and the structural-functional method, which is employed to identify and systematise the essential characteristics of the phenomena under study. The analysis demonstrates the need for a clear conceptual distinction between these terms and proposes definitions for 'military robot' and 'military robotics'. The principal conclusion of the study is that these definitions establish a conceptual foundation for the systematic modernisation of criminal liability institutions, including the criminalisation of new forms of unlawful conduct and the clarification of the subject of a crime and forms of guilt. Such an update of criminal law mechanisms is deemed an essential prerequisite for maintaining legal security and effectively countering the challenges posed by the technological transformation of warfare.

Keywords: military robot, military robotics, autonomous systems, criminal law, criminal liability, qualification of crimes, legal gaps, artificial intelligence

The author

Denis S. Kiiko, PhD Student, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia.

ORCID: 0009-0004-5309-6410

E-mail: deniskiiko@yandex.ru

А. М. Кустов¹, О. А. Макарова²

**ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО
ОБОРОТА НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫХ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ**

38

¹ Академия управления МВД России, Москва, Россия

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 21.01.2026 г.

Принята к публикации 14.03.2026 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-3

Для цитирования: Кустов А. М., Макарова О. А. Тактико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием сети Интернет. Часть вторая // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. № 2. С. 38—51. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-3.

Во второй части статьи рассматриваются тактические особенности производства отдельных следственных действий и предлагаются рекомендации в рамках тактико-криминалистического обеспечения расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ с использованием сети «Интернет». Проанализированы тактические особенности проведения вербальных следственных действий, таких как допрос свидетелей, допрос подозреваемого (обвиняемого), проверка показаний на месте, предъявление для опознания, и предложены рекомендации по их оптимизации. Результатом исследования являются разработанные теоретические положения и практические рекомендации, использование которых, по мнению авторов, не только позволит повысить эффективность тактико-криминалистического обеспечения данной категории преступлений в рамках частной криминалистической методики, но и послужит основой для дальнейших научных исследований сходных проблем в рамках как криминалистики, так и смежных областей знаний.

Ключевые слова: наркотики, Интернет, следователь, орган дознания, следственные действия

Говоря об особенностях проведения вербальных следственных действий в рамках расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ с использованием сети Интернет, следует отметить, что допрос свидетелей является одним из самых распространенных следственных действий и не менее важным в плане получения криминалистически значимой информации. Для дел о незаконном обороте наркотических средств с использованием Интер-

нета характерно наличие нескольких групп свидетелей, в отношении каждой из которых необходимы свои тактические приемы. Выделяются следующие группы:

- лица, участвовавшие в документировании преступной деятельности;
- лица, ставшие очевидцами преступления;
- лица, не имеющие отношения к преступной деятельности, но владеющие важной для расследования информацией;
- лица, имеющие сведения о деятельности интернет-магазина и лицах, работавших в нем (или до сих пор работающих, если не все члены преступной группы задержаны и изобличены).

К первой категории относятся сотрудники оперативных подразделений, осуществлявших оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) и действия, направленные на пресечение преступной деятельности, а также участвовавшие при производстве ОРМ и других следственных действий представители общественности и понятые. Если же предметом допроса являются обстоятельства проверочной закупки, то допрашивается и закупщик.

Допрос сотрудников оперативных подразделений не вызывает никаких сложностей в силу того, что он проходит в бесконфликтной ситуации. От следователя же требуется выяснить все необходимые обстоятельства проведения тех или иных мероприятий. Необходимо это для обеспечения полноты представлений о проводимых мероприятиях и оценки их законности. При допросе сотрудников оперативных подразделений устанавливаются следующие обстоятельства:

- данные сотрудника (отдел службы, специализация, звание и т.д.);
- основания проведения тех или иных мероприятий;
- суть проводимых мероприятий, период проведения и лицо(а), в отношении которого(ых) они проводились;
- привлекались ли к проводимым мероприятиям представители общественности;
- осуществлялось ли по итогам ОРМ задержание;
- осуществлялся ли личный досмотр задержанного, а также его транспортного средства;
- присутствовали ли при досмотре понятые, при этом желательно выяснить их данные для последующего их вызова на допрос (ФИО, номер телефона);
- какие объекты были обнаружены и изъяты у задержанного (их подробное описание);
- давал ли задержанный какие-то пояснения по поводу изъятых у него вещей и предметов;
- как были оформлены результаты проводимых мероприятий;
- применялись ли технико-криминалистические средства фиксации (фотографирование, видеосъемка) [3, с. 91 – 92].

Допрос лиц, участвовавших в качестве представителей общественности и понятых, является куда более специфичным. Следует выяснить следующие обстоятельства:

- состоит ли лицо на учете у нарколога и/или психиатра;

- при каких обстоятельствах было приглашено для участия в качестве понятого (для исключения заинтересованности таких лиц);
- в каком ОРМ, следственном действии принимал участие;
- какие действия выполнялись при проведении ОРМ (следственного действия);
- какие обнаружены и изъяты предметы, объекты и вещества, каковы их внешние признаки;
- как упаковывались изъятые предметы, объекты и вещества;
- как вело себя задержанное лицо, что пояснило по поводу изъятых;
- ознакомлены ли были с документами, составленными по итогам проводившихся мероприятий;
- какие применялись технико-криминалистические средства фиксации хода мероприятия [Там же, с. 92].

Несмотря на бесконфликтный характер допроса таких лиц, данный процесс все же сопряжен с некоторыми трудностями. Трудности заключаются в том, что, в отличие от сотрудников оперативных подразделений, понятые легко могут забыть многие важные обстоятельства. Объективной причиной этого является то, что сроки между проведенным ОРМ (следственным действием), в котором участвовал понятой, и допросом могут составлять от нескольких месяцев до года. Для воспроизведения забытых ранее обстоятельств в памяти человека, рекомендуются следующие приемы активизации памяти допрашиваемого лица.

Первый прием направлен на оживление смежных ассоциативных связей. Если допрашиваемый не может вспомнить какое-то конкретное значимое для расследования обстоятельство, то следователь может напомнить ему о каком-либо предмете или явлении, которое было связано в пространственном и временном отношении с устанавливаемым обстоятельством. Например, если необходимо определить время (временной промежуток), можно предложить вспомнить о других событиях, которые происходили со свидетелем в день его участия в мероприятии [Там же, с. 90]. Следует помнить, что память каждого человека по-разному воспринимает те или иные события: например, один свидетель заострит внимание на внешних признаках изымаемого мобильного устройства и сможет их в точности воспроизвести, а другой большее внимание обратил на модель транспортного средства подозреваемого. Тактически верно будет дать свидетелю в форме свободного рассказа изложить все, что он помнит о своем участии в мероприятии. Следователь же должен проанализировать это и выделить те обстоятельства, которые свидетель наиболее полно и достоверно отразил, в дальнейшем отталкиваясь от них при допросе.

Второй прием основан на контрасте тех или иных вещей. Например, лицо затрудняется назвать конкретные внешние признаки мобильного устройства. Следует предложить допрашиваемому сравнить изъятый мобильный телефон с его личным. Свидетель может вспомнить, что изъятый телефон не совпадает с его моделью (допустим, маркой *Samsung*). Также он может вспомнить, что телефон был больших размеров, чем его. Далее в комбинации с контрастным приемом можно использовать более прямой (наглядный), заключающийся в предъявлении фотогра-

фии телефона, в случае если свидетель не смог полностью вспомнить его внешние признаки. Также этот прием эффективен, когда свидетелю необходимо вспомнить внешние данные подозреваемого.

Третий прием заключается в предъявлении в ходе допроса моделей, фотографий, изображений и т.д. Использование элементов предъявления для опознания в этом приеме очень эффективно в том отношении, что позволяет свидетелю вспомнить не только внешние характеристики предъявляемого по фотографии объекта, но и подробности о других важных обстоятельствах за счет создания ассоциативных связей (предъявляемый по фотографии объект в сознании свидетеля прочно ассоциируется с участием в мероприятии).

В случае если данные тактические приемы не работают, целесообразно зафиксировать ход допроса и подготовить проверку показаний на месте, тактика проведения которой будет исследована далее.

Ко второй категории следует отнести лиц, которые стали случайными очевидцами преступной деятельности. Предметом допроса таких лиц являются следующие обстоятельства:

- состоит ли лицо на учете у нарколога и/или психиатра;
- когда, где и при каких обстоятельствах стал(а) очевидцем преступной деятельности;
- осуществлялось ли в его (ее) присутствии задержание лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств с использованием сети Интернет;
- как вело себя задержанное лицо;
- давал ли задержанный пояснения, делал ли какие-то заявления и др. [Там же, с. 95].

Третью группу составляют лица, не замешанные в преступной деятельности, но имеющие опосредованное отношение к лицам, ее совершавшим и располагающие в связи с этим криминалистически значимой информацией. К ним можно отнести лиц, имеющих отношение к месту совершения преступления (арендодатели), и лиц, работающих в компаниях, услуги которых использовались в совершении преступления (например, специалисты отдела экономической безопасности QIWI).

У первой категории таких лиц следует выяснить следующее:

- когда и на какой срок арендовалось жилое или иное помещение;
- замечали ли странности в поведении подозреваемого или же подозрительные предметы;
- при каких обстоятельствах узнали о преступной деятельности подозреваемого.

Вторая категория лиц допрашивается об основах и специфике функционирования платежной системы той организации, в которой они работают. Допрос таких лиц может дать следователю важную информацию о способах обеспечения анонимности сделок в преступной деятельности.

Четвертую группу составляют лица, имеющие сведения о деятельности интернет-магазина и работавших в нем лицах. К ним можно отнести лиц, неоднократно приобретавших наркотические средства через интернет-магазин; лиц, оказывающих содействие органам, осуществляю-

щим ОРД, на конфиденциальной основе; иных лиц, предположительно имеющих сведения о преступной деятельности и осуществляющих ее лицах (друзья, знакомые и др.).

Вопросы могут быть следующего содержания:

— состоит ли на учете в наркологическом и психоневрологическом диспансере;

— проходил ли лечение от наркомании;

— употребляет ли наркотические вещества и психотропные вещества; если да, то с какого момента и с какой периодичностью;

— каковы виды потребляемых наркотических средств и психотропных веществ;

— каким образом приобретает наркотические средства;

— услугами какого именно интернет-магазина пользовался;

— какой мессенджер и аккаунт использовал при заказе наркотических средств;

— какую платежную систему использовал при перечислении денежных средств за приобретенные наркотические средства;

— где именно забирал закладку с наркотическим средством;

— знаком ли лично с подозреваемым; если да, то в каких отношениях состоят;

— при каких обстоятельствах узнал о преступной деятельности подозреваемого [2, с. 107].

Отдельно стоит отметить допрос конфиденентов. Следователь обязательно должен засекретить все личные данные такого лица (индивидуальная подпись лица тоже не ставится).

Допрос некоторых лиц из представленных групп свидетелей вполне может происходить в конфликтной ситуации. Способы преодоления конфликтных ситуаций будут рассмотрены в ходе тактического разбора допроса подозреваемого (обвиняемого).

Допрос подозреваемого (обвиняемого) можно назвать одним из важнейших, так как полученные показания при сопоставлении с имеющимися вещественными доказательствами позволяют сформировать полную модель преступной деятельности. Эффективность допроса обусловлена следующими факторами:

— совокупность имеющихся доказательств по делу;

— профессиональная компетентность следователя;

— наличие и качество оперативного сопровождения расследования;

— наличие психологического контакта с подозреваемым;

— сложившаяся на момент допроса ситуация;

— иные факторы.

Ранее были рассмотрены наиболее общие следственные ситуации характерные для первоначального этапа расследования. Для полноценного тактического разбора целесообразно сформировать ситуации конкретного следственного действия, в данном случае допроса. Следует выделить следующие:

— полностью признает себя виновным и объективно рассказывает о содеянном;

— вину признает лишь частично по отдельным эпизодам сбыта;

- признает себя виновным, но в его показаниях имеются противоречия с другими имеющимися доказательствами;
- признает себя виновным, но отказывается от дачи показаний;
- не признает себя виновным в сбыте, признает вину только в хранении;
- не признает себя виновным и ссылается на ст. 51 Конституции РФ.

Представления о возможной ситуации могут сложиться у следователя еще на этапе до допроса. Они основываются на данных первоначальных следственных действий, а также ОРД, где в том числе может быть указано на желание или нежелание подозреваемого сотрудничать. Важно уделить внимание подготовительному этапу допроса. На этом этапе может быть проведен следующий комплекс действий:

- изучение личных качеств подозреваемого. Сбор информации о личности возможен путем истребования характеристик с места работы, жительства, учебы подозреваемого. Также сотрудникам оперативных подразделений может быть поручено проведение опросов лиц из ближайшего окружения подозреваемого (родственники, преподаватели, друзья и т.д.) или же необходимо изучение уже имеющихся сведений, если такие мероприятия были проведены ранее;
- анализ уже имеющихся материалов уголовного дела, в том числе материалов, полученных в ходе осуществления ОРД и указывающих на причастность подозреваемого к совершению преступления [6, с. 24];
- при недостаточных знаниях следователя в области химии и информационных технологий целесообразно привлечь специалистов для получения консультации по вопросам отдельной терминологии, функционального назначения специальных программ и оборудования, фармакологических свойств наркотических средств и психотропных веществ и т.д. [3, с. 100].

С учетом того, что преступления рассматриваемой категории носят организованный групповой характер, стоит разобрать аспекты допроса всех основных членов преступной группы — курьеров и закладчиков, операторов и организаторов. При этом не будет заостряться внимание на предмете допроса каждого участника преступной группы, поскольку все вопросы будут зависеть от способа совершения преступления и реализуемых членами преступной группы функций, о чем шла речь выше. В большей степени будут рассмотрены особенности организационно-тактического характера, поскольку в отличие от допроса свидетеля допрос подозреваемого (обвиняемого) часто может быть сопряжен с наличием конфликтной ситуации. Начать следует с рассмотрения особенностей допроса лиц, выступающих в роли закладчиков или курьеров.

Несмотря на то что лиц данной категории гораздо проще склонить к сотрудничеству со следствием, их допрос все же может быть сопряжен с некоторыми проблемами. Одной из мотиваций, как отмечалось ранее, у закладчиков выступает желание иметь потенциально бесплатный источник наркотических средств и психотропных веществ, что характерно для наркозависимых. Также довольно часто при задержании данные лица проглатывают имеющиеся при них наркотические средства, что ведет к неблагоприятным последствиям. Зная о возможности такой

ситуации, следователь должен быть готов к вызову в случае необходимости работников скорой медицинской помощи. Это является проблемой в том числе с процессуальной точки зрения, поскольку ч. 2 ст. 46 УПК РФ обязывает допросить задержанное в порядке ст. 91 УПК РФ лицо не позднее 24 часов с момента фактического задержания. Наркозависимые могут к этому времени находиться в состоянии наркотического опьянения, у них также может наблюдаться абстинентный синдром, при этом срока в 24 часа может не хватить для полного вывода токсинов из организма и приведения лица в состояние, когда оно способно адекватно мыслить и осознанно давать показания (или не давать их в зависимости от занимаемой им позиции). Совершенно справедливой следует считать позицию ученых, предлагающих ввести корректировки в ч. 2 ст. 46 УПК РФ, предусматривающие возможность продления предельного срока на основании заключения врача-специалиста в области наркологии, в случае если психофизиологическое состояние подозреваемого исключает проведение допроса в течение установленных 24 часов [Там же, с. 100–101]. Также наркозависимым лицам присуще непредсказуемое поведение, неадекватный образ мышления, нарушения эмоциональной сферы и иные проблемы психиатрического свойства. Следовательно необходимо учитывать этот аспект. Допрос следует вести спокойно, неторопливо, ни в коем случае не повышать тон беседы, стараться снять напряжение, возникающее в начале и по ходу допроса, посторонними, не относящимися к предмету допроса таких лиц вопросами.

Более высокую ступень в иерархии занимают лица, выполняющие функции оператора и организатора. Допрос таких лиц чаще всего сопряжен с конфликтными ситуациями. Причины этому могут быть следующие:

- сформировавшиеся в результате долгой преступной деятельности или иных факторов негативные установки по отношению к правоохранительным органам;
- убежденность в недостаточности доказательной базы у следствия;
- влияние защитника, пытающегося выстроить линию защиты на использовании положений ст. 51 Конституции РФ.

Следует выделить основные приемы преодоления конфликтной ситуации при допросе.

Фактор внезапности. Внезапность может быть достигнута при осуществлении немедленного допроса сразу после задержания подозреваемого с поличным или обнаружения и изъятия изобличающих допрашиваемого предметов. Такой прием может привести в замешательство и не даст оперативно сформировать линию защиты [1, с. 8]. Однако стоит отметить, что такой прием может оказаться бесполезным, поскольку подозреваемым может быть реализовано право на конфиденциальное свидание с защитником до первого допроса, предусмотренное п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ.

Детализация показания. Данный прием направлен на получение уточняющих данных, выявление противоречий в показаниях соучастников, изобличение лиц, дающих ложные показания. Его суть состоит в максимальной и подробной фиксации в протоколе всех показаний подозреваемого. Эффективность этого приема возрастает при проведении по-

вторного допроса подозреваемого, давшего ложные показания, так как вымышленные детали плохо запоминаются и при повторном допросе могут вообще быть упущены или же изложены по-другому. При этом следует стремиться дать подозреваемому изложить обстоятельства более подробно. Для того чтобы убедиться в достоверности показаний, допускается задавать контрольные вопросы [Там же].

Создание у допрашиваемого преувеличенного представления об осведомленности следователя. Прием заключается в демонстрации знания следователя о каких-либо хоть и второстепенных фактах, которые, по мнению подозреваемого, могли быть известны только ему и/или близкому кругу лиц. Также это возможно путем неполной демонстрации доказательной базы (упоминание невзначай или простое перечисление).

Частым приемом в практике следователей является *разъяснение допрашиваемому лицу положений ст. 61 и 63 УК РФ о смягчающих и отягчающих обстоятельствах (разъяснение правовых последствий)*. Многие лица из членов преступной группы, осуществляющей сбыт наркотических средств через интернет-магазины, являются несудимыми, а значит слабо ознакомлены с судебной практикой. Важно тактически грамотно показать допрашиваемому разницу между наказанием со смягчающими и отягчающими обстоятельствами — к примеру, подкрепить результатами реальной следственной и судебной практики, то есть по сути показать наглядный контраст [Там же, с. 9].

Ситуационное изменение темпа. Использование этого приема предполагает постепенное уменьшение интервалов между задаваемыми вопросами, в результате чего у подозреваемого сокращается время на формирование хорошо обдуманного ответа, что значительно затруднит дачу ложных показаний, а следователю, в свою очередь, позволит лучше использовать противоречия в его показаниях. Замедление темпа осуществляется для детализации показаний, а также для подготовки к предъявлению доказательств и постановке внезапных вопросов [Там же, с. 10].

Отдельно стоит рассмотреть тактику «*предъявления доказательств*». Наибольшую эффективность такой прием имеет на стадии, когда допрашиваемое лицо выступает в качестве обвиняемого. К этому моменту у следствия формируется наиболее полная и объемная доказательная база. Для этого приема также характерно разнообразие вариантов его применения. Содержание тактики предъявления доказательств может быть следующим:

- предъявление доказательств в их совокупности. Однако сразу стоит отметить, что прием не предполагает хаотичное предъявление всех доказательств сразу. Совокупность доказательств предъявляется отдельно по каждому эпизоду преступной деятельности;

- предъявление доказательств с «нарастающей силой». Данный способ предполагает постепенное ослабление воли к сопротивлению у обвиняемого путем предъявления доказательств от слабого к наиболее сильному;

- первоочередное предъявление «решающего» доказательства;

- раздельное предъявление отдельных доказательств [Там же, с. 11].

Проверка показаний на месте. Несмотря на достаточно расплывчатое обозначение целей и задач в УПК РФ, проверка показаний на месте при

ее грамотной организации способна сыграть куда более значимую роль в решении задач расследования [5, с. 42]. Как уже отмечалось ранее, данное следственное действие может быть использовано как эффективный способ активации памяти лица, чьи показания проверяются. Кроме того, следователь получает информацию о степени осведомленности лица об обстановке преступления и способах его совершения (для исключения случаев самооговора и т. д.) [3, с. 111]. Целесообразно установить основные задачи, для решения которых проводится проверка показаний на месте:

- получить полное представление о пути следования к месту совершения преступления;
- сформировать полное представление о месте совершения преступления;
- устранить противоречия в показаниях нескольких лиц;
- убедиться в наличии или отсутствии следов преступления, а также средств и орудий совершения;
- восполнить пробелы в показаниях, данных на допросе.

К сожалению, иногда на практике следователи формально подходят к производству этого следственного действия, сводя все к рассказу лица с последующей фото- и видеофиксацией. Стоит уделить внимание подготовительному и рабочему этапу проведения проверки показаний на месте.

Подготовительный этап включает в себя следующие мероприятия:

- допрос лица, показания которого планируется проверять, в том числе выяснение степени осведомленности лица о маршруте следования и месте совершения преступления;
- составление плана проведения, в котором определяются цель, время и место проведения следственного действия;
- подбор участников следственного действия. Так, могут быть привлечены понятые, даже несмотря на отсутствие в УПК РФ указания на обязательность их привлечения. Это необходимо в целях исключения со стороны лица, чьи показания проверяются, заявлений об оказании физического или психического давления (в отношении подозреваемых и обвиняемых). Также целесообразно привлечение специалиста для обнаружения возможных следов и их последующего изъятия;
- изучение личности лица, чьи показания проверяются;
- изучение материалов уголовного дела в отношении лица, чьи показания будут проверяться, а также обстановки места совершения преступления и иных обстоятельств. К примеру, в случаях, когда на месте, на котором планируется проверка показаний, не совершалось преступление и оно ранее не исследовалось, со стороны следователя верным представляется решение о предварительном выезде на это место. В иных случаях этого делать не рекомендуется, поскольку лицо, чьи показания проверяются, в случае обнаружения в ходе следственного действия наркотических средств, может заявить о том, что данные вещества были подброшены следователем в ходе предварительного выезда;
- определение места сбора участников следственного действия и средств передвижения к месту проведения следственного действия;
- организация охраны подозреваемого или обвиняемого лица для исключения случаев побега;

- принятие мер для обеспечения безопасности участников следственного действия;
- сбор участников в назначенное время и назначенном месте, проведение инструктажа.

Рабочий этап начинается с того, что лицу, чьи показания проверяются, предлагается указать место проверки. Если целью проверки является установление маршрута, то он стартует с момента, когда началось движение всех участников к месту проведения проверки. В ходе установления маршрута, если расстояние довольно значительно и место проведения проверки располагается за пределами населенного пункта, до выезда из населенного пункта следует вести видеозапись с обязательной фиксацией в кадре дорожных и километровых указателей. При приближении к месту проверки показаний видеозапись возобновляется перед поворотом с трассы так, чтобы в кадр попал указатель, на котором располагается поворот. Если видеозапись не осуществляется, то возможно фотографирование опорных пунктов движения. При незнании маршрута видеозапись следует вести с момента прибытия на место [Там же, с. 127].

По прибытии на место следует применить приемы, направленные на исправление возникающих при даче показаний восполняемых искажений. Так, к примеру, оптимальное количество ассоциаций возникает за 150–200 м до места происшествия. Однако следует учитывать обстоятельства, зафиксированные в конкретном уголовном деле. Повторное пребывание на месте преступления оживляет топографическую память, при этом отдельные ярко выраженные пункты позволяют вспомнить особенности обстановки места проверки.

При осуществлении движения, лицо, чьи показания проверяются, обязательно должно быть впереди и вести группу к месту. Несоблюдение этого правила может привести к тому, что лицо откажется от показаний и заявит то, что не оно приводило группу на место. При этом движение по маршруту целесообразно фиксировать при помощи видеозаписи таким образом, чтобы лицо, чьи показания проверяются, все время находилось в кадре.

Еще одной особенностью является проистекающая из ч. 4 ст. 194 УПК РФ тактическая необходимость предоставления самостоятельности лицу, чьи показания проверяются. Реализация данного приема начинается с момента предложения лицу, чьи показания проверяются, указать место, где будет проведена проверка, и маршрут к нему. При этом следователь не должен допускать излишней самостоятельности, поэтому, если лицо отклоняется в сторону или углубляется в ненужные детали, следователь вправе корректировать показания лица, чьи показания проверяются. На пути следования к месту проверки необходимо более тщательно знакомиться с особенностями окружающей обстановки, делать периодические остановки для дачи возможности демонстрации отдельных действий, если они имели место в преступной деятельности. По прибытии на место рассказ лица, чьи показания проверяются, не следует прерывать до его полного окончания и показа всех совершенных им действий. При этом все это должно быть зафиксировано на видеокамеру. По окончании рассказа и показа всех действий следователь может задать уточняющие вопросы.

На заключительном этапе следователь оформляет протокол следственного действия и оценивает результаты проведения проверки показаний на месте.

Предъявление для опознания. Самыми распространенными объектами данного следственного действия являются живые лица. Их предъявление осуществляется тремя способами: 1) вживую; 2) по фотографии; 3) способом, исключающим визуальное восприятие опознающего опознаваемым. Как и любое другое следственное действие, успешность его зависит от качественно проведенного подготовительного этапа. Следует начать тактический разбор с подготовительного этапа

48

Во-первых, обязательно проведение предварительного допроса опознающего лица, при этом выясняются обстоятельства, при которых оно видело опознаваемого, а также приметы и особенности, по которым могут его опознать (ч. 2 ст. 193 УПК РФ). Однако не стоит в тактическом отношении ограничиваться рамками УПК РФ. Следует активно использовать такие приемы, как оживление ассоциаций (при необходимости провести допрос на месте происшествия в тех условиях, при которых воспринимался объект), детализация показаний, постановка уточняющих вопросов и т.д. В ходе предварительного допроса нужно определить, какой вид памяти преобладает у опознающего (зрительная, слуховая, моторная, эйдетическая). Это позволит более грамотно спланировать рабочий этап проведения предъявления. Необходимо также решить вопрос о подготовке опознающего к обстановке противодействия. Так, в некоторых ситуациях данная подготовка нецелесообразна, поскольку для успешности проведения необходим фактор внезапности, для того чтобы опознаваемое лицо не сорвало проведение следственного действия [4, с. 96].

Следующей стадией является решение о способе проведения следственного действия. При принятии решения необходимо исходить из двух факторов — желания опознающего и сложившейся на момент проведения следственного действия обстановки. В случае, если опознающее лицо не желает, чтобы опознаваемый его видел или же это необходимо в целях обеспечения его безопасности, целесообразно проводить предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное восприятие опознаваемым опознающего. Другим вариантом может быть опознание по фотографии. Такой вариант предъявления для опознания применим в следующих ситуациях:

- опознаваемое лицо к моменту возникновения в отношении него подозрений в совершении преступления не задержано;
- внешность опознаваемого лица претерпела изменения, сильно выделяющие его среди других лиц, которые могут быть предъявлены опознающему;
- значительная территориальная удаленность опознающего и опознаваемого [Там же, с. 97—98].

Далее необходимо подобрать двух статистов. УПК РФ предъявляет специальное требование — внешняя схожесть с опознаваемым. Лица должны иметь сходство по таким признакам, как пол, раса, национальность, возраст, антропометрические данные, волосы и их цвет, растительность на лице, шрамы и т.д. Ориентироваться в первую очередь

нужно на приметы, которые указало опознающее лицо на допросе. Стоит учитывать, что опознающий мог не только запомнить внешний облик, но и сделать акцент при запоминании на одежде опознаваемого, поэтому опознаваемое лицо и статисты должны быть по возможности в одинаковой по типу и по цветовой гамме одежде.

Подбор места проведения следственного действия также сопряжен с некоторыми трудностями. Традиционно местом проведения следует считать кабинет следователя. Но стоит помнить о том, что место должно быть достаточно большим по площади и при этом хорошо освещенным. К тому же в случаях, когда следственное действие проводится в условиях, исключающих визуальное восприятие опознаваемым опознающего, следует выбирать такое место, в котором имеются смежные комнаты с зеркалом с односторонней прозрачностью. Следственные органы не всегда располагают подобными помещениями, поэтому в данном случае следует обращаться к органам дознания или оперативным подразделениям за содействием в предоставлении таких помещений.

Кроме того, на подготовительном этапе следует обеспечить участие понятых и защитника. При этом следует учитывать недопустимость нахождения защитника в месте нахождения опознающего при проведении следственного действия в условиях, исключающих визуальное восприятие опознаваемым опознающего, так как это нарушало бы право опознающего на государственную защиту [Там же, с. 103 – 104].

При проведении рабочего этапа следственного действия необходимо учитывать данные допроса опознающего. При руководстве следственным действием следователь может давать опознаваемому и статистам указания по занятию определенного положения или ракурса или же сказать определенные фразы (если лицо может опознать по голосу). Если опознающий указал на одно из лиц, то ему предлагается объяснить, по каким приметам или особенностям он его опознал (ч. 7 ст. 193 УПК РФ). Далее лицу, на которое указал опознающий, предлагается представиться. По окончании опознания составляется протокол, где дословно обозначаются все обстоятельства и результаты опознания вместе с объяснениями опознающего.

Следует упомянуть о таком следственном действии, как следственный эксперимент. Важность его заключается в том, что это эффективный механизм проверки тех или иных умений подозреваемого (обвиняемого). Установление наличия соответствующих навыков и преступной осведомленности лица позволяет не только проверить и уточнить уже имеющиеся данные, но и исключить случаи самооговора. В рамках рассматриваемой категории преступлений следственный эксперимент заключается в проверке навыков и умений пользования различными электронными программами. Часто итогом его проведения может быть получение новых сведений, например, переписка с серверов сети Интернет. Данное следственное действие следует проводить с участием специалиста в области компьютерных технологий.

Проверяются следующие навыки и умения:

— умение пользоваться браузером Tor для обхода блокировки запрещенных сайтов;

– умение осуществлять покупку и продажу криптовалюты Bitcoin и др.;

– умение пользоваться VPN.

Таким образом, разработанные тактико-криминалистические средства в рамках проблематики расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ с использованием сети Интернет могут быть включены в структуру частной методики расследования данной категории преступлений как тактические комплексы с целью разрешения следственных ситуаций расследования [7, с. 248]. Думается, что развитие криминалистической тактики сложно представить без разработки теории тактико-криминалистического обеспечения расследования для внедрения тактических рекомендаций в следственную практику.

Список литературы

1. Долинин В. Н. Тактика допроса подозреваемого и обвиняемого в конфликтной ситуации // Российский юридический журнал. 2013. №6. С. 8 – 12.
2. Земцова С. И. Допрос лиц в качестве свидетелей при расследовании бесконтактного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием интернет-технологий: дифференциация и тактика производства // Современное право. 2019. №1. С. 106 – 110. doi: 10.25799/NI.2019.63..1..024. EDN: YUVQGL.
3. Земцова С. И., Суров О. А., Галушин П. В. Методика расследования незаконного сбыта синтетических наркотических средств, совершенного с использованием интернет-магазинов. Красноярск, 2019. 10.51980/2019_67. EDN: GKKKWG.
4. Земцова С. И. Некоторые вопросы производства подготовительного этапа предъявления для опознания при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск, 2016. Вып. 7. С. 93 – 106.
5. Чистова Л. Е. Теория и практика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023.
6. Чистова Л. Е. Теория и практика расследования преступлений, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами // Наркоконтроль. 2019. №1. С. 23 – 29. doi: 10.18572/2072-4160-2019-1-23-29. EDN: ZEQBKH.
7. Шишкина Е. В. К вопросу о понятии и содержании тактико-криминалистического обеспечения расследования преступлений // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17, №2. С. 243 – 249. doi: 10.19073/2658-7602-2020-17-2-243-249. EDN: KEDVOU.

Об авторах

Анатолий Михайлович Кустов — д-р юрид. наук, проф. кафедры управления органами расследования преступлений; главный научный сотрудник НИЦ, Академия управления МВД России, Москва, Россия; заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, Москва, Россия.

SPIN-код: 2347-9181

E-mail: amkustov@bk.ru

Олеся Александровна Макарова — канд. юрид. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID: 0000-0002-0858-7171

SPIN-код: 6631-1470

E-mail: mgf1906@yandex.ru

A. M. Kustov¹, O. A. Makarova²

TACTICAL AND FORENSIC SUPPORT FOR INVESTIGATIONS INTO CRIMES RELATED TO ILLEGAL DRUG TRAFFICKING COMMITTED USING THE INTERNET. PART TWO

51

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 21 January 2026

Accepted 14 March 2026

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-3

To cite this article: Kustov A. M., Makarova O. A., 2026, Tactical and forensic support for investigations into crimes related to illegal drug trafficking committed using the Internet. Part two, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 38—51. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-3.

The second part of the article examines the tactical aspects of individual investigative actions and offers recommendations for tactical and forensic support for investigations of internet-facilitated crimes involving the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances. The contribution analyses the tactical aspects of verbal investigative actions, such as witness interviews, questioning of a suspect or accused person, on-site testimony verification and identification procedures, while offering recommendations for their optimisation. The findings of the study comprise a set of theoretical propositions and practical recommendations, which are expected to enhance the effectiveness of tactical and forensic support for this category of crimes in the framework of specific forensic methodology, as well as to serve as a basis for further research on similar issues within forensic science and related fields.

Keywords: drugs, Internet, investigator, inquiry agency, investigative actions

The authors

Prof. Anatoly M. Kustov, Prof., Department of Management of Crime Investigation Agencies; Chief Research Fellow, Research Centre, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia; Honored Lawyer of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: amkustov@bk.ru

Dr Olesya A. Makarova, Associate Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID: 0000-0002-0858-7171

E-mail: mgf1906@yandex.ru

С. О. Рыбицкая

НЕЗАКОННОЕ ПРЕРЫВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ *DE LEGE FERENDA*

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА), Москва, Россия

Поступила в редакцию 25.11.2025 г.

Принята к публикации 02.03.2026 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-4

52

Для цитирования: Рыбицкая С. О. Незаконное прерывание беременности в контексте *de lege ferenda* // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. № 2. С. 52 – 62. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-4.

На основании сравнительно-правового анализа российского и зарубежного законодательства, регулирующего проведение искусственного прерывания беременности, исследования клинических рекомендаций и рекомендаций Всемирной организации здравоохранения, а также изучения статистических данных о медицинских абортах и их последствиях автором выявлена ограниченность медицинского и уголовного законодательства, отражающая непоследовательность законодательства и правоприменения в этой сфере. Обосновано положение о том, что уголовно-правовое регулирование искусственного прерывания беременности нуждается в совершенствовании в целях обеспечения безопасности медицинского аборта для жизни и здоровья женщины и соблюдения баланса между интересами женщины и развивающегося плода. Предложена новая редакция ст. 123 УК РФ, охарактеризованы возможные меры профилактики проведения незаконного искусственного прерывания беременности.

Ключевые слова: незаконное прерывание беременности, ятрогенные преступления, медицинский аборт, искусственный аборт, совершенствование законодательства, медицинская помощь, причинение вреда здоровью, преступления против личности

Отношение общества к искусственному прерыванию беременности (искусственному или медицинскому аборту) менялось сообразно эпохе под влиянием религиозных и политических воззрений (последние зависят от экономических предпосылок и заинтересованности государства в повышении демографии). На протяжении последних двух столетий отечественному законодательному регулированию проведения искусственного аборта не было свойственно постоянство: на пути его развития усматривается как абсолютное воспрещение (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. [21, с. 510] и Уголовное уложение 1903 г. [7, с. 148]), так и криминализация только при условии

его проведения ненадлежащим лицом, квалифицирующим признаком для чего является наступление тяжких последствий (Уголовный кодекс РФ 1996 г. [20]).

Современное законодательство зарубежных стран семьи континентального права не в пример менее либерально регулирует незаконное проведение искусственного прерывания беременности. Согласно ст. 156 УК Республики Беларусь производство аборта признается преступным в случае его проведения лицом без соответствующего образования или лицом, имеющим таковое, но действующим незаконно. Квалифицирующим признаком для обоих составов является причинение по неосторожности тяжких телесных повреждений или смерти [18]. Уголовный кодекс Республики Казахстан к преступному проведению искусственного прерывания беременности, кроме вышеназванных деяний, относит неоднократность их совершения (ст. 319) [19]. Кроме того, в отличие от УК Республики Беларусь, отнесшего исследуемое деяние к преступлениям против жизни и здоровья, незаконное проведение искусственного прерывания беременности в УК Республики Казахстан помещено в главу «Медицинские уголовные правонарушения». Примечателен УК Республики Армения, в котором преступному прерыванию беременности посвящены три статьи: криминализировано не только незаконное искусственное прерывание беременности, но и принуждение к аборту, а также проведение такового без предварительного, осведомленного и надлежащим образом оформленного согласия женщины [17].

Уголовно-правовые запреты относительно искусственного прерывания беременности, предусмотренные Уголовным уложением Германии, отличаются большей разновидностью и включают в себя:

- 1) прерывание беременности без медицинского заключения;
- 2) дачу заведомо неправильного заключения;
- 3) нарушение врачебных обязанностей при прерывании беременности (непроведение медицинской консультации о значении и последствиях аборта; непредоставление беременной женщине возможности изложить причины, побудившие ее прервать беременность; непроведение медицинского обследования с целью установления срока беременности; непроведение консультирования беременной женщины, находящейся в бедственной или конфликтной ситуации);
- 4) рекламу прерывания беременности;
- 5) намеренное введение в оборот средств прерывания беременности с тем, чтобы способствовать совершению противоправных деяний.

Особая тяжесть содеянного усматривается при прерывании беременности против воли беременной женщины, а также при создании смертельной опасности или опасности причинения тяжкого вреда здоровью беременной женщины по грубой неосторожности.

Законность прерывания беременности определяется соблюдением следующих условий:

- желание беременной женщины;
- проведение медицинской консультации как минимум за три дня до аборта;
- проведение аборта врачом;

– проведение аборта в течение первых 12 недель беременности или независимо от срока беременности по медицинским показаниям.

Необходимо отметить, что несоблюдение перечисленных условий влечет уголовную ответственность и для беременной женщины, поскольку плод обладает собственным правом на жизнь независимо от срока беременности. Уголовная ответственность женщины исключена лишь при совершении покушения [16, с. 323 – 327].

Уголовным кодексом Швейцарии преступным признается:

1. Прерывание беременности с согласия беременной женщины, подстрекание или помощь в совершении такового без соблюдения условий законности, к которым относятся:

а) допустимость прерывания беременности в течение 12 недель с начала последней менструации или независимо от срока беременности при наличии медицинских показаний;

б) письменное заявление женщины, утверждающей, что она находится в состоянии крайней необходимости;

в) проведение аборта врачом;

г) проведение предварительной консультации;

д) проведение врачом «личной глубокой беседы» с беременной женщиной в целях информирования о рисках процедуры для здоровья и передачи руководства со списком учреждений, предлагающих моральную и материальную помощь, и информацией о возможности передачи родившегося ребенка на усыновление;

е) сообщение врачом о проведенном аборте в компетентный орган здравоохранения;

ж) необходимость личного удостоверения врача в том, что беременная женщина в возрасте до 16 лет обратилась в консультационный центр, специализирующийся на работе с подростками.

2. Прерывание беременности без согласия беременной женщины.

Кроме того, незаконное прерывание беременности порождает уголовную ответственность для самой женщины (Уголовный кодекс Швейцарии от 21.12.1937 г. в редакции от 01.08.2025) [29].

Отдельного внимания заслуживают положения, регулирующие допустимый срок искусственного прерывания беременности. Во Франции проведение медицинского аборта по желанию женщины возможно на основании ее письменного заявления до окончания 14-й недели (Кодекс общественного здравоохранения по состоянию на 11 сентября 2025 г.) [25]. Аналогичный временной порог установлен законодательством Испании (Закон 2/2010 от 3 марта 2010 г. о сексуальном и репродуктивном здоровье и добровольном прерывании беременности в редакции от 01.03.2023) [27]. Закон об абортах в Швеции позволяет женщинам прервать беременность до конца 18-й недели беременности. Согласно закону об абортах 1967 г. в Англии, Шотландии и Уэльсе искусственное прерывание беременности возможно, если ее срок не превысил 24 недель и при наличии заключения двух зарегистрированных практикующих врачей (закон в редакции на 11.11.2025) [23].

Таким образом, широко признается необходимость ограничения срока, допустимого для проведения искусственного прерывания беременности по желанию женщины. Указанный период дифференцируется

в пределах 10–24 недель. Криминализация незаконного прерывания беременности обоснована предупреждением посягательств на репродуктивное здоровье женщины и, как следствие, демографических проблем, а также, в ряде случаев, признанием государством права на жизнь за нерожденным ребенком. В этой связи установление ограниченного периода для прерывания беременности позволяет соблюсти баланс интересов государства, женщины и нерожденного ребенка.

Приведенный компаративный анализ позволяет заключить, что законодательное регулирование преступных деяний при искусственном прерывании беременности в Российской Федерации отличается ограниченностью. Статья 123 УК РФ посвящена *незаконному* проведению искусственного прерывания беременности, однако в качестве таковых признает лишь проведение такового лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, а в качестве квалифицирующего состава определяет неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшей. Вместе с тем согласно ст. 56 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» искусственное прерывание беременности возможно по желанию женщины в течение первых 12 недель беременности, по социальным показаниям — 22 недель беременности, по медицинским показаниям — независимо от срока [9].

Недостатки действующей редакции закономерно породили множественную критику и предложения по ее усовершенствованию. А. И. Рагог справедливо отмечает, что основание уголовной ответственности по ст. 123 УК РФ законодатель связывает с личностью виновного, а не с самой операцией [15, с. 391]. А. В. Серебренникова предлагает расширить круг субъектов данного состава, а также отмечает дефекты, связанные с законодательным допущением проведения прерывания беременности вне надлежащих условий [13]. Н. А. Живодрова указывает на необходимость изменения определения субъекта и признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ [2, с. 271]. И. Н. Маркина и Л. А. Букалорова отмечают более высокий уровень опасности прерывания беременности на позднем сроке беременности, в связи с чем предлагают новую редакцию ст. 123 УК РФ, согласно которой квалифицирующим видом деяния признается прерывание беременности свыше двадцати двух недель [6].

Безусловно, целесообразность изменений в регулировании незаконного прерывания беременности уже выявлена и обоснована. Вместе с тем законодательному регулированию в подобных вопросах надлежит развиваться параллельно с достижениями медицины и социологических исследований и быть свободным от хотя и привычных, но архаичных подходов.

В силу ст. 2, 10 и 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинская помощь оказывается на основе составляемых с опорой на научные доказательства клинических рекомендаций, применение которых, в свою очередь, является критерием ее качества [9]. На этом основании считаем возможным обращение к положениям клинических рекомендаций «Искусственный аборт (медицинский аборт)». В разделе «Информация для пациента»

содержится указание на небезопасность искусственного прерывания беременности, обуславливающую риски возникновения различных осложнений, в качестве которых названы как связанные с дефектами оказания медицинской помощи (например, «травма и прободение матки с возможным ранением внутренних органов и кровеносных сосудов»), так и отдаленные последствия в виде бесплодия и рака молочной железы, доказанность которых не обосновывается [3]. Несмотря на сомнительную убедительность и дискуссионность приведенных осложнений, клинические рекомендации отражают позицию системы здравоохранения по вопросу проведения медицинского аборта и дают основание полагать, что установленный 12-недельный срок для искусственного прерывания беременности мотивирован потенциальной опасностью для здоровья и жизни женщины. Отмечая объектом ст. 123 УК РФ здоровье женщины, Л. А. Лозанович указывает на возможность наступления осложнений, в числе которых воспалительный процесс, заражение крови, перфорация полости матки, бесплодие, маточное кровотечение [5, с. 93].

Изложенное позволяет заключить, что, устанавливая допустимые сроки для проведения медицинского аборта сообразно уважительности причин его проведения, законодатель признает их взаимосвязь с потенциальной опасностью подобного вмешательства, основываясь на содержащей научные доказательства информации, содержащейся в том числе в клинических рекомендациях. Однако нарушение установленных сроков не признается преступным, что отражает непоследовательность уголовно-правового регулирования искусственного прерывания беременности. Проведение искусственного прерывания беременности с нарушением данных сроков влечет административную ответственность в соответствии со ст. 6.32 КоАП [4].

Между тем анализ статистических данных не позволяет подтвердить обоснованность изложенного. Так, в 2021 г. количество умерших составило 2441 594 чел. [12]. Из них смерть только одной женщины обусловлена проведением медицинского аборта. Аборты, начатые или начавшиеся вне лечебного учреждения и имеющие неустановленный характер, повлекли смерть 11 женщин. Для сравнения, смерть 482 женщин, наступившая в тот же период, обусловлена осложнениями, связанными с беременностью, родами и послеродовым периодом [22].

Процентный показатель случаев искусственного прерывания беременности относительно количества зарегистрированных беременностей характеризуется сравнительной стабильностью. С 2019 по 2023 г. от 40 до 45 % беременностей было прервано посредством медицинского аборта [14]. В 2022 г. 45,5 % медицинских абортотворений было проведено до 12 недель беременности, из них 46,8 % — медикаментозным методом, являющимся более безопасным и предпочтительным; 2,3 % от общего числа приходятся на медицинские аборты с 12-й по 22-ю недели беременности, из них 64 % — медикаментозным методом [3]. Считаем необходимым обратить особое внимание на приведенные данные. Согласно клиническим рекомендациям меньше половины медицинских абортов в первые 12 недель беременности проводится медикаментозным (более безопасным) способом, однако на более позднем сроке беременности

этот показатель увеличивается до 64 %. Таким образом, с увеличением срока беременности возможность проведения безопасного медицинского аборта не только остается, но и возрастает.

В разработанном Всемирной организацией здравоохранения Руководстве по уходу за больными при абортах также подчеркивается, что безопасное прерывание беременности возможно независимо от срока беременности [24].

Однако примечательно, что от 4,7 до 13,2 % случаев материнской смертности связано с небезопасным абортom [28, р. e326]. Ю.И. Бытко отмечает, что каждый второй *криминальный* аборт заканчивается смертью женщины [1, с. 108].

Так, не имеющая высшего медицинского образования соответствующего профиля и осуществлявшая медицинскую деятельность без лицензии М. провела искусственное прерывание беременности сроком 19—20 недель. В результате ее действий потерпевшей был причинен тяжкий вред здоровью в виде перфорации задней стенки матки, разрыва брызжейки ректо-сигмовидного отдела толстой кишки, перфорации сигмовидной кишки, внутрибрюшного кровотечения — все признаки вреда здоровью, опасного для жизни человека и вызвавшего расстройство жизненно важных функций организма, которое не может быть компенсировано организмом самостоятельно и обычно заканчивается смертью. Содеянное квалифицировано судом по ч. 3 ст. 123 УК РФ [11].

Приведенный пример дает основания полагать, что безопасность медицинского аборта определяется проведением такового лицом, наделенным законом правом на проведение аборта с соблюдением порядка оказания медицинской помощи, определяющего допустимый срок для прерывания беременности. Кроме того, женщины прибегают к производству криминального аборта, когда его законное проведение невозможно, — в частности, в случае истечения установленного законом срока.

Предоставление женщине 12 недель для решения вопроса о продолжении или прекращении беременности создает лишь видимость достаточности, потому что женщина не может узнать о наступившей беременности ранее достижения срока в 4—6 недель, в связи с чем женщина располагает лишь оставшимися 6 или меньше неделями. Проведение медицинского аборта, как и других медицинских вмешательств, обязательно требует предварительной диагностики и консультаций врачей различного профиля (терапевт, кардиолог и др.), а значит — временных затрат, в конечном итоге уменьшающих возможность прервать беременность по желанию женщины и препятствующих реализации ее соматических прав. Вместе с тем плод, родившийся при сроке беременности 22 недели и более (напомним, что Всемирная организация здравоохранения признает роды своевременными при сроке от 37 недель до 41 недели 6 дней) [26, р. 152], при массе тела от 500 грамм и при наличии признаков живорождения (дыхание, сердцебиение и пр.), признается живорожденным [8], поэтому получает необходимую медицинскую помощь для поддержания жизни, что доказывает жизнеспособность плода вне материнского организма с 23-й недели беременности.

В этой связи, а также основываясь на доказанной ранее возможности проведения безопасного медицинского аборта до 22 недель, обосновано увеличение периода, в течение которого допустимо прервать беременность по желанию женщины, именно до 22 недель посредством внесения соответствующих изменений в ст. 56 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Необходимость совершенствования уголовно-правового регулирования искусственного прерывания беременности является актуальной задачей. Решая ее, законодателю следует помнить, что законность проведения искусственного прерывания беременности не влияет на его востребованность среди женщин, однако затрудняет обеспечение его безопасности. Н. А. Огнерубов справедливо отмечает, что запрет на добровольное прерывание беременности приведет к негативным последствиям, в числе которых ухудшение материального благосостояния населения и существенное увеличение криминальных аборт [10, с. 383].

На этом основании при формулировании новой редакции ст. 123 УК РФ следует руководствоваться принципами обеспечения безопасности медицинского аборта для жизни и здоровья женщины и соблюдения баланса интересов женщины и развивающегося плода. Основываясь на приведенных данных и руководствуясь приведенными выше доводами, считаем возможным предложить изложение данной статьи в следующей редакции:

Статья 123. Незаконное проведение искусственного прерывания беременности.

1. Проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, — наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет.

2. Проведение искусственного прерывания беременности вне надлежащих условий или лицом, не имеющим медицинского образования, — наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет.

3. Проведение искусственного прерывания беременности вне установленных законом сроков, если это повлекло причинение тяжкого вреда здоровью или смерть потерпевшей, —

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

4. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью, —

наказывается принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

5. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности причинение смерти, —

наказываются принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Не менее важной видится работа над предупреждением данных посягательств посредством сведения к минимуму уровня нежелательных беременностей. Достижение этой цели возможно при условии предоставления достоверной информации о контрацепции и возможности ее использования, включая экстренные методы контрацепции, короткого и длительного действия, а также популяризации мужских способов контрацепции. Проведение незаконных абортотвращаемо доступностью своевременной и безопасной медицинской помощи для прерывания беременности.

Список литературы

1. Бытко Ю. И. Проблемы уголовной ответственности за искусственное прерывание беременности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 106 — 110.
2. Живодрова Н. А. Проблемы уголовной ответственности за незаконное прерывание // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23, № 3 (89). С. 265 — 272.
3. Искусственный аборт (медицинский аборт) : клинические рекомендации (одобрены Минздравом России в 2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 27.10.2025 № 389-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Лозанович Л. А. Незаконное производство аборта: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.
6. Маркина И. Н., Букалерева Л. А. О необходимости совершенствования уголовно-правовой нормы, регламентирующей ответственность за незаконное проведение искусственного прерывания беременности // Полицейская и следственная деятельность. 2019. № 2. С. 48 — 54.
7. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903.

8. О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи : приказ Минздравсоцразвития РФ от 27.12.2011 г. №1687н (ред. от 13.10.2021; зарегистрировано в Минюсте РФ 15.03.2012 №23490). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 г. №323-ФЗ (с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 23.07.2025 №261-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Огнерубов Н. А. Проблема легализации статуса эмбриона в контексте уголовно-правовой охраны жизни // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. №5-2. С. 380 – 386.

11. Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 30.06.2021 г. по делу №1-189/2021 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/criminal/details/9ae33670-8e28-11eb-b210-39b400520775?caseNumber=1-189/2021> (дата обращения: 11.11.2025).

12. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 12.08.2025).

13. Серебrenникова А. В. Уголовно-правовые аспекты незаконного проведения искусственного прерывания беременности по уголовному законодательству России и зарубежных стран // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, №2. С. 271 – 274.

14. Состояние здоровья беременных, рожениц, родильниц и новорожденных; Сведения о прерывании беременности // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 12.08.2025).

15. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. И. Рапога. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2023.

16. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) : научно-практический комментарий и перевод текста закона. Potsdam, 2021.

17. Уголовный кодекс Республики Армения от 18.04.2003 г. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus> (дата обращения: 12.08.2025).

18. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. №275-3 (ред. 20.10.2025) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 11.11.2025).

19. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 г. №226-V (ред. от 16.09.2025) // Информационно-правовая система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 11.11.2025).

20. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ (с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 15.10.2025 №378-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 5-е изд., доп. СПб., 1886.

22. Число умерших по причинам смерти в 2021 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 12.08.2025).

23. *Abortion Act* 1967. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/87/contents> (дата обращения: 11.11.2025).

24. *Abortion care guideline*. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240039483> (дата обращения: 11.11.2025).

25. *Code de la santé publique*. L2212-1 – L2212-11. URL : https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006072665/ (дата обращения: 11.11.2025).

26. *International statistical classification of diseases and related health problems (ICD-10)*. 10th revision, 2nd ed. Vol. 2. URL: https://icd.who.int/browse10/Content/statichtml/ICD10Volume2_en_2010.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

27. *Ley Orgánica 2/2010, de 3 de marzo, de salud sexual y reproductiva y de la interrupción voluntaria del embarazo*. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2010-3514> (дата обращения: 11.11.2025).

28. Say L., Chou D., Gemmill A. et al. Global causes of maternal death: a WHO systematic analysis // *Lancet Glob Health*. 2014. Vol. 2, №6. P. e323 – e333.

29. *Schweizerisches Strafgesetzbuch vom 21. Dezember 1937*. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/54/757_781_799/de (дата обращения: 11.11.2025).

Об авторе

Санда Олеговна Рыбицкая — магистрант, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия.

ORCID 0009-0006-8481-3413

SPIN-код: 9253-6499

E-mail: grigorievasd@gmail.com

S. O. Rybitskaya

ILLEGAL TERMINATION OF PREGNANCY IN THE CONTEXT OF DE LEGE FERENDA

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Received 25 November 2025

Accepted 2 March 2026

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-4

To cite this article: Rybitskaya S. O., 2026, Illegal termination of pregnancy in the context of *de lege ferenda*, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 52 – 62. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-4.

This study identifies limitations in both medical and criminal legislation, reflecting inconsistencies in law-making and law enforcement in this area. To this end, a comparative legal analysis is undertaken of Russian and international legislation governing induced abortion, clinical guidelines and recommendations issued by the World Health Organisation are examined, and statistical data on therapeutic abortions and their consequences are analysed. It is argued that criminal-law regulation of induced abortion requires improvement in order

to ensure the safety of medical abortion for women's life and health and to maintain a balance between the interests of the woman and those of the developing fetus. A new version of Article 123 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed, with possible measures to prevent illegal induced abortions outlined.

Keywords: illegal termination of pregnancy, iatrogenic crimes, medical abortion, induced abortion, legislation improvement, medical care, infliction of bodily harm, crimes against the person

The author

62

Sanda O. Rybitskaya, Master Student, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.

ORCID 0009-0006-8481-3413

E-mail: grigorievasd@gmail.com

УДК 94(4), 930

В. О. Мартыненко

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ РАМОК
ЭПОХИ ВИКИНГОВ: ВЗАИМОСВЯЗЬ
ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ**

63

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Поступила в редакцию 10.12.2024 г.

Принята к публикации 25.12.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-5

Для цитирования: Мартыненко В.О. Определение хронологических рамок эпохи викингов: взаимосвязь исторического и культурологического подходов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №2. С. 63—76. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-5.

В медиевистике и скандинавистике эпоха викингов чаще всего очерчивается 793–1066 гг. – периодом, когда воинственные скандинавы доминировали в политической и социально-экономической жизни различных государств. Однако современные междисциплинарные исследования, касающиеся всего скандинавского общества в раннем Средневековье, расширяют эти границы. Понимание критериев, которые лежат в основе различных исследовательских подходов, позволяет конкретизировать период активности скандинавов. Целью статьи является определение хронологических рамок эпохи викингов на основе взаимосвязи исторического и культурологического подходов. В рамках исторического подхода с помощью историко-генетического, сравнительно-исторического методов и контент-анализа с учетом ряда зарубежных источников эпохи Средневековья в статье определяются признаки, составляющие понятие «викинги» в период их активности. С помощью культурологического подхода на основе источников эпохи Нового времени выявляются признаки понятия, сконструированные гораздо позже деятелями культуры эпохи романтизма (XIX в.). Выявление признаков понятия «викинги» позволяет определить, какие критерии учитываются для установления временных границ эпохи. Военные вторжения викингов, морские грабежи, пиратство и язычество – признаки, относящиеся к фазе их наиболее активных завоеваний в 793–1066 гг. Другие признаки – развитие торговли, религии, письменной культуры, политических и общественных институтов – сближают понятия «викинги» и «скандинавы». Это расширяет хронологические границы эпохи викингов – с начала VIII в. до XVI в. в соответствии с различными подходами исследователей. Обоснован вывод

об искусственности таких историко-хронологических конструкций, как «эпоха викингов», подчеркнута необходимость обоснованного разграничения или совмещения двух подходов к понятиям «викинги» и «эпоха викингов».

Ключевые слова: викинги, походы викингов, скандинавы, эпоха викингов, Скандинавия

Введение

Одно из первых вторжений викингов в Западной Европе, зафиксированное в «Англосаксонской хронике», относится к 793 г., когда отряды вооруженных людей напали на монастырь Линдисфарн в Англии и разграбили его. «Англосаксонская хроника» описывает это событие как «разорение язычниками... Божьей церкви на Святом острове» [32]». Несмотря на то что свидетельства пребывания викингов в регионе относятся и к более раннему времени, именно с этого события в исторической науке традиционно отсчитывают начало эпохи викингов. Окончание эпохи часто определяют датой 25 сентября 1066 г. В этот день в битве при Стэмфорд-Бридже армия английского короля Гарольда II Годвинсона отбила вторжение норвежского короля Харальда Сурового [11, с. 12]. Также в качестве верхней хронологической границы указывают 14 октября 1066 г., когда в битве при Гастингсе нормандский герцог (и потомок скандинавских переселенцев) Вильгельм I Завоеватель разбил армию короля Гарольда, и Англия была завоевана [8, с. 258]. Период 793–1066 гг. условно признается в качестве хронологической границы эпохи викингов и часто встречается в научной литературе. Именно в эту эпоху прослеживается доминирующее влияние скандинавов на политическую и социально-экономическую жизнь многих государств периода раннего Средневековья: Древняя Русь, Византия, средиземноморский регион, Западная Европа и даже Америка испытали на себе присутствие скандинавских авантюристов.

Массовая культура дает узнаваемую, но не всегда верную картину походов викингов [3, с. 130]. У человека, только погружающегося в изучение этой эпохи, может сложиться ошибочное впечатление, что викинги внезапно возникли и также внезапно исчезли из событий мировой истории. Проблема в том, что обоснование хронологических границ эпохи викингов, как и само определение периода скандинавской активности в качестве эпохи, весьма обобщенное и условное. Конкретные временные рамки этой эпохи по-прежнему не определены и нуждаются в уточнениях. Современные междисциплинарные исследования в области истории, археологии, культурологии, лингвистики позволяют переосмыслить традиционные подходы к изучению эпохи викингов и роли викингов в ней. Исследования этой эпохи становятся все более многогранными, охватывая не только военные аспекты деятельности викингов, но и социальную структуру, экономику, торговые маршруты и культурные обмены скандинавов. Совокупность культурно-исторических признаков целой эпохи расширяет представление о многообразии жизнедеятельности скандинавов в VIII–XI вв. Это порождает необходимость постановки четких критериев ее периодизации, в соответствии с различ-

ными подходами, среди которых ключевым является военный аспект. Для определения хронологических рамок важно понять, действительно ли военная деятельность скандинавов в VIII—XI вв. заслуживает того, чтобы назвать ее целой «эпохой» и каковы критерии определения хронологических рамок этой эпохи в соответствии с разными подходами.

Цель статьи — определение хронологических рамок эпохи викингов на основе взаимосвязи исторического и культурологического подходов. Задачи: 1) определить понятийный аппарат исследования, соотношения понятий «викинги» и «эпоха викингов»; 2) установить характерные особенности конструирования хронологических рамок эпохи викингов в соответствии с различными критериями; 3) сформировать представление о перспективах использования традиционной периодизации эпохи викингов в науке. Значимость работы видится в том, что в ней предлагается разграничение ключевых подходов к определению временных рамок эпохи викингов по разным критериям. Их понимание позволит современным исследователям в области медиевистики и скандинавистики конкретизировать понятийный аппарат, глубже понять особенности эпохи и ее место в историческом процессе. Методы исследования: историко-генетический, сравнительно-исторический, контент-анализ.

Основная часть

Определение хронологических рамок эпохи викингов необходимо формулировать, отталкиваясь от ключевого понятия «викинги», подходы к трактовке которого в современной науке остаются весьма дискуссионными. В первую очередь это связано с тем, что наука до сих пор не ответила на вопрос: кто такие «викинги»? В крупных и тиражируемых монографиях, коротко характеризуя викингов, ученые ограничиваются комментариями о том, что это «пираты» или «морские разбойники» [9, с. 22]. Можно сказать, что викинги — это люди, для которых военное ремесло является основным родом деятельности. Однако, характеризуя викингов с военной точки зрения, зачастую авторы серьезных научных работ отступают от данного подхода в процессе исследования. Они представляют викингов с учетом их торговых, ремесленных, колонизаторских и духовных особенностей [29, р. 83], то есть приписывают викингам как весьма узкой социальной группе культурные характеристики, свойственные всему скандинавскому обществу. На сегодняшний момент нет однозначного взгляда на то, какие черты составляют понятие «викинги». Стоит отметить, что сам термин «викинг» не использовался в Скандинавии для обозначения какой-либо социальной группы вплоть до XIX в. [25, s. 151].

Рассматривая проблему происхождения и использования понятия «викинги», исследователи учитывают три подхода к его интерпретации: 1) этимологический; 2) исторический; 3) культурологический (некорректно называемый Дж. Джеш современным) [22, р. 4].

Этимологическому подходу в рамках данной работы будет уделено меньше внимания. Во-первых, без упоминания этимологии понятия «викинги» и дискуссии вокруг этой проблемы не обходится ни одно крупное современное исследование. Во-вторых, эпоха викингов была

значительно позже того, когда возникло это понятие. Понимание этимологии слова дает мало фактической информации о том, как оно использовалось исторически, то есть непосредственно в эпоху викингов и сразу после нее. Однако нельзя игнорировать ряд важных фактов, полученных, благодаря пониманию происхождения слова. В VIII—XI вв. лишь небольшое число жителей Севера называли себя викингами [19]. Обычные скандинавские фермеры и рыбаки редко использовали это слово, хотя имя *Viking* также встречалось. Как выяснили ученые, и в этом отношении сложился определенный консенсус, в древнескандинавском языке лишь два слова приблизительно похожи на современное «викинги»: 1) *vikingr* (мужской род) — воин, отправлявшийся в морские экспедиции; 2) *viking* (женский род) — сами экспедиции, куда ежегодно уходили скандинавы за богатством и славой. Выражение *fara i viking* означало «плавать в викинге» [21, p. 46]. По мнению Э. Хайде, скорее всего, абстрактное существительное *viking* было первичным, и существительное *vikingr*, обозначающее человека, произошло от него [Ibid., p. 54]. Как можно заметить, этимологически слово *viking* не относилось к обобщенной группе людей, это понятие не включало в себя этнические или региональные значения [22, p. 5]. Этимология слова «викинги» прослеживается и в английском языке. На Британских островах были найдены важнейшие источники, датированные началом 700-х гг., почти за 90 лет до официального начала эпохи викингов. В этих глоссариях указаны древнеанглийские эквиваленты латинских слов. В качестве эквивалента латинского *piraticus* здесь встречается древнеанглийское *wicing* [27, p. 108]. Это понятие также не сопровождается этническими и региональными ассоциациями, связанными со словом [25, s. 152].

Тем не менее с развитием языка значение слов меняется, и на тот момент, когда свидетельства использования понятия обнаруживаются в исторических источниках, необходимых для анализа, оно может нести другие смыслы. То есть этимология полезна для установления того, как и где возникло понятие «викинги», но с ее помощью нельзя с уверенностью установить, что оно на самом деле означало в эпоху викингов и позднее. Поэтому в рамках данной работы наиболее актуален исторический подход, который отражает историко-культурный контекст более поздних употреблений данного понятия.

Скандинавы периода раннего Средневековья не оставили письменных источников, поэтому первым свидетельствам о викингах и впечатлениям от встречи с ними наука обязана средневековым европейским хронистам. Сегодня те описания, которые давали английские монахи скандинавам, подверглись серьезной критике [11, с. 19]. Но все же, анализируя источники, написанные на латинском языке, можно выделить ключевые признаки походов викингов: групповой характер деятельности, грабежи, внезапные нападения, морские экспедиции, язычество как главный признак духовных воззрений скандинавов. Последний признак немаловажен для определения верхней хронологической границы эпохи викингов. В латинских хрониках по отношению к язычникам использовался термин *pagans*, который в том числе применялся и к викингам [20, p. 142]. Однако после христианизации Скандинавии это обозначение перестало употребляться. Сами по себе грабежи и взимание дани

не были чем-то уникальным для междоусобных войн эпохи раннего Средневековья, но преднамеренные нападения на церкви и убийства священнослужителей выделяли викингов среди других захватчиков.

Что касается скандинавских источников, то большой рост их числа приходится на конец XII — начало XIV в., то есть на так называемый «век саг». До эпохи саг слово «викинги» встречается в скальдической поэзии — форме скандинавского искусства на стыке устной и письменной традиции. Скальдические стихи, в отличие от саг, в которых они зафиксированы, считаются более надежным источником [12, с. 113]. Хотя и редко, но в скальдической поэзии встречается слово, эквивалентное слову «викинги». В стихах известного скандинавского скальда и викинга Эгиля Скаллагримссона, жившего приблизительно в 910—990 гг., упоминаются викинги.

Pat mælti mín móðir,
at mér skyldi kaupa
fley ok fagrar árar,
fara á braut með víkingum,
standa upp í stafni,
stýra dýrum knerri,
halda svá til hafnar
höggva mann ok annan [16, с. 42].

Молвила мне мать:
мне корабль-де купят —
весла красны вольны —
с викингами выехать.
Будет стать мне, смелу,
мило у кормила
и врагов негодных
повергать поганых [12, с. 28—29].

Исходя из контекста, можно заметить, что занятия викингов были тесно связаны с военным делом и морем. Однако знакомое современному человеку слово *viking* не употребляется, а вместо него используется слово *vikingum* (во мн. числе), что может свидетельствовать о том, что они, как правило, были группой людей, которые занимались военным рейдерским промыслом вместе.

Количество источников на древнескандинавском языке, имеющих в распоряжении исследователя, увеличилось после завершения эпохи викингов. Первые записанные литературные источники стали появляться с начала XII в. Оригинальные работы Сэмунда Мудрого не сохранились, поэтому отцом исландской литературы считается его современник, Ари Мудрый Торгильссон (1067—1168). С пополнением источниковой базы расширялось употребление слова «викинг», и менялось его значение. Основной комплекс источников, позволяющий глубже погрузиться в эпоху викингов, — это исландские саги, которые были сочинены несколько позже самой эпохи викингов — в XIII—XIV вв. Несмотря на это, данные произведения создавались довольно близко к происходившим в них событиям — в то время, когда жизненные ценности и идеалы их создателей не успели оторваться от идеалов общества эпохи викингов [5, с. 132].

Независимо от поджанра саги, во всех встречающихся употреблении викинги имеют общие признаки: морские экспедиции с целью грабежа и захвата, военизированный образ жизни, групповой характер деятельности, социальная отчужденность от племенной системы и, как следствие, высокая социальная мобильность, а также маргинальное состояние «викинга». Торговля, как часто упоминаемая функция сканди-

навских мореплавателей, не была их ключевой деятельностью и обычно имела вынужденный характер [4, с. 177]. Разграничение деятельности викингов и торговца демонстрируется в отрывке из «Саги об Эгиле»: *Björn var farmaðr mikill, var stundum í viking, en stundum í kaupferðum. Björn var inn gerviligsti maðr* [17, с. 99] («Бьёрн много плывал по морям, иногда как викинг, а иногда занимаясь торговлей. Он был очень достойный человек»).

Фактически быть викингом означало работу «на полставки», поскольку экспедиции викингов совершались сезонно мелкими фермерами, рыбаками, торговцами, вождями и аристократами. Данное занятие рассматривалось как временный способ поиска средств к существованию, при этом немаловажным было и завоевание славы [30, р. 1].

68

Таким образом, если брать за основу сугубо исторический подход к понятию «викинги», то рассматривать их деятельность и саму эпоху необходимо с точки зрения начала и завершения массовых грабительских набегов на соседние страны. При этом позиция большинства ученых опирается именно на этот критерий: в качестве нижней хронологической границы эпохи выделяется дата разграбления монастыря в Линдисфарне в 793 г. [24] (при этом часто не упоминается первое зафиксированное убийство викингами королевского шерифа в английском графстве Дорсет 789 г.). Это первые зарегистрированные набеги, но существует некоторая неопределенность в отношении масштабов более ранней активности скандинавов на атлантических границах Европы. Учитывая фрагментарный характер свидетельств, сложно утверждать, что самые ранние зафиксированные набеги викингов были первыми набегами [30, р. 16]. Некоторые исследователи отодвигают нижние хронологические рамки, предполагая, что некоторые набеги могли происходить уже в 760–770-х гг. [7, с. 19]. По мнению Н. Прайса, трехсотлетний период эпохи викингов начался примерно с середины VIII в., и был ознаменован в первую очередь процессом глубокой социальной трансформации скандинавского общества [6, с. 27]. Как считает Дж. Джеш, если брать в расчет другие аргументы и исторические свидетельства, в том числе археологические, то можно отодвинуть дату начала эпохи викингов примерно на 700 г. [22, р. 8].

Конечная дата завершения эпохи викингов ориентируется на 70-е гг. XI в. В качестве ключевых событий рассматривают поражение Харальда Сурового, короля Норвегии, в битве при Стэмфорд-Бридже в 1066 г. от английского правителя Гарольда. Чуть позже в том же году потомки викингов — франко-нормандские рыцари — разгромили англосаксов в битве при Гастингсе [4, с. 28]. Спустя четыре года, в 1070 г., из Англии удалился датский король Свен. Как считается, с этого момента период успешного вмешательства скандинавов в дела Западной Европы закончился [11, с. 12].

Однако и в определении верхней хронологической границы эпохи викингов нет единой позиции. Хотя для большей части Западной Европы эпоха викингов завершилась, в отдаленных и бедных северных районах Британских островов викинги и норвежские короли еще долгое время продолжали активно действовать. Выделяя этот период в «эпоху», ряд авторов считает, что справедливо совершать некоторые допущения, поскольку отдельные пиратские набеги викингов происходили вплоть

до 1240 г. А государственные структуры и общественные институты эпохи викингов в отдельных регионах сохранялись еще до XIII в., то есть закат их цивилизации был долгим [13, с. 5]. Как можно заметить, даже если использовать исторически зафиксированный критерий (грабительский характер военной экспансии викингов), здесь уже очевидны нечеткие хронологические рамки, которые по-разному определяются отдельными авторами. Понимание проблемы эпохи викингов с позиции разбойничьих набегов оставалось господствующим в науке вплоть до середины XX в.

Однако среди части историков, в особенности скандинавских, существовал и совершенно «иной, романтический взгляд на деяния норманнов», как пишет А.Я. Гуревич [1, с. 83]. Превращение викингов из пиратов в чистом виде в первых скандинавских пиратов и, наконец, в скандинавов в целом было процессом, который начался только около 1800 г. [25, s. 159]. Во многом это произошло потому, что понятие «викинги» было создано и популяризировано писателями эпохи романтизма в XIX в. [33]. Оно было использовано для обозначения героических, идеализированных образов скандинавских мореплавателей и воинов. С позиции националистически настроенных деятелей культуры и искусства викинги стали обретать этническую принадлежность — мореплаватели из Скандинавии. Ближе к середине XX в. «викингами» стали называть всех скандинавов раннего Средневековья. Таким образом, сформировался культурологический подход к понятию «викинги», который применяется к самой эпохе викингов, учитывая наряду с военными аспектами социокультурные составляющие скандинавского общества в VIII—XI вв.

Среди всех литературных произведений наиболее влиятельной является поэма Густава Гейера «Викинген». Гейер возродил повседневное употребление слова *viking* в Скандинавском регионе, но теперь оно применялось исключительно к скандинавам [25, s. 160]. *Viking* в этом стихотворении используется применительно к группе лиц, а не к роду их деятельности, как было характерно для древнескандинавского языка.

Så sjunger, på ensliga klippans hall
Den skeppsbrutne Viking bland bränningars svall —
I djupet sjön honom river —
Och böljorna sjunga åter sin sång,
Och vinden växlar sin lekande gång:
Men den tappres minne — det bliver [18, s. 24].

В 1825 г. выходит современный перевод «Саги о Фритьофе», выполненный Эсайясом Тегнером. Эта работа сразу стала популярна в нескольких европейских странах и еще сильнее повысила интерес к викингам. В русле романтических традиций XIX в. автор еще сильнее героизирует образ викингов, связывая их этническое происхождение с Севером: “...*jag vill följa de himmelska vindarnas gång, jag vill styra tillbaka mot Nord*” [31, p. 123] («...Я хочу следовать за небесными ветрами, я хочу вернуться на Север»). Тегнер еще больше укрепил героический образ скандинавского викинга, созданный Гейером. Средневековый северянин становится романтическим героем, образцом добродетели и хорошего

поведения [23, p. 147]. Таким образом, несмотря на то что на древнескандинавском языке «викинг» — это морской разбойник, а быть викингом означало совершать морские набеги, только в XIX в. это понятие вошло в обиход скандинавских языков и английского языка. Как правило, оно стало использоваться для обозначения всех представителей народов Скандинавии в период с конца VIII в. по XI в., а не только тех, кто совершал морские набеги и, следовательно, был викингами в древности.

Vikingtid («эпоха викингов») также была сконструирована в XIX в. Как считается, впервые это слово для обозначения исторического периода было использовано в датском языке еще в 1873 г., когда известный археолог Дж. Ворсае опубликовал свою книгу «Датская культура в эпоху викингов» (*De Danskes Kultur i Vikingetiden*) [28, s. 159]. В период формирования датской национальной идентичности страна нуждалась в культурно-исторических символах, подчеркивающих ее своеобразие и уникальность. Ворсае посетил Британские острова и Нормандию и идентифицировал находки как скандинавские. Чтобы подчеркнуть культурно-историческое обособление Дании, он (и за ним другие деятели культуры) фактически создал «эпоху викингов» и сделал ее частью скандинавского наследия.

С расширением признаков, составляющих понятие «викинги», до этнической и социокультурной общности, стало еще сложнее определить хронологические границы эпохи. Если викинги — это скандинавы, занимавшиеся набегами и грабежами, то эпоха викингов должна определяться на основе того, когда происходили такие действия, а именно в 793—1066 гг. Если же под викингами понимать все скандинавское общество, включая оставшихся дома, то определение хронологических границ эпохи разнится. Исследователи принимают принципиально разные критерии для определения ее хронологических рамок.

Рассматривая эпоху викингов с точки зрения культурологического подхода, ученые склонны отодвигать нижние хронологические рамки вплоть до начала VIII в., критикуя условную дату 793 г. Они считают, что более ранняя датировка, основанная на письменных документах, не учитывает археологические данные, полученные с развитием технологий их анализа. Поэтому нападения скандинавов на монастыри на Британских островах до сих пор считаются началом эпохи викингов [25, s. 160].

В последние десятилетия благодаря появлению новых археологических находок ученые стали рассматривать дальние и длительные морские путешествия викингов под другим углом. Оставив в стороне мотивы военных грабежей, они акцентируют внимание преимущественно на их торговой деятельности. В 2015 г. межнациональный коллектив исследователей продемонстрировал присутствие норвежских мореплавателей уже в начале 700-х гг. в крупном датском торговом городе Риббе. Здесь на глубине нескольких археологических слоев удалось найти рога северного оленя, которые можно было получить только в Норвегии. Это значит, что уже к VIII в. с этим регионом были установлены торговые отношения [14, p. 687].

Говоря о завершении эпохи викингов, авторы, которые не концентрируются на военных походах, называют несколько разных условий.

Во-первых, возникновение национальных государств и укрепление сильной королевской власти, опирающейся на систему военного вассалитета в Дании, Швеции, Норвегии [4, с. 221]. К концу XI в. королевские династии были узаконены католической церковью. Появились города, которые функционировали как светские и церковные административные центры и торговые площадки. В них начала развиваться денежная экономика, основанная на английской и немецкой моделях. Укрепление государственной власти, организованной потомками скандинавских викингов, происходило также на Руси, в Англии, на Фарерских и Оркнейских островах. Деятельность королей теперь была направлена не на грабежи, а на завоевание и удержание территорий. Но даже в этом случае, к эпохе викингов можно относить новый период экспансии Дании и Швеции в 1100–1200-е гг., когда совершались походы и завоевания на южном и восточном побережье Балтики и в Финляндии [8, с. 258].

Во-вторых, важную роль в завершении эпохи сыграла христианизация Скандинавии, благодаря чему произошло включение северных государств в число католических стран. Один из вариантов — использовать 1000 г. в качестве круглой даты, когда Исландия была крещена [22, р. 9]. Несомненно, принятие скандинавами организованной монотеистической религии, характерной для большей части остальной Европы, является важной вехой в их истории. Последовавшие за этим культурные и политические трансформации в Скандинавии свидетельствуют о том, что XI век был ключевым при смене эпох. Северогерманский хронист Адам Бременский отмечает, что к середине XI в. военные походы викингов утратили свое значение из-за христианизации Скандинавии (см. об этом: [20, р. 149]). Кроме того христианство предусматривало явный запрет на владение рабами, а значит военные походы и работорговля как экономический стимул военных походов сокращались. Однако первые контакты язычников-скандинавов и христиан были значительно раньше 1000 г., а христианизация Скандинавии являлась долгим процессом, который растянулся на многие десятилетия. Поэтому XI век весьма условен, так как полная христианизация населения, заняла несколько столетий. Дальнейшая протестантская Реформация по всей Скандинавии и ее уцелевшим колониям в XVI в. позволяет использовать и эту дату, определяя завершение «эпохи викингов» [22, р. 10].

В-третьих, совершенно иной будет дата окончания эпохи викингов, если в качестве критерия взять этап складывания скандинавской письменной культуры и возникновение письменных источников. Первые рукописные документы на древнескандинавском языке формируются в XII в., но уже XI в. богат двумя народными источниками, имеющими глубокие корни в древнескандинавской культуре, — руническими надписями и скальдическими стихами. В Скандинавии XI век является переходным периодом между устной речью и культурой письменных текстов в XII в. Однако кульминацией периода можно назвать XIV в., когда был создан огромный пласт скандинавских саг и прядей. Эти литературные и исторические документы стали важной частью скандинавской духовной культуры, что позволяет рассматривать письменный материал как важную черту, ознаменовавшую переход цивилизации на качественно иной уровень в этом регионе [9, с. 67].

Неоднозначность подходов к определению хронологических рамок, разрушает концепцию монолитной эпохи викингов, позволяя выделять не «эпоху», а «эпохи», поскольку она разбивается на несколько фаз активности, отличающихся между собой по многим показателям. С конца VIII в. по начало IX в. европейский мир столкнулся с небольшими и неорганизованными грабительскими отрядами. Но уже с середины IX в. эти набеги совершали значительно лучше организованные армии. К этому моменту также началось заселение земель, сначала на Британских островах, а затем и на континенте. Возможность зимовки позволила усилить набеги и получить больше времени для грабежей, начиная с 830-х гг. Это знаменует собой переходный этап между набегами и постоянными поселениями. Многие ученые рассматривают эту фазу заселения как «вторую эпоху викингов», которая сильно отличалась от «первой эпохи викингов» и была более значимой. Многие контакты носили коммерческий характер. Коммерческие связи, возможно, в первую очередь помогли скандинавам осознать относительное богатство континентальной и островной Западной Европы [30, р. 32]. В англоязычной историографии выделяются и более детальные подходы к периодизации [10].

Более того, викингские завоевания и колонизация не были синхронизированы по всей Европе. И даже параллельно происходившие события с участием скандинавов на Западе и на Востоке отличались спецификой. В одних регионах информация о контактах с викингами задокументирована гораздо лучше, чем в других.

Заключение

Переосмысление роли викингов в мировой истории происходит сегодня, как и в XIX в., когда людям Севера адресовали хвалебные послания, благодаря их за «твердость, отвагу, предприимчивость и чувство справедливости, которые жили в сердцах суровых старых морских королей Норвегии!» [33]. Есть реальные основания называть людей, совершавших набеги в VIII — XI вв., «викингами». Действительно, термин, приближенный к этому слову, использовался ими для обозначения самих себя и военной деятельности, которой они занимались. Но если викинг бросал это занятие, возвращался домой или становился земледельцем на какой-либо земле, он переставал быть викингом. Викинги оставались собой до тех пор, пока находились на борту корабля. Поэтому можно оправдать использование понятия «эпоха викингов», но абсолютно неуместно использовать такие конструкции, как «религия викингов», «язык викингов», «цивилизация викингов» и т. д. [15, р. 24]. Говоря о викингах сегодня, имеют в виду не только пиратов, но и женщин, детей и стариков. Не только тех, кто участвовал в набегах викингов, а каждого скандинава, жившего в течение этих двух с половиной или трех столетий в раннем Средневековье. Однако викинги — это пираты, их основная деятельность — морские грабежи и рейдерство. Представляется целесообразным использовать понятие «скандинавы раннего Средневековья», несмотря на то что, как отмечает Р. Зимек, в средневековых источниках отсутствует единый термин, охватывающий все население Скандинавии эпохи викингов [2, с. 14].

На сегодняшний день не существует однозначного подхода к определению эпохи викингов, хронологические рамки которой весьма различаются в зависимости от используемой в исследовании методологии. Исторический подход позволяет рассматривать викингов как морских налетчиков, действовавших с конца VIII в. до середины XI в. Однако акцент на драматических событиях набегов и завоеваний может затмевать другие формы взаимодействия [30, р. 32]. В этих обстоятельствах правомерен и культурологический подход, который включает в понятие «викинги» этнические и культурные особенности скандинавского общества. В результате хронологические рамки эпохи условно можно расширить с начала VIII в. до XIV в. Необходимость междисциплинарного подхода к изучению викингов, позволяющего выйти за узкие исторические границы, обосновывается в современной исследовательской литературе [26, р. 3]. В этой связи расширение хронологических границ представляется оправданным и перспективным.

Все же те критерии и события, которые наука может выделить в качестве основополагающих, не у всех ученых однозначно найдут поддержку. Нельзя сказать, что эпоха викингов «закончилась» какими-то конкретными событиями, произошедшими в определенное время или в определенном месте, равно как нельзя сказать, что она «началась» с чего-то подобного [6, с. 31–33]. Не все ученые согласятся с самой идеей выделения наиболее острой фазы активности скандинавов в отдельную историческую эпоху. Признавая роль, которую викинги сыграли в мировой истории, они не считают ее определяющей, поскольку для мировой истории не было эпохи викингов как таковой. Скорее, это эпоха лишь в истории скандинавских стран [1, с. 122–123]. Эпоха викингов — это искусственная конструкция, используемая для концептуализации истории [30, р. 2]. История нечасто позволяет проводить такое четкое разделение между произвольными «эпохами». Поскольку эпоха викингов не была «монолитным хронологическим периодом» в три или четыре сотни лет, нелегко и определить единую дату, применимую ко всему миру викингов. Любые хронологические границы являются весьма условными, требующими аргументированных обоснований со стороны исследователя.

Список литературы

1. Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007.
2. Зимек Р. Викинги: Миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов // Древнейшие государства Восточной Европы — 1999. М., 2001. С. 9–25.
3. Крестовников В. А. Эпоха викингов в российской и зарубежной историографии // Казачество. 2024. № 74. С. 130–136.
4. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
5. Мартыненко В. О. Исландские саги как источник изучения духовной культуры средневековой Скандинавии в дискуссиях отечественных и зарубежных исследователей // XXV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета. Ч. 7 : История. Документоведение. Архивоведение. (г. Нижневартовск, 4–5 апреля 2023 г.) Нижневартовск, 2023. С. 126–133.

6. Прайс Н. История викингов. Дети Ясень и Вяза. М., 2020.
7. Роуч Л. Империи норманнов: Создатели Европы, завоеватели Азии. М., 2022.
8. Розсдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. СПб., 2001.
9. Сванидзе А. А. Викинги — люди саги: жизнь и нравы. М., 2014.
10. Смятцкий Д. Г. Проблема периодизации эпохи викингов в Англии в современной англоязычной историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 116 — 124.
11. Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2006.
12. Поэзия скальдов / изд. подг. С. В. Петров, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1979.
13. Хейвуд Дж. Люди Севера: История викингов. 793 — 1241. М., 2017.
14. Ashby S. P., Ashley N. C., Sindbæk S. M. Urban networks and Arctic outlands: craft specialists and reindeer antler in Viking towns // European Journal of Archaeology. 2015. Vol. 18, № 4. P. 679 — 704.
15. Driscoll M. J. «Vikings!» // The Vikings reimagined: reception, recovery, engagement / ed. T. Birkett, R. Dale. Berlin ; Boston, 2020. P. 19 — 27.
16. Egill Skallagrímsson. Lausavísur // Den Norsk-islandske Skjaldedigtning. København ; Kristiania, 1912. Bd. 1. S. 42 — 53.
17. Egils Saga Skallagrímssonar nebst den Grösseren Gedichten Egils. Halle, 1924.
18. Geijer E. G. Vikingen // Iduna. 1811. Del 1. S. 20 — 24.
19. Harrison D. VadBetyder «viking»? // SvenskaDagbladet. URL: <https://www.svd.se/a/aKPda/vad-betyder-viking> (дата обращения: 08.12.2024).
20. Heebøll-Holm T. K. Between pagan pirates and glorious sea-warriors: the portrayal of the Viking pirate in Danish twelfth-century Latin historiography // Viking and Medieval Scandinavia. 2012. Vol. 8, № 1. P. 141 — 170.
21. Heide E. Viking — «rower shifting»? An etymological contribution // Arkiv för Nordisk Filologi. 2005. Vol. 120. P. 41 — 54.
22. Jesch J. The Viking Diaspora. N. Y., 2015.
23. Langer J. Horned, barbarian, hero: the visual invention of the Viking through European art (1824 — 1851) // Scandia Journal of Medieval Norse Studies. 2021. Vol. 4. P. 131 — 180.
24. Liberman A. What did the Vikings do before they began to play football? // Oupblog. URL: <https://blog.oup.com/2009/07/vikings/> (дата обращения: 08.12.2024).
25. Lind J. H. «Vikinger», Vikingetid og Vikingeromantik // KUML : Årbog for Jysk Arkæologisk Selskab. Aarhus, 2012. S. 151 — 168.
26. Nilsson S. E., Nyzell S. The mythopoetic Viking in European cultural heritage // Viking heritage and history in Europe: practices and re-creations (critical heritages of Europe). N. Y., 2024. P. 3 — 17.
27. Pfeifer J. D. Old English Glosses in the Épinal-Erfurt Glossary. Oxford, 1974.
28. Roesdahl E. Vikingerne i Dansk kultur // Fortid og Nutid. 1994. № 2. S. 158 — 172.
29. Sindbæk S. All in one Boat. The Vikings as European and global heritage // Heritage reinvents Europe : Proceedings of the Internationale (sic!) Conference. Ename, Belgium, (17 — 19 March 2011). Ename, 2011. P. 81 — 87.
30. Somerville A. A., McDonald R. A. The Vikings and their age. Toronto, 2013.
31. Tegner E. Frithiofs Saga. Chicago, 1909.
32. The Anglo-Saxon Chronicle // Project Gutenberg. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/657/pg657-images.html> (дата обращения: 04.03.2026).

33. Wawn A. The Viking revival // BBC. URL: https://www.bbc.co.uk/history/ancient/vikings/revival_01.shtml (дата обращения: 08.12.2024).

Об авторе

Владислав Олегович Мартыненко — асп., Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

ORCID: 0009-0009-7431-7119

E-mail: vladumgard@mail.ru

V. O. Martynenko

DEFINING THE CHRONOLOGICAL FRAMEWORK OF THE VIKING AGE: THE RELATIONSHIP BETWEEN HISTORICAL AND CULTURAL APPROACHES

Altai State University, Barnaul, Russia

Received 10 December 2024

Accepted 25 December 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-5

To cite this article: Martynenko V. O., 2026, Defining the chronological framework of the Viking age: the relationship between historical and cultural approaches, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 63—76. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-5.

Medieval and Scandinavian studies generally date the Viking Age to 793—1066, a period during which belligerent Scandinavians played a dominant role in the political and socio-economic life of various states. However, recent interdisciplinary research on Scandinavian society during the Early Middle Ages has expanded these chronological boundaries. An understanding of the criteria underlying different research approaches allows the chronological period of Scandinavian activity to be defined more precisely. This article aims to determine the chronological boundaries of the Viking Age through an integrated historical and cultural studies approach. Within the historical approach, using historical-genetic and comparative-historical methods and content analysis and drawing on a range of international medieval sources, the study identifies the features constituting the concept of 'Vikings' during their period of activity. Within the cultural studies approach, sources from the Modern period are used to reveal attributes constructed much later by nineteenth-century Romantic cultural figures. Identifying the properties of the concept of 'Vikings' makes it possible to determine the criteria used to define the chronological boundaries of the era. Viking military invasions, sea robberies, piracy and paganism serve as markers of the most active phase of Viking conquests of 793—1066. Other properties include the development of trade, religion, written culture, and political and social institutions, bridging the concepts of 'Vikings' and 'Scandinavians'. This perspective expands the chronological boundaries of the Viking Age, framing it as an era stretching from the early eighth to the sixteenth century in accordance with different scholarly approaches. The conclu-

sion highlights the artificial nature of such historical-chronological constructs as the Viking Age and emphasises the need for a balanced differentiation or integration of two approaches to the concepts of 'Vikings' and 'the Viking Age'.

Keywords: vikings, viking campaigns, scandinavians, viking age, Scandinavia

The author

Vladislav O. Martynenko, PhD Student, Altai State University, Barnaul, Russia.

ORCID: 0009-0009-7431-7119

E-mail: vladumgard@mail.ru

К. Е. Гавриленко

УЧАСТИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ КОРОЛЕВСКОЙ ПРУССИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩНОСТИ БУЖСКИХ ГОЛЕНДРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЕСЬЯ В XVII ВЕКЕ

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

Поступила в редакцию 09.05.2025 г.

Принята к публикации 21.01.2026 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-6

77

Для цитирования: Гавриленко К. Е. Участие переселенцев из Королевской Пруссии в формировании общности бужских голендров на территории Полесья в XVII веке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. № 2. С. 77 – 91. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-6.

Статья посвящена формированию общности бужских голендров на территории Полесья в контексте миграционных процессов на территории Центральной и Восточной Европы. Голендры — это особая категория земледельческого населения Королевской Пруссии и других регионов польско-литовского государства (Речи Посполитой), обладавшая специфическим социально-правовым статусом. Представителями данной категории земледельческого населения на территории белорусского Полесья были бужские голендры. Представлены сведения о появлении и положении голендров на территории Королевской Пруссии в XVI — начале XVII в. Освещены причины и условия переселения жителей Пруссии на территорию Полесья (Брест-Литовского воеводства Великого княжества Литовского (ВКЛ)) в XVII в. в контексте внутренней колонизации голендров. Названа датировка возникновения общности бужских голендров. Проанализирован текст привилея 1624 г., данного переселенцам. Раскрыта роль протестантского графа Рафаила Лещинского в организации переселения голендров с территории Королевской Пруссии.

Ключевые слова: бужские голендры, Королевская Пруссия, Жулавы, Полесье, Реформация, переселение, внутренняя колонизация голендров

Бужские голендры — историческая локальная полиэтническая (потомки немцев и поляков) и поликонфессиональная (лютеране и католики) общность, представители которой проживали на юго-западе современной территории Республики Беларусь и в смежных регионах Польши и Украины (в долине р. Западный Буг, от которой они и получили название). Формирование общности приходится на первую половину XVII в. и связано с переселением на пустующие земли в имении графов Лещинских (долина Западного Буга) жителей Королевской Пруссии. Они были голендрами — представителями особого слоя земледельческого насе-

ния в Королевстве Польском и ВКЛ (с 1569 г. — составные части Речи Посполитой). Абсолютно все переселенцы исповедовали лютеранство. Основание «материнских» (первых) колоний бужских голендров Нейдорф и Нейбров стало результатом деятельности графа Рафаила Лещинского — одного из самых известных деятелей Реформации в Речи Посполитой в первой трети XVII в.

В источниках и в историографии неоднократно отмечалось, что первые представители общности бужских голендров прибыли из Пруссии. В частности, в многочисленных отчетах времен Российской империи чиновники указывали, что бужские голендры являются переселенцами из Восточной Пруссии [7, ф. 1, оп. 1, д. 2334; оп. 4, д. 269]. Этот регион как место, откуда прибыли голендры на территорию Полесья, указывается и в работах Э. Бютова [2], В. Куна [22], К. Люка [23] и др. Однако необходимо отметить, что данный вопрос так и не был достаточно исследован. Целью статьи является изучение процесса формирования общности бужских голендров, образованной из числа переселенцев из Королевской Пруссии. Задачи — осветить процесс появления голендров как отдельной социальной группы Королевской Пруссии и Речи Посполитой; охарактеризовать положение голендров на территории Королевской Пруссии; выявить причины процесса формирования общности бужских голендров в рамках двух этапов переселения с территории Пруссии; представить сведения о социально-правовом статусе бужских голендров в первой половине XVII в.

Вопросом возникновения общности занимались Э. Бютов [2], А. Хорунжий [17], К. Бем [15], З. Журек [30], К. Люк [23], В. Кун [22] и др. Также к историографии вопроса относятся работы польских исследователей И. Барановского [14], К. Ежовой [19], К. Чесельской [18], В. Новасада [25], З. Ходылы [16], Я. Шлензака [27], М. Тарговского [29], Р. Шмытки [28] и др. Данные авторы занимались изучением появления и положения голендров на территории Королевской Пруссии и Речи Посполитой в XVI—XVII вв. Также в рамках исследования использовались материалы выставки о религиозной политике Гогенцоллернов, которые представлены в издании *“Kreuzwege. Die Hohenzollern und die Konfessionen 1517—1740”*, подготовленном Тайным государственным архивом прусского культурного наследия в 2017 г. [21].

Основными источниками стали текст дубликата привилея Рафаила Лещинского [7, ф. 239, оп. 1, д. 482, л. 50—51], тексты хроник лютеранской кирхи Св. Троицы в приходе Нейдорф — Нейбров (1776 г. [13], 1867 г. [8] и 1902 г. [26]), материалы Национального исторического архива Беларуси в Гродно [7, ф. 1, оп. 1, д. 2334; оп. 4, д. 269; ф. 239, оп. 1, д. 482].

Положение голендров на территории Королевской Пруссии

В польской историографии голендры характеризуются как отдельная категория земледельческого населения в социальной истории Королевства Польского (Речи Посполитой). К числу голендров относят определенную часть иностранных переселенцев (голландцев, немцев, чехов и др.), а с течением времени — и этнических поляков, на которых распространялось «право голендров» — определенная совокупность прав

и обязанностей (речь о которых пойдет ниже). Термин «голендр» происходит от польского слова *holendr* («голландец»). Считается, что первыми переселенцами, получившими подобный социально-правовой статус, были этнические голландцы [19, р. 23 – 24]. По другой версии (К. Гладылович и др.) термин происходит от слова «гаулендр» (*Hauländer* – от *Holz hauen*, «колоть дрова, рубить лес»), что означает «дровосеки» или «корчеватели». Приверженцы этой версии считают, что первые голендры получали земельные наделы, которые было необходимо очистить от деревьев и кустарников (см.: [2, с. 3]). Однако, по мнению К. Ежовой, К. Гладылович и другие немецкие исследователи ошибались в этой этимологии [19, р. 24].

В польской историографии (Я. Шлензак [27, s. 50], К. Ежова [19], Р. Шмытка [28], З. Ходыла [16, р. 37] и др.) традиционно высказывается идея, что первые голендры являлись меннонитами, религиозными беженцами из нидерландских земель, которые нашли убежище на территории Королевской Пруссии и Герцогства Пруссия в 1520-е гг. Провинция Королевская Пруссия образована на западной части земель Тевтонского ордена, которая после Тринадцатилетней войны вошла в состав Королевства Польского (1466). Необходимо отличать эту территорию от Герцогства Пруссии, созданного последним магистром Тевтонского ордена Альбрехтом Бранденбург-Ансбахским. Альбрехт стал одним из первых принявших лютеранство и объявил о религиозной веротерпимости в своей стране. На территории обеих частей Пруссии смогли найти убежище тысячи религиозных беженцев из различных стран Европы, которые спасались от Контрреформации [21, S. 255 – 264]. С течением времени помимо голландцев социально-правовой статус «голендров» в Королевской Пруссии стал распространяться и на представителей других народов. По данной причине термин «голендры» (*holendry*) в современной польской историографии стал заменяться на «олендры» (*olędry, olendry*) [29, s. 11 – 12; 16, р. 33 – 34], чтобы не вводить в заблуждение относительно исключительно голландской этнической принадлежности представителей этой категории земледельческого населения. В настоящей работе используется форма термина «голендры», которая распространена в белорусской, российской и украинской историографиях.

Положение голендров на территории Королевской Пруссии регулировалось отдельными локальными привилегиями землевладельцев либо договорами о землепользовании. Российский историк права А.Л. Рогачевский указывает, что данные документы лишь частично основывались на юридической традиции Кульмского (Хелмского) права, которое ранее использовалось в землях Тевтонского ордена. В частности, произошло отступление от прежних механизмов и хозяйственных форм (земля перестала переходить в собственность и стала рассматриваться как объект аренды). Необходимо также отметить, что условия землепользования голендров были менее льготными, чем те, которыми пользовались колонисты по Кульмскому праву [10, с. 114 – 115]. По мнению Э. Бютова и А.Л. Рогачевского, правовое положение первых переселенцев, полу-

чивших статус «голендров», — это синтез юридических традиций, характерный как для Пруссии, так и для стран, откуда происходило переселение (например, Нидерланды) [2, с. 4–5; 10, с. 114–115].

Необходимо подробнее охарактеризовать положение представителей данной категории земледельческого населения. Одним из основных элементов социально-правового статуса голендров являлась свобода вероисповедания. Первые голендры, как уже отмечалось, являлись меннонитами — последователями религиозного учения Менно Симона, которое было основано на идеях отказа от использования оружия. В последующем в Королевскую Пруссию стали переселяться гугеноты из Франции, а также представители других протестантских течений из Голландии, Фрисландии и Северной Германии. Однако не все религиозные беженцы на территории Королевской Пруссии были голендрами [2, с. 7–10].

Необходимость предоставления определенной части религиозных беженцев особого социально-правового статуса было обусловлено в основном экономическими причинами. В низовьях Вислы (Жулавах) имелись значительные заболоченные пустующие земельные наделы, которые были непригодны для сельскохозяйственной деятельности. Переселенцы из указанных земель имели навыки в возведении гидротехнических построек (дамб, каналов), которые могли решить проблему заболоченности и ввести пустующие земли в сельскохозяйственный оборот [28, s. 68–70].

Помимо обязательства соблюдать свободу вероисповедания голендров землевладельцы должны были предложить другие привилегии, которые позволили бы заинтересовать землепользователей возделывать наделы на длительный срок и тем самым поддерживать приемлемый уровень хозяйственного развития. Все голендры обладали личной свободой, а их общинам предоставлялось право на самоуправление. Взрослые мужчины общин имели право голоса. Из своего состава голендры избирали старосту, а в некоторых случаях двух–трех на срок от 1 до 3 лет с правом переизбрания. К основным функциям старост относились административно-хозяйственное управление, организация сбора налогов и денежных повинностей, осуществление социальной защиты (например, поиск опекунов для сирот) и др. Внутри общин их главы выполняли судебные функции. Также голендры должны были нести коллективную ответственность перед землевладельцем [16, s. 34; 27, s. 53–54].

Землепользование голендров было основано на ограниченном вещном праве (эмфитевзисе). Оно предполагало отчуждаемое пользование землей, однако право пользования землей можно было передавать по наследству (чиншевое право подробнее рассматривается в монографии А. В. Копылова [6]). За надел было необходимо уплачивать денежную ренту, или чинш (*czynsz*), в пользу собственника. Помимо чинша могли устанавливаться натуральные повинности или обязательные общественные работы. Пользователь должен был способствовать сохранению пригодности земли для сельского хозяйства [2, с. 6–10; 28, s. 68–69]. Условия взаимоотношений между землевладельцами и голендрами были

крайне разнообразны по деталям, однако основные положения были идентичны. Описанные условия стали основой для формирования «права голландров».

В скором времени голендры стали относиться к прослойке зажиточных крестьян. Для территории Королевской Пруссии, Герцогства Пруссии и Померании использовался термин «гбуры» для обозначения крестьян, которые владели крупными хозяйствами (гбурствами) средней площадью в 2 лана (поля). Гбуры для обработки земли могли нанимать работников. По мнению А. Мончака, гбуров и голендров можно считать специфическими категориями земледельческого населения Королевской Пруссии [24, s. 89].

Как отмечает З. Ходыла, в XVI–XVIII вв. насчитывалось около 1700 общин голендров на территории Речи Посполитой, однако практически все они находились на территории Короны [16, р. 36]. На территории ВКЛ примерами единичных поселений голендров стали Нейдорф, Нейбров, а в последующем и другие колонии бужских голендров [4, с. 22–23].

81

Формирование общности бужских голендров

Третьего июня 1617 г. на территории Брест-Литовского воеводства ВКЛ, в долине Западного Буга, неподалеку от местечка Славатыче, были основаны колонии бужских голендров Нейдорф и Нейбров [2, с. 11]. Эти поселения в историографии именуются «материнскими» колониями, так как в последующем их жители будут переселяться в «дочерние» колонии, которые основывались относительно недалеко от Нейдорфа и Нейброва (рис.).

Рис. Карта колоний Нейдорф и Нейбров [23, S. 17])

Необходимо отметить, что в историографии помимо 1617 г. называют еще две возможные даты возникновения общности. Одна из версий, предложенная И. Кращенко, предполагает, что возникновение общности приходится на период правления Екатерины II — 1790 г. (см.: [11, с. 59]). Данная датировка опровергается значительным числом свидетельств, относящихся к истории общности периода XVII—XVIII вв. Другая версия относит начало исторического развития бужских голендров к 1564 г. [2, с. 11]. В данном случае возникновение общности также связывают с деятельностью графа Рафаила Лещинского (как и в случае с 1617 г.), однако не конкретизируется, какой именно представитель этого рода имеет отношение к данному событию. Необходимо отметить, что в семье Лещинских было несколько представителей с именем Рафаил, в том числе и те, что жили как на 1564 г., так и на 1617 г. Чтобы прояснить датировку возникновения общности, необходимо узнать, когда род Лещинских получил в собственность земли в долине Западного Буга, где на протяжении многих веков проживали бужские голендры. Речь идет об имении Яблечно (в последующем будет реорганизовано в имение Славатыче), которое перешло по наследству к Лещинским от Феодоры Сагушко (мачехи Рафаила VII Лещинского) [4, с. 22–24]. Таким образом, отношение к возникновению общности имеет Рафаил VII Лещинский, который жил с 1579 г. по 1636 г., а не его дед Рафаил VI Лещинский (1526–1592) [20, с. 18–20].

Остается открытым вопрос о появлении датировки 1564 г. как года возникновения колоний Нейдорф и Нейбров. Скорее всего эта версия сформировалась еще в конце XVIII в. Данный год неоднократно использовался в печатях лютеранского прихода колоний Нейдорф и Нейбров, что и дало основание считать его датой возникновения общности. Ошибочно данный год указывался и в многочисленных документах времен Российской империи, а позднее и в работах ряда исследователей. Можно привести минимум два объяснения, с чем могла быть связана эта датировка:

1) в этом году могло произойти возникновение поселения голендров на территории Королевской Пруссии, откуда и произошло переселение жителей на территорию Брест-Литовского воеводства ВКЛ в 1617 г. [2, с. 11];

2) 1564 год мог иметь символическое значение не для самой общности бужских голендров, а для лютеранского прихода Нейдорф — Нейбров (они могли увековечить знаковое событие в истории лютеран или всех направлений протестантизма на территории ВКЛ и Польши (например, дата издания Брестской Библии (1563) [1] и др.).

Таким образом, можно утверждать, что наиболее вероятная датировка возникновения общности бужских голендров на территории Беларуси — 3 июня 1617 г., дата основания колоний Нейдорф и Нейбров в долине Западного Буга (что подтверждается текстом привилея 1624 г., речь о котором пойдет ниже [7, ф. 239, оп. 1, д. 482, л. 50–51]).

Прибывшие в 1617 г. голендры участвовали в первом из двух этапов переселения. В исторических источниках указывается, что первыми переселенцами стали представители четырнадцати семей. Тексты привилея и хроники Нейдорф-Нейбровской кирхи сохранили име-

на глав семейств: Паулум Брюл (Paulum Brül), Христофорум Мамрау (Christophorum Mamrau), Бартоломей Бодрык (Bartholomaemum Bodryk), Элиам Хорн (Eliam Horn), Йоахин Асман (Joachin Asmann), Георгиум Отто (Georgium Otto), Йоахим Тиес (Joachim Ties), Якоб Мамрау (Jakob Mamrau), Георг Силлентин (George Sillentin), Петерум Кельт (Peterum Kelt), Корнелиум Кельт (Cornelium Kelt), Й. Кунц (Jos. Kunz), Грегориум Олбрехт (Gregorium Olbrecht), Вильгельм Витт (Wilhelm Witt) [13]. В. Кун предполагал, что данные имена и фамилии характерны для жителей Северной Германии [22, S. 538—542], однако необходимо отметить, что он проводил свои исследования в интересах нацистской Германии, пытаясь доказать немецкое происхождение предков голендров. Таким образом, можно поставить предположение автора о немецком происхождении голендров под сомнение.

83

Может возникнуть впечатление, что четырнадцать семей было мало для создания отдельных сельскохозяйственных поселений, однако в большинстве селений голендров в Королевской Пруссии в конце XVI — начале XVII в. в среднем проживал примерно десяток семей [16; 25; 28]. При этом в историографии и в ряде источников можно встретить информацию, что изначально существовала лишь одна колония Нейдорф, а вторая (Нейбров) возникла с течением времени [2, с. 15].

Важно определить конкретное место, откуда было осуществлено переселение в имение Лещинского. По мнению Э. Бютова, переселенцы прибыли из окрестностей города Грудзендза [2, с. 14], а З. Журек считает местом их выхода поселение Новый Двор. В 1616 г. (за год до основания колоний в долине Западного Буга) умер владелец имения в Новом Дворе Луи Вейхер. Его смерть привела к окончанию действия договора на право пользования землей, и голендры были вынуждены искать нового землевладельца. По мнению Журека, содействие Рафаилу Лещинскому в переселении оказали его сестра Екатерина и ее муж — мальборкский подкоморный Фабиан Чем. Версию Журека подтверждает одинаковое звучание поселений голендров в Пруссии и «материнских» колоний. Так, в Королевской Пруссии существовало поселение *Naidorff* [30, s. 132—141]. Также подтверждением этому могут служить слова из текста привилея Рафаила Лещинского «вновь поселивъ людьми голяндского народа две деревни» [7, ф. 239, оп. 1, д. 482, л. 50]. Можно предположить, что колонии на Западном Буге стали своеобразным продолжением тех поселений, что существовали ранее в окрестностях Гданьска и на Жулавах.

Скорее всего, миграция на территории будущих поселений происходила по рекам Висла и Западный Буг. Необходимо отметить, что место для основания «материнских» Нейдорф и Нейбров было выбрано неслучайно. С начала XVII в. землями в долине Западного Буга (в состав имения входили местечко Славатыче, десяток деревень и улица в Брест-Литовске) стал владеть граф Рафаил Лещинский [20, s. 18]. Он был одним из самых ярких представителей протестантизма в Речи Посполитой в начале XVII в. Один из известных примеров его деятельности по распространению идей Реформации в стране — переселение с территории Священной Римской империи представителей религиозного

течения Чешских братьев. Одним из религиозных переселенцев был Ян Амос Коменский, который при финансовой поддержке графа Лещинского смог организовать работу гимназии в Лешно [4].

В начале XVII в. в имении графа Лещинского в Брест-Литовском воеводстве уже существовал ряд протестантских общин (в Славатыче, Влодаве). Основание Нейдорфа и Нейброва, население которых исповедовало лютеранство, стало продолжением деятельности по распространению и укреплению позиций идей Реформации на территории имения Рафаила Лещинского [15]. Необходимо отметить, что отдельный лютеранский приход в колониях Нейдорф и Нейбров будет основан лишь спустя несколько десятилетий и просуществует до конца 1939 г. (эта лютеранская община будет существовать более трех веков, что является своеобразным «рекордом» для всех протестантских общин на территории Беларуси) [3].

Помимо попыток укрепить положение протестантизма на территории своего имения граф Лещинский мог по примеру землевладельцев Жулав привлечь голендров для мелиорации заболоченных земель в долине реки. С 1617 по 1624 г. переселенцы получили от землевладельца «вольницу» — освобождение от любых видов повинностей. За это время они должны были организовать свою хозяйственную жизнь [26]. Скорее всего, под этим в документах могло подразумеваться строительство первых каналов и дамб, а также организация домохозяйств.

Магнаты Лещинские сохранили за переселенцами статус голендров. Права и обязанности жителей Нейдорфа и Нейброва были юридически закреплены текстом привилея от 24 июня 1624 г. В 2023 г. автором статьи среди материалов о поземельном устройстве вечных сельских чиншевигов Брестского уезда, хранящихся в Национальном историческом архиве Беларуси в Гродно (фонд 239 «Брест-Литовское уездное по чиншевым делам присутствие»), была обнаружена русскоязычная копия (датируемая 19 сентября 1895 г.) текста привилея (копия дубликата, созданного в 1806 г.). В 1869 г. дубликат оригинала привилея нашли в одном из архивов Восточной Пруссии и переписали для бужских голендров. В 1895 г. эту копию (1869) дословно перевели на русский язык и приложили к материалам о поземельном устройстве голендров (вечных сельских чиншевигов). Можно предположить, что оригинальный текст привилея в 1860-х гг. был утрачен (возможно, во время пожара в архиве кирхи). Необходимо отметить, что оригинал привилея хранился в специальном сундуке войтов (старшин) колоний бужских голендров [7, ф. 239, оп. 1, д. 482, л. 50—51].

В 2025 г. автором статьи в фонде 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД) Российского государственного исторического архива была обнаружена вторая копия данного привилея (датируемая 1869 г.). Она была приложена к материалам об установлении правового положения представителей общности. Вопрос рассматривался в Министерстве внутренних дел империи [12, ф. 821, оп. 5, д. 425, л. 16—18]. Тексты обеих копий идентичны.

Сопоставляя тексты копий с другими источниками [7, ф. 1, оп. 4, д. 269, л. 56 об. — 57; 8; 13; 26], в которых указываются первоначальные

права и обязанности голендров (1624), можно предположить, что тексты копий действительно соответствовали оригиналу, а не являлись подделками второй половины XIX в.

Привилей был подписан сыном Рафаила Лещинского — Владиславом [20, с. 21]. Методика формулярного анализа [5] позволяет выделить основные элементы в содержании привилея (основная часть и конечный протокол). Необходимо отметить, что в текстах копий привилея отсутствует начальный протокол (нет посвящения высшим силам, указания, от кого и в чей адрес исходит документ, и т. д.).

Основная часть привилея начиналась с указания мотивов издания его (определить правовое положение голендров после окончания семи лет «вольницы»). Также в основную часть вошли перечисления привилегий, даруемых голендрам на землях Лещинских (перечисление привилегий было дано единым текстом, без разделения на пункты). Корроборация привилея (удостоверение документа) включала подпись, печать, имя, фамилию и регалии подписавшего привилей (*Владислав, граф из Лешны Лещинский, подкоморжи* (подкоморный. — К. Г.) *Брест-Литовский, Дубинский и проч. староста*).

Конечный протокол документа включал дату (16 июня 1624 г.) и место (г. Влодава) подписания [7, ф. 239, оп. 1, д. 482, л. 50—51; 12, ф. 821, оп. 5, д. 425, л. 16—18].

Необходимо отметить, что по структуре изучаемый документ схож с другими привилеями ВКЛ и Королевства Польского.

Обратимся к анализу привилегий, указанных в основной части привилея 1624 г. Их можно объединить в несколько условных групп, каждая из которых раскрывает тот или иной аспект социально-правового статуса бужских голендров.

Первая группа посвящена организации религиозной жизни в колониях. Голендрам давалось право на свободу исповедания своей «евангельской» (лютеранской) веры, а также право на содержание своего учителя. Разreshалось изгнать из колоний голендра, который стал бы подвергаться угрозе устои веры. Граф Лещинский обязался, что ни он, ни его потомки не посмеют посягать на веру голендров. Для исполнения духовных обрядов разрешалось построить храм. Граф Лещинский распорядился выделить материал для строительства кирхи и доставить его в колонию. Строительством должны были заниматься голендры с помощью местных мельников. Кандидатура пастора должна была согласовываться лично с графом Лещинским. Для содержания пастора выделялся земельный участок площадью 4 морга и 2 уволоки удобной земли для строительства усадьбы (привилей 1624 г.). Данные пункты привилея весьма логичны. Напомним, что согласно историографии голендры переселились на территорию Речи Посполитой в связи с религиозными гонениями [4, с. 25—26; 16, с. 37]. Таким образом, главным из условий для их проживания во владениях землевладельца являлась защита веры от всяческих посягательств.

Вторая группа привилегий посвящена организации землепользования в колониях. За право пользоваться землей голендры обязаны уплачивать по 15 грошей серебром за каждый морг земли (в договоре отмечается, что один морг равнялся 30 прентам, а один прент — 7½ локтям).

По истечении 40-летнего срока голендрам разрешалось продавать свои земельные наделы. Новый землепользователь получал тот же комплекс прав и обязанностей, что и предыдущий. В этой же части прописывается, что жители колоний имели право заниматься мелиорацией (рытьем каналов). При этом каналы для нужд своих полей голендры должны создавать собственными силами. К иным гидротехническим работам, направленным на минимизацию последствий разливов Западного Буга, голендры могли привлекать местных крепостных крестьян. Данные привилегии также объяснимы. Голендры селились на территориях, которые постоянно подвергались паводкам. Для использования этих земель в сельскохозяйственных нуждах требовались значительные усилия, однако они не гарантировали, что половодья не станут причиной неурожая [8; 26]. Бужским голендрам предписывалось пользоваться для перемола зерна на муку исключительно мельницами землевладельца за установленную плату (привилей 1624 г.). Возможно, данная мука предназначалась преимущественно для продажи.

К третьей группе можно отнести право на самоуправление в колониях. Ежегодно в каждой колонии избирался войт из числа голендров. В число его обязанностей входило разрешение споров между голендрами на основе «прусского закона»¹. В случае несогласия с решением войта голендры имели право подать апелляцию на имя землевладельца. Также в обязанности войта входило представление интересов всех членов общности голендров в переговорах с землевладельцами по вопросам землепользования (привилей 1624 г.).

Четвертая группа регламентирует пользование лесами и водами во владениях Лещинских. Голендрам разрешалось пользоваться лесами во владениях Лещинских для строительства домов и заготовки дров. Для своих нужд разрешался сбор меда диких пчел, а также ловля рыбы.

Условия привилея охватывали и другие аспекты жизни в поселениях. Так, например, голендрам дозволялось покупать пиво лишь из пивоварни землевладельца, однако, «если им не понравится местный пивовар», то можно было назначить из числа колонистов собственного. Другое положение привилея гарантировало защиту со стороны землевладельца и его потомков от евреев местечка Славатыче (привилей 1624 г.), которое являлось составной частью имения Лещинских [20, s. 18].

Необходимо отметить, что данные права и обязанности схожи с теми, которыми обладали голендры на территории Королевской Пруссии. Очевидны основные положения, которые входили в правовые статусы как бужских голендров, так и голендров Королевской Пруссии (личная свобода, свобода исповедования религии, самоуправление колоний, уплата чинша за право пользование земельным наделом).

Второй этап переселения в долину Западного Буга, пришедшийся на конец 1640-х — начало 1650-х гг., был связан с Андреем Лещинским. Во время восстания Богдана Хмельницкого «материнские» поселения

¹ Данный термин был использован в тексте привилея 1624 г. Считаем, что бужские голендры сохранили элементы традиционного самоуправления, включая особенности организации судебной практики, характерные для голендров Королевской Пруссии.

сильно пострадали, а большинство жителей были казнены. По воле землевладельца были переселены еще несколько семейств — Баум (Baum), Кребс (Krebs), Хольц (Holz), Шиппелбаум (Szypelbaum), Хюнебург (Hüneborg), Бютов (Bütow), Бендик (Bendik), Людвиг (Ludwig) [13, р. 14]. К сожалению, точного количества переселенцев, прибывших в ходе второго этапа, нам не известно. По мнению Э. Бютова, переселенцы второго этапа прибыли из того же региона, что и первые жители Нейдорфа и Нейброва (с территории Жулав) [2, с. 16–17].

В контексте данного исследования необходимо упомянуть о деятельности пастора Нейдорф-Нейбровского прихода Эвальда Лодвиха в 1925–1935 гг. Этот руководитель лютеранской общины пытался доказать не немецкое, а кашубское происхождение предков голендров. Пастор соглашался с тем, что первые жители колоний Нейдорф и Нейбров прибыли из Пруссии (с территории возле Гданьска). Однако, по его мнению, предки голендров были представителями упомянутой западнославянской этнической группы. Можно воспринимать эту деятельность как элемент политики полонизации, проводимой в 1920–1930-е гг. в колониях. Пастор собирал доказательства своей идеи и неоднократно публиковал заметки о связи бужских голендров с кашубами. Необходимо отметить, что ни польские власти, ни большинство бужских голендров не поддерживали идеи Лодвиха [3, с. 45–48].

Несмотря на предложенную Лодвихом идею, бужские голендры в годы Второй мировой войны были признаны этническими немцами, что позволило осуществить их переселение на территорию рейха [23].

История бужских голендров — пример того, как миграционные процессы влияют на развития отдельных регионов. Несмотря на значительное расстояние между Пруссией и Полесьем, жители Королевской Пруссии переселились в долину Западного Буга, что стало причиной формирования общности бужских голендров, которая просуществовала более трех веков.

Подводя итог, необходимо отметить следующее:

1. Голендры как отдельная категория земледельческого населения на территории Королевской Пруссии появились в 1520–1530-е гг. Этот процесс связан с переселением значительного числа религиозных беженцев из Голландии, Фрисландии и Северной Германии. Первыми голендрами, скорее всего, были голландцы, последователи меннонизма. Постепенно происходило переселение из окрестностей Гданьска в другие регионы Королевской Пруссии, а также на земли Королевства Польского и ВКЛ. Землевладельцы стремились привлечь голендров для мелиорации непригодных земельных наделов и основания постоянных домохозяйств с целью получения стабильного дохода.

2. Участники колонизации голендров обладали определенными правами и обязанностями, значительно отличаясь по социально-правовому статусу от других категорий крестьянства. Для каждого конкретного случая внутренней колонизации (создания отдельного поселения) подписывался отдельный договор или выдавался привилей от землевладельца. Несмотря на то что каждый договор или привилей содержал свои особые положения прав и обязанностей голендров, тем не менее существовали основополагающие элементы социально-правового статуса,

характерные для всех представителей внутренней колонизации голендров. К их числу относятся личная свобода, свобода вероисповедания, общинное самоуправление, а также неполное вещное право на земельные наделы, за которые было необходимо уплачивать чинш (денежную ренту) в пользу землевладельца.

3. Переселение относительно небольшой группы голендров с территории Королевской Пруссии на территорию Полесья (Брест-Литовское воеводство ВКЛ) произошло в первой половине XVII в. в два этапа (в 1617 г. и конце 1640-х — начале 1650-х гг.). Именно они стали первыми представителями общности бужских голендров — одной из групп внутренней колонизации голендров на территории Речи Посполитой, но по сути единственной на территории ВКЛ. Переселение жителей Королевской Пруссии в долину Западного Буга было примером деятельности графа Рафаила Лещинского. Создание первых колоний бужских голендров на территории имения графа можно объяснить двумя причинами:

1) переселение голендров-лютеран могло являться элементом деятельности землевладельца по распространению идей Реформации в своих владениях;

2) как и другие землевладельцы Речи Посполитой, Лещинский хотел использовать знания и умения голендров для введения заболоченных земель в сельскохозяйственный оборот с целью получения прибыли.

4. Права и обязанности бужских голендров были закреплены привилеем, выданным графами Лещинскими (16 июня 1624 г.). Анализируя текст копии документа, можно прийти к выводу, что положение жителей колоний Нейдорф и Нейбров в целом совпадало с положением других участников внутренней колонизации голендров (в таких аспектах, как личная свобода, ограниченное вещное право на землю, общинное самоуправление, свобода вероисповедания и др.).

Необходимо отметить, что формирование общности бужских голендров на территории Полесья имеет общие черты с переселением протестантов в Европе (например, гугенотов из Франции в Германию, «чешских братьев» в Речь Посполитую и т. д.). Также общие черты прослеживаются и с началом колонизации Северной Америки (речь идет о корабле «Мэйфлауэр», который прибыл к берегам Нового Света в 1620 г.) [9, с. 2–5], которое происходило в тот же период, что и основание колоний Нейдорф и Нейбров в долине Западного Буга. В ходе религиозных миграционных процессов, вызванных активизацией Контрреформации на территории Западной Европы, возникли долгосрочные поселения протестантов в отдаленных регионах.

Список литературы

1. Берёзкина Н. Ю. История одной книги: Брестская Библия 1563 г. // Берасцейскія кнігазборы : матэрыялы і дакл. міжнар. круглага стала, Брэст, 29–31 мая 2013 г. Брэст, 2014. С. 30–34.
2. Бютов Э. Происхождение и история бужских голендров // Тальцы. 2004. №4 (23). С. 3–22.
3. Гавриленко К. Е. Деятельность пастора Эвальда Лодвиха в колониях бужских голендров и на территории Полесья // Вышэйшая школа. 2025. №4. С. 43–49.

4. Гавриленко К. Е. Роль Рафаила (Рафала) VII Лещинского в распространении Реформации на территории Брест-Литовского воеводства в конце XVI — 30-е гг. XVII вв. // Молодежь. Духовность. Отечество: 80-летие Великой Победы: память и духовный опыт : сб. науч. ст. Республиканской с междунар. участием науч. конф. в рамках епархиального этапа XXXIII Междунар. Рождественских образовательных чтений / Брестский государственный технический университет. Брест, 2025. С. 22—26.

5. Ельчанинова О. Ю. Специфика применения формулярного анализа при исследовании правовой природы русских грамот XVII века // Право и политика. 2016. №5. С. 642—648.

6. Копылов А. В. Вещные права на землю в римском, русском, дореволюционном и современном российском гражданском праве. М., 2000.

7. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно.

8. Расшифровка рукописи хроники и заметки Т. Штрауба и Р. Рылля к ней. Из личного архива автора. URL: <https://inlnk.ru/emV872> (дата обращения: 09.04.2025).

9. Рогачева И. Е. Колония Новый Плимут в «национальном воображаемом» Соединенных Штатов Америки : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2022.

10. Рогачевский А. Л. Очерки по истории права Пруссии XIII—XVII вв. (по материалам рукописных собраний Берлина и Санкт-Петербурга). СПб., 2004.

11. Розенблат Е. С. Проблемы этнической истории Беларуси : учебно-методический комплекс для студентов второй ступени высшего образования (магистратура) ист. ф-та специальности «История». Брест, 2020.

12. Российский государственный исторический архив.

13. Abrahamovich G. Historia ecclesiae Neoburchdorffensis alias Slavaticensis // Acta Conventuum et Synodorum in Majori Polonia a dissidentibus celebratarum / ed. J. J. Scheidemantel. Wrocław, 1776. P. 9—32.

14. Baranowski I. T. Wsie holenderskie na ziemiach polskich // Przegląd Historyczny. 1915. T. 19. S. 64—82.

15. Bem K. Worshipping together or just under one roof? Reformed and Lutheran church agreements in Poland in the early seventeenth century // Searching for compromise? Interreligious dialogue, agreements, and toleration in 16th—18th Century Eastern Europe. Boston, 2023. P. 110—137.

16. Chodyła Z. An outline of the history of Dutch law colonisation in Poland (1547—1864) // “Oleđry”: spaces beside us. Poznań, 2006. P. 32—71.

17. Chorąży A. Nadbużańscy Oleđrzy. Rys historyczny w 400. rocznicę założenia kolonii // Spadkobiercy Reformacji. Erben der Reformation. Lublin, 2017. S. 79—102.

18. Ciesielska K. Osadnictwo “oleđerskie” w Prusach Królewskich i na Kujawach w świetle kontraktów osadniczych // Studia i Materiały do Dziejów Wielkopolski i Pomorza. 1956. T. 2, №4. S. 219—256.

19. Jeżowa K. Les Hollandaises en Pologne // Comptes rendus du congrès international de géographie, Amsterdam 1938. Leiden, 1938. T. 2 : Travaux de la section IIIa “Géographie humaine”. P. 23—26.

20. Karwowski S. Leszczyński herbu Wieniawa. Lwów, 1916.

21. Kreuzwege. Die Hohenzollern und die Konfessionen, 1517—1740. Berlin, 2017.

22. Kuhn W. Die Anfänge von Neudorf am Bug // Deutsche Monatshefte in Polen. 1937/1938. №4 (14). S. 538—544.

23. Lück K. Die Cholmer und Lubliner Deutschen kehren heim ins Vaterland. Posen, 1940.

24. Mączak A. Olędrzy i gburzy w dzierzawie zajączkowskiej województwa pomorskiego // *Zapiski Historyczne*. 1976. T. 41, z. 4. S. 77–91.
25. Nowasad W. Osadnictwo olęderskie w dobrach szlachty Prus Królewskich. Stan źródeł i możliwości badawcze // *Archiwa—Kancelarie—Zbiory*. 2005. T. 1. S. 87–116.
26. Schultz H. Kronika zboru ewangelicko-luterskiego Nejdorfskiego // *Parafia Ewangelicko-Augsburska Świętej Trójcy w Lublinie*. URL: <https://inlnk.ru/DBzY9M> (дата обращения: 28.11.2024).
27. Ślęzak J. Osadnictwo olęderskie a osadnictwo na prawie olęderskim // *Cywilizacja i Polityka*. 2014. Art. 12. S. 49–57.
28. Szmytka R. Osadnictwo olęderskie na Żuławach w ujęciu historii śpodołskowej. Perspektywy badawcze // *Historyka. Srydia metodologiczne*. 2016. T. 46. S. 63–78.
29. Targowski M. Osadnictwo olęderskie w Polsce — jego rozwój i specyfika // *Olędrzy — osadnicy znad Wisły. Sąsiedzi bliscy i obcy* / red. A. Pabian, M. Targowski. Toruń, 2016. S. 11–26.
30. Żurek Z. Osadnictwo olęderskie w świetle “Lustracji województwa malborskiego 1565 i 1570”, “Lustracji województw Prus Królewskich 1624” i jego związki z osadnictwem w regionie Sławatycze—Domaczewo // *Nadbuzanskie Sławatycze*. 2011. R. XI. S. 130–142.

Об авторе

Кирилл Евгеньевич Гавриленко — асп., Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь.

ORCID: 0009-0007-3568-4691

E-mail: gkirill95@mail.ru

K. E. Gavrilenko

PARTICIPATION OF SETTLERS FROM ROYAL PRUSSIA IN THE FORMATION OF THE BUG-HOLLÄNDERS COMMUNITY IN THE TERRITORY OF POLESIE IN THE 17th CENTURY

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

Received 9 May 2025

Accepted 21 January 2026

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-6

To cite this article: Gavrilenko K.E., 2026, Participation of settlers from Royal Prussia in the formation of the Bug-Holländers community in the territory of Polesie in the 17th century, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 77–91. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-6.

This article examines the formation of the Bug-Holländers community in Polesia in the context of migration processes in Central and Eastern Europe. The Holländers were a special category of the farmer population of Royal Prussia and other regions of the Polish-Lithuanian Commonwealth (Rzeczpospolita) who enjoyed a special social and legal status. In Belarusian Polesia, representatives of this category of farmer population were known as the Bug-Hol-

länders. This contribution details the arrival of the Holländers in Royal Prussia in the 16th and early 17th centuries, focusing on their status. The reasons and conditions for the resettlement of Prussians to Polesia, namely the Brest-Litovsk Voivodeship of the Grand Duchy of Lithuania, in the 17th century are highlighted in the context of the internal colonisation by the Holländer, with a chronological framework provided for the emergence of the Bug-Holländer community. The study identifies the role of the Protestant Count Raphael Leszczynski in the resettling the Holländers from the territory of Royal Prussia and analyses the text of the 1624 privilege bestowed on the settlers.

Keywords: Bug-Holländers, Royal Prussia, Żuławy, Polesia, Reformation, resettlement, internal colonisation by Holländers

The author

Kirill E. Gavrilenko, PhD Student, National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus.

ORCID: 0009-0007-3568-4691

E-mail: gkirill95@mail.ru

А. П. Казарез

**ИЗМЕНЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ
СТРЕЛКОВЫХ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ
В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Поступила в редакцию 27.05.2025 г.

Принята к публикации 10.02.2026 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-7

92

Для цитирования: Казарез А.П. Изменения организационной структуры стрелковых войск Красной армии в начале Великой Отечественной войны // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №2. С. 92—102. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-7.

Организационная структура частей и соединений выражает их боеспособность через совокупность личного состава, вооружения, оснащения. Структура, закрепленная такими документами, как штаты, отражает взгляды военного руководства на конкретное боеспособное соединение в конкретный момент времени. В годы Великой Отечественной войны основной частью Красной армии являлись стрелковые войска. Организационно перед войной стрелковые войска состояли из стрелковых дивизий, сводимых в корпуса из двух-трех дивизий. Их организационная структура накануне войны была реформирована под влиянием появления в армии новых вооружений и опыта вооруженных конфликтов конца 1930-х гг. Неудачное начало Великой Отечественной войны привело к быстрому истощению ряда военных ресурсов. Это в свою очередь вызвало необходимость адаптировать организационную структуру пехоты под требования времени для адекватного противодействия германской армии. Цель настоящей статьи — рассмотреть основные факторы, определявшие изменения организационной структуры стрелковых войск от начала войны и до окончания 1941 г. В работе с использованием историко-генетического и историко-сравнительного методов выявлены основные вехи развития оргструктуры пехоты в начале войны и определены основные ее особенности. Установлено, что проблема поддержания боеспособности стрелковых войск в начале войны была крайне острой для советского руководства, что выражено в большом количестве изменений, произведенных за первые полгода ведения боевых действий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, стрелковые войска, стрелковая дивизия, стрелковая бригада

В годы Великой Отечественной войны стрелковые войска, будучи основой Красной армии, сыграли одну из решающих ролей. Немалый интерес для изучения боевых действий может представлять организационная структура родов войск и отдельных частей и соединений армии. Она

отражает взгляды генералитета на оптимальное соотношение личного состава и оснащения в частях и соединениях в определенный момент. Оргструктура соотносится с боеспособностью формирования. В настоящей статье на основе документов Центрального архива Министерства обороны РФ и Российского государственного архива социально-политической истории, размещенных в цифровом виде в базах данных «Память народа» и «Документы советской эпохи», рассмотрен процесс реорганизации стрелковых войск армии в самом начале войны — до декабря 1941 г., что хронологически совпадает с завершением оборонительного этапа битвы за Москву и началом советского контрнаступления.

После начала Великой Отечественной войны было начато развертывание Красной армии по штатам военного времени. Стрелковые дивизии, бывшие основой стрелковых войск армии, разворачивались по штатам военного времени №04/400—04/417 [1, с. 22]. Эти штаты представляли собой вершину развития организационной структуры стрелковой дивизии накануне войны. В них был учтен опыт локальных конфликтов, в которых принимала участие армия в 1938—1940 гг., в особенности опыт Зимней войны, напрямую отразившийся на организационной структуре. Будучи полностью оснащенной по этим штатам, дивизия имела бы в наличии значительный спектр средств вооруженной борьбы. Стрелковые дивизии в Красной армии сводились в стрелковые корпуса как правило двух- или трехдивизионного состава. Помимо управления корпуса и дивизий они имели собственные части усиления: корпусные артиллерийские полки (один или два), вооруженные тяжелыми пушками и гаубицами-пушками, зенитный дивизион 76-мм орудий, прочие части. В начале войны они также переводились на штаты военного времени.

Неудачное начало войны продемонстрировало необходимость срочного изменения организационной структуры стрелковых соединений. Ставка Верховного Главнокомандования отмечала маневренный характер операций [5]. Это было связано с активным использованием обеими армиями подвижных моторизованных и танковых соединений и частей, что вело к необходимости оперативного реагирования на любые изменения обстановки. К этому должны были быть приспособлены и стрелковые войска.

Одним из наиболее радикальных преобразований первых месяцев войны стало упразднение корпусного звена управления в пехоте. Ее громоздкость существенно затрудняла организацию боя и управление войсками, особенно с учетом малоопытности командного состава [Там же]. В связи с этим стрелковые дивизии предлагалось сводить сразу в общевойсковые армии. Это вело к уменьшению численности армий: если раньше они состояли из 2—4 стрелковых корпусов каждая (около 6—12 дивизий, то есть около 130—170 тыс. чел. — только стрелковых соединений, без учета прочих частей), то теперь армии должны были состоять из 5—6 стрелковых дивизий (70—80 тыс. чел.). Это позволяло теоретически повысить маневренность стрелковых войск за счет упразднения промежуточного звена управления (до осени 1941 г.) и подчине-

ния дивизий напрямую командующему армии. Взамен это увеличивало потребности в формировании армейских звеньев управления взамен ликвидированных корпусных.

Наиболее существенным фактором изменений была нехватка вооружений, приводившая к высоким потерям и гибели ряда соединений. Так, в результате поражений Красной армии в приграничных боях и попадания ряда соединений в окружение было потеряно 28 стрелковых дивизий. Более 70 понесли серьезные потери и нуждались в пополнении для возвращения в строй [17, с. 293]. Было потеряно большое количество вооружений всех видов [23].

В совокупности с динамичным характером боевых действий эти обстоятельства обуславливали необходимость формирования ряда новых частей и соединений, что требовало большого количества вооружений и личного состава. На тот момент промышленность еще не могла обеспечить войска требуемым числом вооружений. Несмотря на принятие новой программы производства артвооружений [8], реально она, по всей видимости, выполнена не была. Ситуация усугубилась и в результате начавшейся эвакуации предприятий вглубь территории страны. Обострилась проблема большого некомплекта вооружений, который не мог быть восполнен ни за счет мобилизационных запасов, ни за счет промышленности.

В этих условиях было принято решение об уменьшении количества вооружений в самих соединениях для более рационального распределения поступавшей техники и оружия. Наибольшим изменениям подверглись стрелковые дивизии. Уже в начале июля 1941 г. часть дивизий формировалась с сокращением дивизионной артиллерии. Так, могли сокращаться дивизионы гаубичного артполка [20], что урезало дивизионную артиллерию и уменьшало воздействие дивизии по войскам противника. Правда, в итоге в новых дивизиях второй артиллерийский полк не формировался вовсе, но, по-видимому, это решение предполагалось как временное, до наращивания производства тяжелых орудий.

К середине июля 1941 г. ситуация с наличием вооружений обострилась в высшей степени. Требовалось обеспечить вооружением формирование 56 стрелковых дивизий [9] (без учета дивизий народного ополчения, кавалерийских и танковых дивизий) и одновременно пополнять вооружением части, понесшие потери. Ожидалось, что вооружение поступит от промышленных предприятий, из частей Дальнего Востока, из ремонта и незадействованных излишков. Остроту ситуации отразил доклад заместителя наркома обороны маршала Г.И. Кулика. С учетом всех категорий в наличии планировалось иметь 6 тыс. ручных пулеметов. По штатам стрелковой дивизии №04/400—04/418 частям дивизии полагалось 375 ручных пулеметов [24, с. 12]. Таким образом, по данной организации до 1 августа было возможно обеспечить пулеметами лишь 16 стрелковых дивизий, без учета необходимых к формированию 15 кавалерийских дивизий. Также намечалось сокращение количества тяжелых вооружений — дивизионных орудий, ручных и станковых пулеметов, винтовок. Не учитывались возможные непредвиденные обстоятельства, так что формирование дивизий откладывалось на неопределенный срок.

С учетом описанных в докладе предложений вопрос формирования дивизий решался постановлением ГКО №207сс «О формировании новых дивизий» [10]. Помимо указания сроков окончания формирования оговаривались и новые данные о численных показателях дивизии. В ней резко сокращалось количество различных вооружений: ручных пулеметов — с 375 до 162, станковых — со 166 до 108. Уменьшалось число минометов — основного пехотного средства дальнобойного огня. Вместе с тем происходило сокращение численности гаубиц и бронетехники.

Формально эти изменения были закреплены 29 июля 1941 г. Тогда же произошло утверждение новых штатов стрелковой дивизии №04/600—04/616. Дивизия именовалась «сокращенной стрелковой». Из состава стрелковых рот были выведены практически все пистолеты-пулеметы, половина ручных и все станковые пулеметы [25, л. 74 об.] в связи с невозможностью обеспечения их промышленностью. Упразднение дивизиона противотанковой обороны (с учетом сокращения пушечных взводов стрелковых батальонов) сильно уменьшало возможности борьбы советской пехоты с германской бронетехникой, что сыграло негативную роль в боях осени 1941 г. На мобильности дивизии отрицательно сказалось сокращение количества автомашин дивизии. Численно соединение сократилось с 14483 до 11299 чел. [Там же, л. 1].

Создание новой организации пехоты привело к появлению одной крупной проблемы — слабой боевой мощи и неустойчивости стрелковых дивизий. Новые дивизии сильно теряли в боевых возможностях — как противотанковых, так и противопехотных. В условиях стремительного наступления германской армии эти преобразования были фатальными для боеспособности армии. Теперь советская стрелковая дивизия не соотносилась по огневой мощи даже с германской пехотной дивизией (табл. 1; за основу для сравнения взята германская дивизия первой волны формирования; иные дивизии могли иметь другую организацию и, соответственно, несколько отличавшиеся в меньшую сторону характеристики).

Таблица 1

Общее сравнение характеристик советской сокращенной стрелковой и германской пехотной дивизий [25, л. 1; 21, с. 83—84]

Показатель	Советская сокращенная стрелковая дивизия (штат №04/600)	Германская пехотная дивизия
Личный состав, чел.	11 299	17 734
Пулеметы, шт.	279	516
Минометы, шт.	141	147
Противотанковые орудия, шт.	18	75
Пехотные орудия, шт.	12	26
Дивизионные пушки, шт.	16	—
Гаубицы, шт.	8	48

В то же время уже в процессе формирования новых соединений по сокращенным штатам вырабатывались меры по решению этой проблемы.

Так, постановлением ГКО «О формировании стрелковых и кавалерийских дивизий» в стрелковую дивизию была возвращена часть артиллерии. Также была увеличена численность минометов на всех уровнях, а по полковым минометам даже увеличена в сравнении с довоенным штатом [11]. Акцент на минометное вооружение был сделан, по-видимому, в связи с меньшей ценой и трудоемкостью миномета в сравнении с артиллерийским орудием. По тому же постановлению зенитный дивизион дивизии терял свои 76-мм зенитные орудия в связи с необходимостью обеспечения формирования частей войск ПВО страны.

Дальнейшее развитие стрелковой дивизии строилось по пути компенсации сокращенных огневых возможностей. Так, в августе 1941 г. для противодействия пехоте противника в каждый стрелковый полк вводилась штатная огнеметная команда в составе 20 ранцевых огнеметов [6]. Были предприняты попытки компенсировать уменьшение ручных пулеметов за счет увеличения числа пистолетов-пулеметов: в каждый стрелковый полк вводилась рота автоматчиков [2] численностью 100 чел. с обеспечением 100 пистолетов-пулеметов (ППШ) [7]. Это делалось не только для увеличения числа автоматического оружия, но и в целях развития тактики пехоты. Рота автоматчиков под началом командира полка должна была представлять мобильный и хорошо вооруженный резерв для парирования угроз и организации контратак.

Двенадцатого октября 1941 г. приказом НКО проводилась реорганизация минометных подразделений в дивизии. Полковые 120-мм минометы объединялись в минометный дивизион на уровне дивизии, а ротные и батальонные минометы сводились в минометный батальон стрелкового полка [26]. В результате в стрелковых войсках делался упор на более дешевое, легкое, но не менее действенное вооружение в качестве компенсации за сокращение более тяжелых вооружений. Это позволяло осуществлять управление артиллерии через ее централизацию в руках командиров более высокого ранга. Использование новых — «сокращенных» — штатов при организации пехотных частей получило широкое применение. Приказом наркома обороны №74 от 20 августа 1941 г. определялся следующий характер их применения: стрелковые дивизии, имевшие большой некомплект личного состава и вооружений, который не мог быть покрыт за счет резервов фронта или армий, переводились на сокращенные штаты. Дивизии же, имевшие небольшой и восполнимый в обозримой перспективе некомплект, оставались в прежних штатах [6] (подразумевавших и гаубичный артиллерийский полк, и противотанковый дивизион, и бронетехнику в разведывательном батальоне и т.д.). Осенью 1941 г. немалая часть разбитых дивизий была переформирована по варианту сокращенных штатов, что привело к повсеместному снижению уровня боеспособности пехоты.

Осень 1941 г. ознаменовалась появлением в Красной армии первых гвардейских соединений. Тогда ими стали четыре стрелковые дивизии. Вероятно, уже в сентябре 1941 г. возник вопрос об отличиях гвардейских соединений от негвардейских. На основании указания заместителя командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта М. А. Рейтера гвардейские дивизии содержались по особым, «утвержденным Центром» [22], штатам. На основании донесений о боевом и численном со-

ставе [16] гвардейских дивизий осени 1941 г. можно предположить, что гвардейские стрелковые дивизии содержались по усиленному штату № 04/400. Это качественно выделяло их из основной массы стрелковых соединений и позволяло использовать как сильный резерв командующего армией и даже фронтом.

С октября 1941 г. прослеживается увеличение роли стрелковых бригад вследствие больших людских и материальных потерь, а также успехов немецких войск на начальных этапах операции «Тайфун». Требовалось срочно ускорить ввод в строй новых соединений для создания новых линий обороны. С целью ускорения формирования новых соединений [4] было принято решение о формировании отдельных стрелковых бригад. Бригадный уровень позволял улучшить маневренность пехоты за счет меньшего, чем в дивизии, количества личного состава (4300 чел. [14] вместо 11 500) и вооружения. Они быстрее формировались и комплектовались необходимым имуществом, а для их переброски требовалось меньшее число железнодорожных эшелонов и автотранспорта. В то же время в структуру бригад вводилось новое вооружение для противодействия противнику (57-мм противотанковых орудий и новых противотанковых ружей). Последние позволяли противостоять бронетехнике, в том числе на уровне малых стрелковых подразделений — рот и батальонов.

Организационно бригада строилась вокруг стрелкового полка, который усиливался артиллерийским, минометным и противотанковым дивизионом. Однако такая структура просуществовала немногим больше недели. Уже 22 октября постановлением № ГКО-828сс [Там же] стрелковая бригада была реорганизована для улучшения управляемости и усиления. Для ликвидации лишнего звена управления стрелковый полк был заменен на три отдельных батальона, в результате некоторые полковые подразделения были распределены по другим частям бригады. Дополнительно бригада была усилена некоторыми средствами для повышения устойчивости: для противодействия бронетехнике — противотанковыми ружьями; для повышения мощности артиллерийского огня — реактивными минометами [19, с. 22], за счет которых усиливалась бригадная артиллерия. Увеличилось количество ранцевых огнеметов (с 16 до 60) в связи с введением огнеметных команд в каждый стрелковый батальон. В дальнейшем стрелковые бригады продолжали формирование по обновленным штатам (№ 04/730—04/745) в связи с отменой предыдущих (табл. 2) [Там же].

Таблица 2

**Сравнение организационной структуры
стрелковых бригад октября 1941 г. [14; 18]**

Стрелковая бригада организации от 14 октября 1941 г. (штаты)	Стрелковая бригада с изменениями от 22 октября 1941 г. (штаты)
№ 04/730: управление курсантской стрелковой бригады	То же
№ 04/731: стрелковый полк	№ 04/740: стрелковый батальон (в бригаде — 3)

Стрелковая бригада организации от 14 октября 1941 г. (штаты)	Стрелковая бригада с изменениями от 22 октября 1941 г. (штаты)
—	№ 04/741: отдельная рота ПТР
—	№ 04/742: отдельный минометный батальон
—	№ 04/743: рота разведчиков
№ 04/732: отдельный 120-мм минометный дивизион	То же
№ 04/733: отдельный противотанковый дивизион	То же
№ 04/734: отдельный артиллерийский дивизион	№ 04/744: отдельный артиллерийский дивизион
№ 04/735: отдельная рота автоматчиков	То же
№ 04/736: отдельный батальон связи	То же
№ 04/737: отдельная саперная рота	То же
№ 04/738: отдельная авторота подвоза	То же
№ 04/739: отдельная медико-санитарная рота	То же
Танковая рота (номер штата не установлен)	Танковая рота
—	№ 04/745: отдельная минометная батарея РС
— (Вероятно, также присутствовал)	№ 04/601: взвод крупнокалиберных пулеметов

Важность стрелковых бригад как средства срочного прикрытия опасных направлений видна из текстов руководящих документов. Постановлением № ГКО-796сс предусматривалось формирование 50 бригад к 28 октября 1941 г. [12]. Дополнительно, постановлением № 810сс предполагалось к 15 ноября формирование еще 25 бригад с использованием контингента краснофлотцев и выздоравливающих [13]. Таким образом, до 15 ноября должно было быть сформировано 75 стрелковых бригад.

Общую слабую боеспособность стрелковых соединений РККА, связанную с малым количеством автоматического оружия и, прежде всего, крайне скудными противотанковыми возможностями, можно считать одной из причин неудачного хода оборонительных операций осени 1941 г. Германские танковые дивизии имели возможность взламывать оборонительные позиции, преодолевая слабую противотанковую защиту, а малая мобильность советской дивизии предопределяла невозможность быстрой смены позиций [3, с. 741].

Новый проект организации пехотных частей был разработан Главным управлением формирования и комплектования и доложен И. В. Сталину генерал-майором В. И. Четвериковым. Проект закреплял внесенные изменения и предлагал новые меры по расширению боевых возможностей в сфере противодействия бронетехнике (путем восстановления противотанкового дивизиона с 57-мм орудиями) и борьбы с пехотой (усилением пехоты автоматическим оружием — ручными пулеметами и пистолетами-пулеметами), а также по усилению дивизионной артиллерии (путем введения дивизиона реактивных минометов). Проект структуры был принят и утвержден постановлением Государственного комитета обороны № ГКО-833сс от 25 октября 1941 г. [15]. Он предназначался только для организации новых, формируемых стрелковых дивизий. Дивизии, находившиеся на фронте, должны были оставаться в прежней организации. На наш взгляд, это было обусловлено попыткой создания к зиме 1941 г. определенного костяка «усиленных» дивизий как стратегического резерва. В этот период намечался постепенный переход германской армии к обороне в связи с истощением. Складывались предпосылки для начала контрнаступления Красной армии, в которой усиленная пехота могла сыграть весомую роль. Шестого декабря 1941 г. новая структура была оформлена в виде штатов дивизии № 04/750—04/766 [24, с. 29]. В декабре был обозначен переход всех стрелковых дивизий Красной армии на новую организацию.

Таким образом, в период с начала войны и до конца 1941 г. процесс развития организационной структуры пехоты носил волнообразный и непостоянный характер. Основные факторы, влиявшие на развитие пехоты в начале войны, можно определить следующим образом. Во-первых, это нехватка всех видов вооружений, особенно тяжелых орудий, что привело к радикальному урезанию боевых возможностей пехоты, но в то же время дало возможность быстрее и оперативнее формировать новые соединения, чего требовала динамично изменяющаяся оперативная обстановка. Во-вторых, это появление в армии новых видов вооружений (противотанковых ружей, пистолетов-пулеметов, реактивных минометов), с помощью которых совершались попытки возместить урезанные летом 1941 г. боевые возможности. Это привело к резкому сокращению штатных возможностей пехоты, к уменьшению ее огневой мощи и мобильности. Впрочем, уже с августа 1941 г. предпринимаются попытки любыми средствами компенсировать произведенные сокращения. Ухудшение ситуации на фронте привело к формированию еще более слабых в огневом отношении стрелковых бригад, которые, однако, позволяли создавать большее число активных соединений. К декабрю 1941 г. постепенно обозначаются тенденции по восстановлению боеспособности пехоты.

Список источников и литературы

1. Булдыгин С. Б. Сравнение стрелковых рот Красной Армии и Вермахта на 22 июня 1941 года. СПб., 2018.
2. Ввести в штат № 04/601 (стрелковый полк) // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=452237223> (дата обращения: 20.01.2025).

3. Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов : в 12 т. М., 2012. Т. 2 : Происхождение и начало войны / отв. ред. О. А. Ржешевский.

4. *Время тяжелых испытаний* // Военные комиссариаты России. URL: <https://voenkom.ric.mil.ru/Stati/item/252769/> (дата обращения: 20.01.2025).

5. *Директива* Ставки Верховного Главнокомандования ком[андующим] [войсками] фронтов, армий, округов // Фонд Александра Яковлева. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1012097> (дата обращения: 20.01.2025).

6. *Приказы* Наркома обороны СССР за период с 20 июля по 10 сентября 1941 г. Копии // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality//cards/11989> (дата обращения: 20.01.2025).

7. *Приказы* Наркома обороны СССР за период с 11 сентября по 28 декабря 1941 г. Копии // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality//cards/11990> (дата обращения: 20.01.2025).

8. *О программе* выпуска артиллерийского и стрелкового вооружения, плане эвакуации заводов Наркомата вооружения и создании новых баз [в Поволжье, на Урале и в Сибири] : постановление ГКО СССР №4сс от 03.07.1941 г. // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war//cards/367137> (дата обращения: 20.01.2025).

9. *О формировании* дополнительных стрелковых дивизий : постановление ГКО СССР №48с от 08.07.1941 г. // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war//cards/367183> (дата обращения: 20.01.2025).

10. *О формировании* новых дивизий : постановление ГКО СССР №207сс от 19.07.1941 г. // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war//cards/367236> (дата обращения: 20.01.2025).

11. *О формировании* стрелковых и кавалерийских дивизий : постановление ГКО СССР №459-сс от 11.08.1941 г. // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war//cards/367628> (дата обращения: 20.01.2025).

12. *О формировании* стрелковых бригад : постановление ГКО СССР №796сс от 14.10.1941 г. // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war//cards/367971> (дата обращения: 20.01.2025).

13. *[О формировании отдельных стрелковых бригад]* : постановление ГКО СССР №ГКО-810сс от 18.10.1941 г. // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/368931> (дата обращения: 20.01.2025).

14. *О штате* отдельной стрелковой бригады : постановление ГКО СССР №ГКО-828сс от 22.10.1941 г. // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/368991> (дата обращения: 20.01.2025).

15. *О стрелковой дивизии* военного времени : постановление ГКО СССР №ГКО-833сс от 25.10.1941 г. // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/368996> (дата обращения: 20.01.2025).

16. *Донесение* о численном и боевом составе 5 гв. сд. // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=112722774> (дата обращения: 20.01.2025).

17. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления : в 2 т. М., 2002. Т. 1.

18. *К вопросу* о полковом звене в стрелковых бригадах формирования осени 1941 г. // Военно-исторический форум. URL: <https://vif2ne.org/rkka/forum/0/co/128567.htm> (дата обращения: 20.01.2025).

19. Коломиец М., Макаров М. Реактивная артиллерия Красной Армии // Фронтная иллюстрация. 2005. №5.

20. *Командующему войсками Закавказского военного округа о формировании четырех управлений армий*. 24 июля 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/192651-komanduyushchemu-voyskami-zakavkazskogo-voennogo-okruga-o-formirovanii-chetyreh-upravleniy-armiy-24-iyulya-1941-g> (дата обращения: 20.01.2025).

21. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 2002.

22. *По указанию Центра гвардейские дивизии существуют по особому штату и положению* // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=114795841> (дата обращения: 20.01.2025).

23. *Потери вооружения и приборов в период 1941–42 гг.* // Сайт «Солдат.ру». URL: <https://www.soldat.ru/doc/mobilization/mob/table39.html> (дата обращения: 20.01.2025).

24. *Справочные материалы по организационно-штатной структуре стрелковой дивизии Советской Армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* М., 1951.

25. *Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации*. Ф. 56. Оп. 12214. Д. 2077.

26. *Штат минометного батальона (стрелкового полка) (военного времени)* // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=452237222> (дата обращения: 20.01.2025).

Об авторе

Артем Павлович Казарез — асп., Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.

ORCID: 0009-0006-4146-3580

SPIN-код: 2698-3196

E-mail: kazarez.ap@dvfu.ru

A. P. Kazarez

CHANGES IN THE ORGANISATIONAL STRUCTURE OF THE RED ARMY RIFLE FORCES AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Received 27 May 2025

Accepted 10 February 2026

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-7

To cite this article: Kazarez A. P., 2026, Changes in the organisational structure of the Red Army rifle forces at the beginning of the Great Patriotic War, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 2. P. 92–102. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-7.

As a combination of personnel, weapons and equipment, the organisational structure of units and formations reflects their combat capability. This structure, laid down in documents such as organisation and equipment tables, reveals how the military leadership views a specific

unit at a specific point in time. Rifle forces constituted the main part of the Red Army during the Great Patriotic War. Before the war, rifle forces consisted of rifle divisions consolidated into rifle corps of two or three divisions. Their organisational structure was reformed shortly before the war in response to the availability of new weapons the army and the experience of armed conflicts of the late 1930s. The unsuccessful start of the Great Patriotic War led to the rapid depletion of some military resources. This made it necessary to adapt the organisational structure of infantry to the requirements of the time in order to counter the German army in an adequate manner. This work aims to consider the main factors determining changes in the organisational structure of rifle forces from the beginning of the war until the end of 1941. Using historical-genetic and historical-comparative methods, the article determines the main milestones in the development of the infantry organisational structure at the beginning of the war and identifies its main features. It is concluded that the problem of maintaining the combat readiness of rifle troops at the beginning of the war was extremely acute for the Soviet leadership, as manifested in a significant number of changes made during the first six months of the war.

Keywords: Great Patriotic war, Red Army, organisational structure, rifle forces, rifle division, rifle brigade, tables of organisation

The author

Artyom P. Kazarez, PhD Student, School of Humanities, Department of History and Archaeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

ORCID: 0009-0006-4146-3580

E-mail: kazarez.ap@dvfu.ru

УДК 327+321.01

Ю. А. Веселов

**МИРОВОЙ ПОРЯДОК, ИМПЕРИАЛИЗМ
И ТЕОРИЯ ЧЕТВЕРТОГО МИРА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Поступила в редакцию 31.07.2025 г.

Принята к публикации 10.10.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-8

103

Для цитирования: Веселов Ю. А. Мировой порядок, империализм и теория Четвертого мира. Часть вторая // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. № 2. С. 103 – 116. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-8.

В статье исследуются трансформации современного миропорядка через призму теории Четвертого мира и концепции космополитического порядка. Автор анализирует изменения теоретического содержания понятия «четвертый мир» по мере развития постколониальной критики. Если на раннем этапе оно использовалось преимущественно в контексте обсуждения прав коренных народов, то в современной интерпретации оно становится инструментом для изучения структурного неравенства всех этнических сообществ, подвергающихся системной дискриминации. Подробно рассмотрен феномен «государственного строительства», который зачастую оборачивается разрушением аутентичных культурных сообществ и провоцирует сепаратистские движения вдоль исторических границ расселения народов. Особое внимание уделено критическому разбору либерального «порядка, основанного на правилах». Автор трактует его как американскую космополитическую идеологию, направленную на подрыв традиционного вестфальского суверенитета и закрепление глобальной гегемонии США. Приведены количественные данные демографических прогнозов, иллюстрирующие старение населения и масштабные миграционные потоки в Европе. По мнению автора, эти процессы размывают национальную идентичность и ведут к неизбежному кризису классической концепции государства-нации. В заключение прогнозируется контур будущей международной реальности. Вместо привычных национальных государств ожидается появление многослойного и фрагментированного политического пространства, состоящего из религиозных общин, этнических теократий, монархических династий и неформальных союзов. Эта мозаичная структура сравнивается с политической картой доколумбовой Америки, где многообразие режимов существовало в условиях плодотворного анархического беспорядка.

Ключевые слова: четвертый мир, национальный суверенитет, порядок, основанный на правилах, сепаратизм, кризис национального государства

Империализм и теория Четвертого мира

Термин «четвертый мир» впервые появился в 1970-х гг. в работах канадского социолога Дж. Мануэля, который стремился к политическому единству коренных народов Северной, Центральной и Южной Америки, а также Европы и Азии. Он назвал эту совокупность коренных обществ, существовавших в угнетенном состоянии вследствие европейской экспансии, «Четвертым миром» [15, p. 11].

Изначально теория Четвертого мира относилась к безгосударственным, бедным и маргинальным группам, коренному населению разных стран мира [Ibid., p. 12]. Однако постепенно концепция начала охватывать страны и регионы, которые не соответствовали изначальным критериям «развивающихся стран» (третьего мира). Под термином «коренные народы» стали пониматься не только небольшие сохранившиеся группы аборигенов, а «отдельные культурные и политические сообщества, которые были колонизированы, например, европейскими королевствами, китайскими имперскими династиями и арабскими халифами с XIII по XX в. и в конечном итоге объявлены меньшинствами в недавно провозглашенных политических юрисдикциях, состоящих из поселенцев или контролируемых правящей нацией» [18, p. 51].

Теория Четвертого мира разрабатывалась учеными преимущественно из угнетенных этнических групп и народов. Согласно данному подходу ключевой проблемой международных отношений является этноцид (и экоцид) примерно 200 государств в отношении более чем 5 тыс. этнических групп, народов [Ibid., p. 82]. По мнению сторонников теории, сеть национальных государств представляет собой своего рода комбинацию империй, которые оккупировали и «взяли в заложники» большинство народов, снижая уровень биологического и культурного разнообразия мира.

Согласно теории Четвертого мира существует два типа современных государств:

- 1) бывшие метрополии и любые другие центры и полюсы мира;
- 2) бывшие колонии, которые отделились в ходе деколонизации, но продолжают оставаться в системе угнетения, но не только как объект, но и как субъект.

В рамках государственных границ вся система угнетения навязывается другим этническим группам. Согласно теории, основная цель (много) национального государства — создание иллюзии, будто каждый этнос является его неотъемлемой частью. Наиболее распространенными методами национальных государств по поддержке такой системы являются запугивание и сотрудничество (подготовка государственной системой образования ученых, журналистов, государственных служащих, которым предписывается «правильно» мыслить и писать о централизованном государстве).

Основополагающим постулатом теории является теоретическое обобщение понятий «государство» и «нация», где «государство — это репрессивный институт немногочисленных наций-империалистов», а противостоят им народы с особой культурой, развившейся с течением времени как продукт «взаимодействия людей (животных, растений) с землей и космосом» [18, p. 54].

По мнению теоретиков Четвертого мира, большинство наций существовало до появления государств [16, р. 232]. Войны стали и остаются средством, с помощью которого государства присваивают (имеется в виду «государственное строительство») территории, а также культурные и технологические достижения народов.

Как утверждают авторы теории Четвертого мира, в то время как этносы предшествуют государствам, государства пытаются стереть историю и географию этнических групп с помощью программ, обычно называемых «государственным строительством» [11, р. 383], — программ, которые «основаны на политической, культурной и территориальной интеграции, развитии и образовании» с использованием общих символов (флаги, национальные гимны, история, школьная география и, конечно, языковые программы) [16, р. 229]. Однако, по мнению сторонников теории, когда государства говорят о государственном строительстве, они в большинстве случаев осуществляют его путем «разрушения народов».

Такая логика, безусловно, не может не касаться аспектов распада национального государства, открытого противника сторонников рассматриваемой теории. Дезинтеграция неизбежно происходит при условии, что угнетенные этнические группы приобретают большую автономию, а их сепаратистский дух получает новые импульсы [12, р. 260]. Распад государства чаще всего происходит вдоль границ исторических народов. Авторы теории Четвертого мира утверждают, что эти старые границы народов можно считать культурными разломами [Ibid.]. Более того, вопреки процессам деколонизации система угнетения не разрушается. Но не только потому, что существует феномен неокOLONиализма и скрытый контроль нациями «Центра» наций «Периферии», но и потому, как утверждают теоретики, что сами государства «Периферии» используют свой репрессивный аппарат по отношению к населяющим их народам. Волна деколонизации после Второй мировой войны создала границы государств третьего мира в основном на искусственных очертаниях побежденных колониальных империй [16, р. 238]. А в «искусственных государствах третьего мира», таких как Филиппины, Папуа-Новая Гвинея, Индонезия и Бангладеш, экономическое развитие используется для вторжения в четвертый мир [21, р. 10].

Таким образом, современное использование теории Четвертого мира включает в себя продуктивные исследования феноменов нации, государства, права наций на самоопределение, проблем империализма, колониализма и неокOLONиализма. Это исследовательское поле достаточно опасно, так как в нем изучаются противоречия, возникающие в одной из самых неразрешимых дихотомий современных международных отношений — права каждой нации на самоопределение и гарантии территориальной целостности национального государства.

Возвращение к международному порядку? Становление мирового космополитического порядка

В постколониальной перспективе национализм вне европейского контекста может рассматриваться как «производный дискурс», связанный с логикой европейской модерности и колониального господства. Бенедикт Андерсон пишет:

Следовательно, национализм должен быть истолкован как неотъемлемая составная часть этого господства. И главным признаком его появления в позднеколониальном мире, как и дальнейшего существования, следует считать «отсутствие аутентичности», как бы местные лидеры вроде Неру, Сукарно или Нкрумы ни уверяли всех в единстве и автономии своих движений. За пределами Европы национализм неизбежно являлся «производным дискурсом», блокирующим путь всякому подлинно самостоятельному, автономному развитию в окружении сообществ, которые оставались в подчинении своекорыстных, предельно коллаборационистски настроенных «националистических» политиков, интеллектуалов, бюрократов и капиталистов [6, с. 19–20].

После окончания Первой мировой войны американцы начинают все активнее размышлять о том, как сформировать мировой порядок, который бы в максимальной степени соответствовал интересам Америки, и какие международные механизмы следовало бы создать для закрепления этого порядка и управления им [1, с. 100]. Американская политическая мысль, как производная от европейской мысли (преимущественно англосаксонской) и идея нации, связывающая воедино разнообразные этносы как «плавильный котел», — наиболее актуальная идея как раз для американской политики. Соответственно, тот порядок, что начал складываться после Первой мировой войны на «вильсоновских принципах» есть не что иное, как еще одна попытка национальной идеи распространить и закрепить себя в мировом масштабе. Правда, в отличие от мир-имперской идеи, она была уже в меньшей степени прямолинейна и пыталась действовать «по-англосаксонски», более скрытными методами, скрываясь за ширмой свободы, демократии, возможностей для каждой нации: «Мы предпочитаем открытый доступ и влияние владению. Наша империя неформальна, поскольку включает в свой состав не сателлитов и владения, а номинально равные государства» [10, р. 94].

Американцы достаточно верно оценили причины Первой мировой войны и стали строить мировой космополитический порядок в целях достижения геополитического успеха, господства «правильных» идей и создания возможностей для собственного экономического доминирования и процветания в мировом масштабе.

Как пишет В. М. Капицын, космополитизм и культурный релятивизм влияют на легитимацию государственной власти и суверенитета. В рамках этого влияния космополитизм создает делегитимизирующий и дегитирующий эффект для концепции национального государства. «Именно цивилизационную и национально-государственную идентификацию разрушает космополитизм, поскольку они поддерживают самобытность национальной культуры, легитимность власти и суверенитет» [5, с. 306–307]. В. М. Капицын прямо заявляет, что США и НАТО применяют в мировой политике космополитизм в качестве своей «мягкой силы» для ослабления культурного релятивизма [Там же, с. 311].

Далее В. М. Капицын выделяет значения космополитической идентификации:

- 1) номадическая — кочевничество в чистом виде, растворяющее этничность нации в некоем единстве, освобожденном от многообразия;
- 2) имперско-глобалистская — замещение национальных идентичностей ценностями влиятельного государства;

3) глобалистско-потребительская — идентификация возможностей трансграничных финансовых и прочих потоков;

4) глобально-демократическая — морально-гуманитарная идентификация, основанная на ценностях демократии, прав человека, лозунга «свободы». Последний вариант и является основным методом претендующей на глобальность американской внешней политики после Первой мировой войны. Этот метод наилучшим образом описывается понятием «моралистский транснационализм» С. Хантингтона. Согласно его концепции, патриотизм / национализм представляют собой силы зла, а международные законы, режимы и институты превосходят в моральном праве эквиваленты в отдельно взятых нациях [13, р. 6].

Именно так в 1919 г. появились корни американской внешнеполитической концепции «мирового порядка, основанного на правилах», то есть такой мировой структуры, которая опирается на писаное и неписаное международное право. Его интерпретация, в свою очередь, позволительна лишь самим Соединенным Штатам, но это право представляет собой обязательные для всех остальных правила игры. Об этом говорил В. В. Путин на пленарном заседании клуба «Валдай», отметив, что международное право подменяется так называемыми «правилами»: «Судя по всему, есть только попытка утвердить одно правило — чтобы власть предрешающие, я говорю о глобальной власти, имели возможность жить вообще без всяких правил и все им было бы позволено, все бы сходило с рук, что бы они ни делали» [8].

Так появился мировой космополитический порядок (или «порядок, основанный на правилах»), который представляет собой американскую внешнеполитическую концепцию для легитимации своей национальной гегемонии над всем остальным миром. «Порядок, основанный на правилах» является проектом США, нацеленным на превращение их окружения в страны постмодерна, пока сами они остаются классической великой державой с суверенитетом вестфальского типа.

Рассматривая мировое устройство, нельзя обойти особое деление государств — премодерна, модерна и постмодерна (или довестфальские, вестфальские и поствестфальские государства) [9, с. 161]. Следуя логике данной структуры, государства премодерна — исторические слабые, возможно, даже несостоятельные образования, которые исторически попадали под влияние мировых держав, а значит, не имели фактического суверенитета, даже если он провозглашался. Так называемые государства постмодерна (логика действий которых уже выходит за рамки классической логики вестфальской системы — эгоистического стремления к сохранению собственного суверенитета и проведения независимой внутренней и внешней политики) делегируют свой суверенитет на наднациональный уровень, но даже в наиболее удавшемся на данный момент образовании — ЕС — та же пандемия коронавируса (не говоря уже о реакции на миграционный кризис) показала оставшиеся черты национального эгоизма вопреки всем декларациям. Государства модерна, такие как США, никак нельзя назвать странами, когда-то добровольно отошедшими от идей суверенитета [3, с. 243].

Конструируя (либеральный) «порядок, основанный на правилах», США стремились стать уникальной американской Империей — «наднациональной силой, опирающейся на право» [7, с. 186]. США в итоге не были однозначно названы (мировой) империей в полном смысле это-

го слова, однако порядок, который основан американцами и поддерживается ими изо всех идеологических, политических, военных и экономических сил, можно назвать имперским. В данном случае стоит затронуть вечно злободневный вопрос — почему порядок основан американцами, а роль СССР в этом процессе не упоминается? Причина заключается не только в дискурсивных издержках сверхдержавного соперничества. Идеологические постулаты такого космополитического «порядка, основанного на правилах» были выработаны при американских президентах В. Вильсоне и Ф. Д. Рузвельте; принципы ООН также являются «американским продуктом», так же как и Атлантическая хартия, из которой вышло большинство из них; Бреттон-Вудские институты созданы американцами и функционируют, преимущественно, на американские дотации. В рамках строительства такого порядка СССР воспринимался скорее не его структурным элементом, а назойливой «внешней» (внесистемной) угрозой. Советский Союз сам позиционировал себя как антагонист капиталистического мира, а вовсе не как его составная часть.

Б. Андерсон писал: «Поскольку, даже присоединившись со временем к Лиге, юный одиночка Советский Союз не рассматривал себя как национальное государство, да и многочисленные враги его в целом таким не считали. <...> Несмотря на то что Советский Союз стал членом Организации Объединенных Наций, в которую теперь вступили и Соединенные Штаты, в мировой политике периода холодной войны общепринятыми оставались понятия наднационального толка» [6, с. 12]. Когда руководители партии большевиков осознали невозможность мгновенной мировой революции после провальной Советско-польской войны, а также безуспешных попыток большевизировать / советизировать европейские развитые страны, а затем уже аграрные (то есть не вошедшие на этап капитализма) страны (как, например Афганистан, Китай, Персия и Индия), с их стороны была предпринята колоссальная уступка — построение образа не мирового коммуниста, а советского гражданина, то есть советской нации (народа). И этот проект также потерпел неудачу. Действительно, с внесистемной для порядка угрозой можно было договариваться. Примером этому являются двусторонние договоренности по контролю над вооружениями в годы Холодной войны: они заключались именно потому, что стороны осознавали общую экзистенциальную опасность, но при этом каждая оставалась носителем своей ценностно-институциональной системы. Однако сам по себе факт диалога, включая даже Хельсинкские соглашения, не свидетельствует о включенности СССР в «западный» послевоенный порядок, поскольку в восприятии стран «Запада» международная система после 1945 г. основывается на созданных им же либеральных институтах, правилах и нормах. Эта система легитимизована через ООН, Бреттон-Вудские институты и трансатлантическое союзы. СССР в этом контексте выступал не как полноправный ее субъект, а как «значимый Другой», внешний актер, который бросал вызов этому порядку, но с которым приходилось вступать в инструментальные сделки, конструируя минимальные правила игры. Именно по этой причине в рамках данной работы (хотя существуют иные позиции и аргументы) действующий (имеется в виду Ялтинско-Потсдамский) порядок отсчитывается именно от окончания Второй мировой войны, а не от событий распада (про)советского социалистического блока.

Что касается мирового космополитического «порядка, основанного на правилах», то его установление происходило постепенно, начиная с 1919 г., прошло через многие трудности (неэффективность Лиги Наций, изоляционизм США) и помехи (страны Оси, пытавшиеся возродить мировой интернациональный порядок), а также столкнулось с внесистемной угрозой (СССР), и тем не менее он все же был установлен на рубеже XX — XXI вв.

Возможно ли установление международного порядка?

Международный порядок никогда не существовал, кроме как только «на заре человечества», если понимать под ним ситуацию, полностью обратную мировому транснациональному порядку, то есть сосуществование многочисленных этнических групп друг с другом в отсутствие подчинения одной группы другой.

Национальное государство как феномен не удерживается и грозит своей ликвидацией в силу миграционных процессов, размывания идентичности, демографических проблем тех стран, где, собственно, родилась и существовала все это время данная концепция, а также тех стран, которые утверждали эти идеи как общемировые.

Эти выводы подтверждаются количественными оценками. По прогнозам независимого исследовательского информационного центра *Pew Research*, к 2050 г. будет достигнут паритет между мусульманами (2,8 млрд, или 30 % населения) и христианами (2,9 млрд, или 31 %), возможно, впервые в истории [20]. Согласно прогнозу, в ближайшие десятилетия будут наблюдаться яркие географические различия в моделях религиозного роста. Религии с большим количеством приверженцев в развивающихся странах, где уровень рождаемости высок, а уровень детской смертности в целом снижается, вероятно, будут расти быстро. Например, ожидается, что большая часть мирового роста ислама будет происходить в странах Африки к югу от Сахары. Современное религиозно неаффилированное население, напротив, в значительной степени сконцентрировано в местах с низкой рождаемостью и стареющим населением, таких как Европа, Северная Америка, Китай и Япония, то есть, собственно, в тех самых районах, где зародилась концепция национального государства. Более того, ожидается, что в ближайшие десятилетия христиане понесут самые большие чистые потери от перехода. По прогнозам, в мире около 40 млн чел. перейдут в христианство, а 106 млн покинут его, причем большинство пополнит ряды нерелигиозных людей [Ibid.]. Прогнозирование более точного соотношения демографических групп в таких местах, как Европа, затруднено ввиду непредсказуемых, но постоянно растущих темпов миграции.

В докладе консалтинговой компании *Geopolitical Futures* сделан другой прогноз: к 2050 г. под воздействием национализма и сепаратизма карта Европы сильно изменится — во многих европейских странах существуют открытые сепаратистские движения, которые могут вспыхнуть в любой момент, как только будет устранен зонтик ЕС (рис.). Тогда неизбежно возобновится старая этническая и религиозная вражда между отдельными европейскими государствами [14]. А ситуация, сложившаяся в результате распада Югославии, показательна для распада многоэтнического национального государства, хотя в этом случае процесс в итоге

был скорректирован «принуждением к миру» со стороны мирового сообщества, чего может не произойти в случае крушения концепции национального государства как таковой.

Рис. Сепаратизм в Европе [14]

Однако возможно взглянуть на эти процессы и с другой стороны — приведенный прогноз иллюстрирует опасения по поводу той ситуации, когда демографическая ситуация останется неизменной. Это, впрочем, невозможно в силу катастрофически низкой рождаемости и предсказуемого старения населения. Так, Европейская комиссия предполагает, что:

1) численность населения ЕС увеличится с 446,7 млн чел. в 2022 г. до пика в 453,3 млн в 2026 г., а затем постепенно сократится до 447,9 млн в 2050 г. и до 419,5 млн в 2100 г.;

2) средний возраст населения ЕС увеличится на 5,8 лет в период с 2022 по 2100 г.;

3) к 2100 г. численность населения в возрасте 80 лет и старше в ЕС возрастет до 64,0 млн [17].

Европейские демографические исследования в большей степени посвящены вопросам численности населения, естественной убыли, рождаемости, прогнозируют темпы миграции, однако ни одно из них не посвящено этнической ситуации, сложившейся в результате этих процессов. Так в таблице «Демографический баланс на 1 января 2022—2100 г.» (табл.) прогнозируется демографическая ситуация в странах Евросоюза к 2100 г. с учетом примерной рождаемости, смертности и иммиграции. Практически для всех стран характерна убыль населения, вследствие того что средняя смертность превышает среднюю рождаемость примерно на 3—4 млн чел. Это означает, что, например, в таких странах, как Германия, Франция, Италия, Испания, мигранты будут составлять 25, 10, 36, 36 % соответственно (учитывая только ежегодную иммиграцию без учета существовавших на 2022 г. этнических групп в этих странах и без учета рождения второго и третьего поколений детей в семьях представителей каждой волны иммиграции). Это означает, что в реальности этническое разнообразие в общем отношении к автохтонным народам (первоначальным нациям) может иметь значения, достигающие до $\frac{2}{4}$ или даже $\frac{3}{4}$ населения.

Демографический баланс на 1 января 2022 – 2100 г., тыс. чел. [17]

Территория	Население	Суммарная рождаемость	Суммарная смертность	Суммарное естественное изменение населения	Суммарная чистая миграция	Общее изменение населения	Прогнозируемая численность населения
							1 января 2100
ЕС	451 770,12	253 039,27	409 756,98	-156 717,71	103 736,35	-52 981,35	398 788,81
Бельгия	11 883,50	8 248,21	10 329,66	-2 081,45	2 499,64	418,19	12 301,65
Болгария	6 437,36	3 446,59	6 122,47	-2 675,88	876,23	-1 799,65	4 637,77
Чехия	10 909,50	6 470,77	9 728,59	-3 257,82	1 999,29	-1 258,53	9 650,97
Дания	5 992,73	4 129,72	5 372,52	-1 242,80	1 282,45	39,65	6 032,37
Германия	83 577,14	48 030,18	74 295,36	-26 265,18	17 425,13	-8 840,05	74 737,06
Эстония	1 370,00	694,01	1 247,06	-553,05	291,29	-261,75	1 108,25
Ирландия	5 440,28	4 051,94	5 137,33	-1 085,39	1 879,11	793,71	6 233,96
Греция	10 372,34	4 334,33	9 360,40	-5 026,08	1 901,93	-3 124,15	7 248,16
Испания	49 128,30	26 419,70	47 284,78	-20 865,08	21 490,70	625,62	49 753,93
Франция	68 882,60	47 938,00	59 233,75	-11 295,75	9 570,20	-1 725,55	67 157,01
Хорватия	3 874,35	1 855,40	3 585,33	-1 729,92	684,76	-1 045,16	2 829,21
Италия	58 943,46	25 000,81	55 421,53	-30 420,72	16 252,18	-14 168,54	44 774,85
Кипр	982,97	581,79	994,50	-412,71	473,15	60,45	1 043,34
Латвия	1 860,57	773,52	1 709,96	-936,45	305,03	-631,41	1 229,16
Литва	2 890,66	1 023,72	2 826,45	-1 802,73	838,48	-964,25	1 926,43

Территория	Население 1 января 2025	Суммарная рождаемость	Суммарная смертность	Суммарное естественное изменение населения	Суммарная чистая миграция	Общее изменение населения	Прогнозируемая численность населения 1 января 2100
Люксембург	681,97	555,83	650,89	-95,07	343,50	248,43	930,41
Венгрия	9539,50	5059,70	8772,20	-3712,49	1565,53	-2146,96	7392,55
Мальта	574,25	333,52	576,31	-242,79	392,16	149,36	723,71
Нидерланды	18044,03	12669,54	16067,59	-3398,04	4180,35	782,31	18826,35
Австрия	9197,21	5455,95	8329,06	-2873,11	2523,81	-349,31	8847,87
Польша	37489,12	15609,52	33130,19	-17520,67	5687,18	-11833,49	25655,67
Португалия	10749,64	5569,89	10957,86	-5387,97	3318,71	-2069,26	8680,38
Румыния	19043,15	10096,82	17495,04	-7398,22	2762,67	-4635,56	14407,57
Словения	2130,85	1209,01	1946,30	-737,29	511,50	-225,80	1905,08
Словакия	5550,98	2872,25	4866,67	-1994,42	514,39	-1480,03	4070,99
Финляндия	5635,97	3068,66	5109,97	-2041,32	1440,84	-600,48	5035,58
Швеция	10587,71	7539,93	9205,24	-1665,31	2726,16	1060,85	11648,56
Исландия	389,44	323,18	340,54	-17,36	122,96	105,61	494,92
Норвегия	5594,34	3917,21	4968,90	-1051,70	1711,88	660,18	6254,52
Швейцария	9051,03	6227,75	8205,60	-1977,85	3510,36	1532,51	10583,45

В этих условиях может возникнуть не только необходимость пересмотра смысловой наполненности существования европейских национальных государств (при условии, что Евросоюз так и не перейдет на следующие ступени интеграции), но и вызов концепции национальных государств как таковой, поскольку демографическая ситуация в Европе действительно достаточно регрессивна, но тем не менее репрезентативна для миграционных процессов и в других частях мира. И если применять данные прогнозы в отношении сепаратистских движений, то заявить об их количественном и качественном увеличении — ничего не сказать.

Исходя из прогнозов, что в Великобритании за 25 лет население увеличится с 67 млн до 77 млн чел., при том что уже на 2022 г. в стране до 23,2 % относилось к мигрантам, а Соединенное королевство будет к 2050 г. занимать третье место в мире по привлекательности для иммигрантов [4], можно предположить, что тогда доля мигрантов будет составлять не менее 25 % населения (опять же, имея в виду только ежегодную иммиграцию без учета существовавших на 2022 г. этнических групп в этих странах и без учета рождения следующих поколений детей в семьях иммигрантов). В рамках продолжительного пребывания в государстве другой культуры, языка, религии, нравов иммигранты и их потомки при отсутствии должной программы ассимиляции и/или их сопротивлении таким программам могут образовать сообщества, отличные как от страны происхождения, так и от страны пребывания, и претендовать впоследствии на собственное уникальное политическое образование. Это означает, что, к примеру, индийские диаспоры могут не считать себя связанными с как Индией или Великобританией, так и с индийской диаспорой во Франции. Такая сложная структура может породить совершенно неожиданные результаты, сепаратистские движения и формы международных конфликтов, в которых, условно говоря, французские баски не будут испытывать «чувств родства» ни с Францией, ни с Испанией, ни с испанскими басками. Таким образом, крах концепции национального государства, а также демографические и идеологические изменения в обществах могут повлечь за собой образование многосложного и многослойного мира, взаимодействие разных частей которого действительно уместно будет назвать «международными отношениями».

Заключение

Государство — древний институт человечества, так что оно обязательно должно отмереть вместе с национализмом. Существуют и другие архетипы легитимации власти и мобилизации общества [2]. В новой международной реальности вполне может не быть национальных государств, их место займут религиозные общины, суровые и обладающие военными ресурсами династические администрации, конгломерат сообществ, отличающихся друг от друга и находящихся в постоянном соперничестве. Ввиду распада национальных государств и успеха сепаратистов количество конфликтов не уменьшится, а возрастет. Тем не менее велика вероятность появления новых видов политических форм и режимов, многообразия политического в силу отсутствия мирового диктата объединенных наций как единственно легитимной формы отношений.

В большей степени такая многослойность международных отношений может означать, что одновременно будут существовать не просто разные народы, отличающиеся друг от друга в совершенно разных вариациях, но и разные политические режимы — могут сохраниться в форме централизованных национальных государств, силой препятствующих своему распаду, этнические теократии, социалистические образования, монархические династии и, возможно, другие. В большей степени такая карта мира может походить на политическую, культурную, этническую карту доколумбовой Америки, состоявшей из теократических империй (ацтеков, инков), многоязычных конфедераций (ленка), выборной монархии (никоя), городов-государств (тласкала), сообществ (хохокам), демократий (ирокезы), государств-обществ с кастовой системой (калу-са), олигархических структур (муиски), аристократий (майя), тогда как некоторые индейские общины могли даже иметь черты первобытного коммунизма.

Б. Андерсон справедливо указал, что в рассыпании цепи «миропорядков, учрежденных политическими Годзиллами (он имел в виду как раз то, что в этой статье названо мировой национальной державой. — Ю. В.), следует видеть намечающийся поворот к более привлекательному, более плодотворному, анархическому беспорядку, в котором возвышенные надежды XIX века на всеобщий суверенитет увенчаются сложным сообществом, основанным на взаимовлиянии подлинно постимперских национальностей» [6, с. 22].

Список литературы

1. Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок. М., 2005.
2. Веселов Ю. А. Архетипы власти // Социум и власть. 2023. Т. 96, № 2. С. 38 — 47.
3. Веселов Ю. А. Империализм мировых порядков // *Via in tempore*. История. Политология. 2023. Т. 50, № 1. С. 233 — 248.
4. К 2050 году Великобритания станет самой густонаселенной страной Европы // Lenta.ru. 2009. URL: <https://lenta.ru/news/2009/03/12/biggest/> (дата обращения 12.12.2024).
5. Капицын В. М. Космополитизм в мировой политике и культуре // Тетради Международного университета в Москве. 2010. Т. 1, № 12. С. 300 — 314.
6. Андерсон Б. Введение // Нации и национализм / пер с англ. и нем. Л. Е. Перяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М., 2002. С. 7 — 25.
7. *От миропорядка империй к имперскому миропорядку* / отв. ред. Ф. Г. Войтоволский, Э. Г. Соловьев. М., 2005.
8. Путин: предлагаемый «порядок, основанный на правилах», позволяет жить вообще без правил // ТАСС. 2022. URL: <https://tass.ru/politika/16174379> (дата обращения: 30.11.2024).
9. Харкевич М. В. Государство в современной мировой политике // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 6. С. 160 — 166.
10. Bacevich A. J. *New Rome, New Jerusalem* // *The imperial tense. Prospects and problems of American Empire*. Chicago, 2003. P. 93 — 101.
11. Connor W. *A nation is a nation, is a state, is an ethnic group is a...* // *Ethnic and Racial Studies*. 1978. Vol. 1, № 4. P. 377 — 400.
12. Griggs R. *Ethnicity vs Nationalism — the European nations* // *Research and Exploration*. 1994. Vol. 10, № 3. P. 259 — 265.

13. Huntington S. P. Dead souls: The denationalization of the American Elite // The National Interest. 2004. № 75. P. 5 – 18.

14. Landkarte im Jahr 2050: Auf dem europäischen Schachbrett bahnt sich eine Katastrophe an // Deutsche Wirtschafts Nachrichten. 2021. URL: <https://deutsche-wirtschafts-nachrichten.de/510387/landkarte-im-jahr-2050-auf-dem-europaeischen-schachbrett-bahnt-sich-eine-katastrophe-an> (дата обращения: 12.12.2024).

15. Manuel G. The Fourth World: An Indian reality. Minneapolis, 1974.

16. Nietschmann B. The Fourth World: nations versus states // Reordering the world: geopolitical perspectives on the twenty-first century. Boulder, 1994. P. 225 – 242.

17. Population projections in the EU // Eurostat. 2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Population_projections_in_the_EU (дата обращения 12.12.2024).

18. Ryser R., Gilio-Whitaker D., Bruce H. G. Fourth World Theory and methods of inquiry // Handbook of research on indigenous knowledge systems in developing countries / ed. by P. Ngulube. Hershey, 2017. P. 50 – 84.

19. Spicer M. A treaty too far: new policy for Europe. L., 1992.

20. The future of world religions: population growth projections, 2010 – 2050 // Pew Research Center. 2015. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (дата обращения: 12.12.2024).

21. Seton K. Fourth World nations in the era of globalisation. An introduction to contemporary theorizing posed by indigenous nations // Fourth World Journal. 1999. Vol. 4, № 1. P. 1 – 20. doi: 10.63428/6fzjbr16.

Об авторе

Юрий Александрович Веселов — преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов, факультет мировой политики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0003-2043-2778

E-mail: veseloff30@gmail.com

Yu. A. Veselov

WORLD ORDER, IMPERIALISM AND THE 'THEORY OF THE FOURTH WORLD'. PART TWO

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received 31 July 2025

Accepted 10 October 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-8

To cite this article: Veselov Yu. A., 2026, World order, imperialism and the 'theory of the fourth world'. Part two, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, № 2. P. 103 – 116. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-8.

This article explores the transformations of the contemporary world order through the prism of the Fourth World theory and the concept of a cosmopolitan order. The author analyses the evolution of the term 'Fourth World' alongside the development

of postcolonial criticism. At the early stages, the term was employed primarily in the context of advocacy for indigenous rights, whereas contemporary interpretation views it as a tool to investigate structural inequality across all ethnic communities experiencing systemic discrimination. The study provides a detailed examination of the phenomenon of state-building, which frequently results in the destruction of authentic cultural communities and triggers separatist movements along the historical boundaries of ethnic settlement. Special attention is dedicated to a critical treatment of the liberal 'rules-based order'. The author interprets it as an American cosmopolitan ideology designed to undermine traditional Westphalian sovereignty and consolidate the global hegemony of the United States. Quantitative data from demographic projections are presented to illustrate population aging and large-scale migration flows in Europe. The author views these processes as eroding national identity and leading to an inevitable crisis of the classical concept of the nation-state. In conclusion, the article sketches the outlines of a future international reality. Instead of conventional nation-states, the emergence of a multi-layered and fragmented political space is anticipated, consisting of religious communities, ethnic theocracies, monarchical dynasties and informal alliances. The author compares this mosaic structure to the political map of pre-Columbian America, where a diverse array of regimes coexisted in a state of fruitful anarchic disorder.

Keywords: Fourth World, national sovereignty, rules-based order, separatism, crisis of the nation-state

The author

Yuri A. Veselov, Lecturer at the Department of International Organisations and World Political Processes, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0003-2043-2778

E-mail: veseloff30@gmail.com

В. Андерс

**ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННЫХ МЕР ЕС
НА УРОВЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРАВЯЩИХ
И ОППОЗИЦИОННЫХ СИЛ В СИРИИ
В ПЕРИОД С 2004 ПО 2024 ГОД**

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,

Калининград, Россия

Поступила в редакцию 18.01.2026 г.

Принята к публикации 14.04.2026 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-9

117

Для цитирования: Андерс В. Влияние санкционных мер ЕС на уровень политической поддержки правящих и оппозиционных сил в Сирии в период с 2004 по 2024 год // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №2. С. 117—129. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-9.

Целью работы является изучение влияния санкционных мер Европейского союза на уровень политической поддержки правящих и оппозиционных сил в Баасистской Сирии, а также на уровень явки на парламентских и президентских выборах, установление возможных зависимостей, их причин и особенностей. Исследование опирается на процессный подход. В качестве основного метода избран факторный анализ, позволяющий выявить скрытые связи между рассматриваемыми переменными путем сопоставления изменения уровня санкционного давления с результатами всех парламентских и президентских выборов, прошедших в Сирии с 2004 по 2024 г. После сбора соответствующих данных построена факторная модель и проведен регрессионный анализ. Обоснован вывод, что санкции действительно могут оказывать влияние на политическую динамику в стране — адресате санкций, однако характер этой связи неоднозначен. Санкции могут приводить к росту поддержки правящих элит за счет консолидации вокруг лидера и восприятия внешней угрозы.

Ключевые слова: Европейский союз, Сирия, санкционная политика, международные отношения, влияние санкций, политическая поддержка

В современном глобализированном мире прежние, веками сложившиеся, методы дипломатии все чаще уступают место экономическому и политическому давлению, санкции становятся неотъемлемой частью внешней политики ведущих мировых держав, содружеств и блоковых объединений [13, р. 28]. Используемые при этом инструменты и подходы постоянно развиваются и усложняются. В последние десятилетия наблюдается переход от масштабных ограничений прошлого века к более точечным, направленным мерам санкционного воздействия

[11, р. 5]. Сегодня применяются не только политические, финансовые и секторальные ограничения в отношении подсанкционных стран и их правительств, но также и меры в отношении структур и лиц, не связанных напрямую с государственными институтами, такие как заморозка активов компаний или даже конкретных частных лиц, запрет на въезд [8, р. 51].

Европейский союз (ЕС), объединяющий 27 стран, применяет единые санкционные меры, опираясь на свою Общую внешнюю политику и политику безопасности (ОВПБ), подкрепленную соответствующими руководствами и регламентами стран — членов Союза [6, р. 291 — 292]. В качестве первоначального нормативного акта, регулирующего использование санкций на коммунитарном уровне, выступали «Рекомендации по имплементации и оценке ограничительных мер (санкций) в рамках Общей внешней политики и политики безопасности ЕС» (2003) [10]. В 2004 г. были приняты «Основополагающие принципы использования ограничительных мер (санкций)», где страны ЕС подтвердили общую цель — использовать санкции для защиты прав человека, поддержки демократии, обеспечения верховенства закона, а также борьбы с угрозами, исходящими от оружия массового уничтожения и терроризма [9, р. 1 — 3]. Хотя нормативная база ЕС с тех пор расширялась и обновлялась, эти два документа остаются ключевыми для санкционной политики Европейского союза.

ЕС вводит санкции, предполагая, что правительства государств, против которых они направлены, изменят свое политическое поведение. Ожидается, что эти меры повлияют на баланс сил между правящими и оппозиционными группами политических элит в целевой стране, изменив соотношение в пользу тех, от которых ожидается скорейшее инициирование желаемых для ЕС политических изменений [15, р. 24 — 25; 19, р. 2 — 3]. Однако возникает вопрос: действительно ли ЕС удастся достичь значимого эффекта с помощью своих мер санкционного воздействия? Является ли применение данного инструмента оправданным способом утверждения собственного влияния на международной арене?

Обзор научной литературы

Несмотря на длительный, почти вековой период, в течение которого различные политические акторы прибегали к санкционным ограничениям в качестве орудия давления во внешней политике, значительная часть научного сообщества продолжает подвергать сомнению как эффективность, так и легитимность такого инструментария. Из научных работ известных авторов, посвященных осмыслению этих вопросов и выявлению основополагающих мотивационных механизмов санкций, следует назвать: «Политику санкций США на уровне исполнительной власти» И. Н. Тимофеева [5], «Детерминанты эффективности санкций: анализ чувствительности с использованием новых данных» Н. А. Бапата с соавторами [7], а также «Принудительные или разрушительные: негативное влияние экономических санкций на демократию» Д. Пексэна и А. Купер Друри [16].

В западной традиции анализ эффективности санкционных мер зачастую осуществляется в русле практико-ориентированной геоэкономической логики с акцентом на одностороннее многофакторное применение санкций, методы оценки их успешности, влияющие факторы и стратегии повышения эффективности. Среди репрезентативных западных публикаций в этой области можно отметить работы Е. Хатиоглу и Д. Пексэна [12], К. Портэллы и Л. Джонса [14].

Российская научная литература, в свою очередь, преимущественно концентрируется на условиях и факторах, определяющих легитимность и законность применения санкционных ограничительных мер. Говоря непосредственно об анализе санкционной политики ЕС, следует выделить публикации Ф.Ю. Панова [4], А.И. Абдуллина и М.В. Кешнера [1]. Отдельно нужно упомянуть сборник «Политика санкций: цели, стратегии, инструменты» [3], ставший к настоящему времени, пожалуй, хрестоматийным русскоязычным источником информации о санкциях [2, с. 175].

Методы исследования

В рамках настоящего исследования проводится анализ имплементации санкционных режимов ЕС в отношении Сирийской Арабской Республики (САР) с целью оценки их политической результативности. Сирия была выбрана в качестве объекта исследования по ряду причин: значительная продолжительность санкционного режима, его объем и разнообразие применяемых инструментов, а также постоянное международное внимание к ситуации в стране, в том числе и со стороны ученых-политологов.

Центральный вопрос заключается в том, насколько санкционное воздействие ЕС способно трансформировать политическое поведение правительства подсанкционного государства, в частности через воздействие на электоральные предпочтения. Для прояснения данного вопроса использован процессный подход, который рассматривает изменение проблемной ситуации как результат последовательной реализации целенаправленных действий.

Для проведения нашего исследования мы решили взять период с 2004 по 2024 г. Хотя санкционное давление на Сирию, в том числе со стороны ЕС, стало выраженным и постоянно нараставшим только в 2014–2016 гг., анализ более раннего периода — начиная с введения первых собственных санкций ЕС против САР в 2004–2006 гг. — необходим для фиксации исходных электоральных предпочтений и их динамики в стране еще до начала масштабного и многостороннего внешнего санкционного воздействия на нее. Верхняя хронологическая граница связана с парламентскими выборами, состоявшиеся 15 июля 2024 г.

Для выявления корреляций между применением санкционных мер и динамикой политической поддержки правящих элит и оппозиционных сил применен метод факторного анализа. Такое методическое решение представляется оправданным для анализа комплекса данных, включающего информацию о санкционном давлении, электоральной

динамике, а также контекстуальных факторах, оказывающих влияние на политическую стабильность в стране. Эмпирическая база исследования строится на сопоставлении изменений в уровне санкционного давления с электоральными результатами парламентских и президентских избирательных кампаний. Первоначально произведен сбор необходимых данных, касающихся критически важных переменных. В качестве источников аналитической информации послужили специализированные базы данных, в частности *Sanctions Explorer* (независимый интернациональный проект, агрегирующий аналитические данные со всего мира как по действующим, так и по прекращенным санкционным режимам), а также официальные публикации Европейского союза. Статистические данные, касающиеся результатов выборов, получены из архивов международного фонда избирательных систем IFES (International Foundation for Electoral Systems). При этом мы опираемся на два ключевых показателя: уровень участия избирателей в голосовании и процент голосов, полученных правящими и оппозиционными политическими силами или их представителями. После сбора эмпирических данных нами построена факторная модель. В этой модели независимыми переменными служат нормализованные показатели санкционного давления, обеспечивающие их сопоставимость. Зависимыми переменными выступают электоральные результаты. Факторный анализ позволил сгруппировать исходные переменные в три комплексных фактора на макроуровне: первый — отражающий санкционное давление и его интенсивность; второй — характеризующий электоральную поддержку правящих элит; третий — отражающий поддержку оппозиции. Проведен анализ корреляций и регрессионных связей между выделенными факторами, что в результате дает возможность количественно оценить статистическую значимость влияния примененных санкционных режимов на электоральную динамику в целевой стране и выявить как прямые, так и косвенные политические эффекты такого внешнего давления.

Результаты анализа

Статистика, отражающая совокупное количество введенных Европейским союзом в отношении Сирии санкционных мер, представлена в таблице 1.

Таблица 1

Количество санкций, введенных ЕС против САР в 2004–2024 гг. [17]

Год	Количество санкций
2004	1
2006	6
2008	6
2010	6
2012	9
2014	12
2016	38

Год	Количество санкций
2018	50
2020	144
2022	152
2024	191

Для выполнения нашего запроса и анализа санкций, введенных ЕС против Сирии с 2004 по 2024 г., важно рассмотреть несколько ключевых этапов. Мы должны проанализировать характер этих санкций, их последствия для сирийского общества, а также влияние на политическую ситуацию в стране.

Период с 2004 по 2010 г. характеризуется относительно небольшим количеством санкций, что объясняется ограниченной внешнеполитической активностью сирийского государства в этот промежуток времени и его сравнительно нейтральной позицией в международных конфликтах. Европейские санкции тех лет были преимущественно персональными, направленными на ограничение доступа отдельных лиц к международным финансам и запрещение въезда в страны ЕС. Начиная с 2010 г. санкции стали охватывать определенные организации и структуры, которые могли иметь связь с военной промышленностью САР.

С 2011 г., то есть после начала в стране гражданской войны, ЕС значительно увеличил санкционное давление на правительство в Дамаске. Санкции стали носить более системный характер и были распространены на ряд секторов сирийской экономики, включая нефтяной и энергетический, а также банковскую систему.

Следующим важным рубежом стал 2014 год, когда ЕС принял решение ужесточить свои санкционные режимы, которые преследовали цель как политической изоляции, так и экономического ослабления Сирии. С каждым годом европейские санкции против САР становились все более масштабными. В 2016 г. их количество достигло 38, в 2018 г. — 50, а к концу 2020 г. насчитывалось уже 144 действующих санкционных мер ЕС, направленных на ограничение возможностей сирийского правительства.

Продолжавшееся ухудшение ситуации в стране привело к дальнейшему усилению политического и санкционного давления на Баасистскую Сирию, и в 2021 — 2024 гг. количество санкций со стороны ЕС возросло до 191. Это должно было в первую очередь повлиять на способность САР вести дальнейшие боевые действия против вооруженных сил оппозиционных объединений.

Для того чтобы проанализировать влияние санкционного давления Европейского союза на внутреннюю политическую ситуацию в Сирии, в частности на трансформацию электоральных предпочтений населения страны, мы провели детальное изучение ключевых статистических данных, полученных в ходе всех парламентских и президентских выборов, состоявшихся на территории САР в рассматриваемый период (табл. 2).

Таблица 2

**Ключевые показатели парламентских и президентских выборов
в САР за 2004 – 2024 гг. [18]¹**

Год	Тип выборов	Уровень явки, %	Доля голосов за правящие элиты, %	Доля голосов за оппозицию, %
2007	Парламентские	56,12	68,8	31,2
2007	Президентские	95,86	99,82	0,18
2012	Парламентские	51,26	67,2	32,8
2014	Президентские	73,42	88,7	11,3
2016	Парламентские	57,56	80	20
2020	Парламентские	33,17	73,2	26,8
2021	Президентские	78,64	95,19	4,81
2024	Парламентские	38,16	74	26

Результаты ключевых выборов в Сирии с 2004 по 2024 г. позволяют понять, как политическая система страны трансформировалась в этот период под воздействием внутривнутриполитической динамики, международного давления и внутреннего вооруженного конфликта.

2007 год в Сирии ознаменовался проведением как парламентских, так и президентских выборов. Парламентские выборы при показателе явки в 56,12 % выявили значительную поддержку правящих элит, которые заручились поддержкой 68,8 % избирателей. Оппозиция, представленная в ограниченном объеме, получила вместе 31,2 % голосов. Следует отметить, что выборы в Баасистской Сирии характеризовались как формальные, с минимальным уровнем политического соперничества и последующих изменений в политической системе. Многопартийность в Сирии в период правления Башара Асада была строго ограничена, и оппозиция, реально способная влиять на политические процессы, по сути отсутствовала. Так и президентские выборы того же 2007 г., проходившие под жестким контролем, продемонстрировали высокую поддержку Б. Асада (99,82 %) при явке в 95,86 %.

Парламентские выборы 2012 г., проведенные в условиях начавшегося внутреннего конфликта, показали падение явки до 51,26 %. Правящие элиты получили на этих выборах только 67,2 % голосов. Это наглядно демонстрирует нарастание политической напряженности в стране.

На президентских выборах 2014 г., проводившихся уже на фоне масштабного гражданского конфликта и только в подконтрольных правительству районах страны, была достигнута явка в 73,42 %. В связи с отсутствием на этих территориях реальной конкуренции Б. Асад получил 88,7 % голосов избирателей и остался у власти.

¹ Анализ проводился с учетом всех парламентских и президентских выборов, состоявшихся в исследуемый период. Показатель значимой корреляции: 0,01.

Несмотря на постоянно нарастающее внешнее давление и все усиливающуюся внешнюю изоляцию страны в последующие годы, результаты парламентских выборов 2016 и 2020 гг. также указывают на отсутствие здоровой политической конкуренции в САР и на доминирование правящего режима. Явка избирателей продолжала снижаться и упала в 2020 г. до 33,17 %. При этом правящие элиты получили по-прежнему большое количество голосов: 80 % в 2016 г. и 73,2 % в 2020 г.

На президентских выборах 2021 г. Башар Асад, несмотря на продолжающийся конфликт, вновь получил подавляющее большинство голосов в 95,19 %. Явка на этих выборах составила 78,64 %.

Проведенные в середине 2024 г. парламентские выборы продемонстрировали сохраняющуюся на тот момент относительную устойчивость политической системы: при явке в 38,16 % правящие элиты получили 74 % голосов сирийцев.

Таким образом, проводившиеся в Сирии в исследуемый период парламентские и президентские выборы можно рассматривать как инструменты внутренней мобилизации и легитимации правящего режима Башара Асада, где политическая конкуренция ограничена, а наличие политических изменений в стране, как и действенность влияния на описанные процессы внешнего политического и санкционного давления, остаются неясными.

Проведем на основе собранных нами данных факторный и регрессионный анализ посредством приложения SPSS.

Регрессионный анализ, результаты которого представлены в таблицах 3 и 4, демонстрирует очень низкий уровень объясняемости полученной модели на примере данных по Сирии. Результаты отражают крайне низкую степень взаимосвязи между независимой переменной «количество санкций» и зависимой переменной «правящие элиты». Коэффициент множественной корреляции (R) составил 0,038, что указывает на практически полное отсутствие линейной зависимости. Коэффициент детерминации (R^2) на уровне 0,001 свидетельствует о том, что модель объясняет лишь 0,1 % дисперсии зависимой переменной. Более того, скорректированное значение R^2 (-0,165) демонстрирует ухудшение качества модели при включении предиктора «количество санкций» по сравнению с базовой моделью. Это подтверждается статистикой изменения модели: F -статистика изменения (0,009) при p -уровне 0,929 не достигает порога статистической значимости, что указывает на отсутствие существенного вклада данной переменной в объяснение вариативности зависимой переменной. Таким образом, с высокой степенью уверенности можно констатировать, что переменная «количество санкций» не обладает прогностической ценностью в отношении уровня влияния правящих элит в рамках данной модели. Наконец, значение статистики Дарбина – Уотсона (3,314) выходит за пределы допустимого интервала (1,5–2,5), что может свидетельствовать о наличии отрицательной автокорреляции остатков.

Таблица 3

Сводка для модели регрессии

Модель	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стандартная ошибка оценки	Статистика изменений					Дарбин – Уотсон
					Изменение R-квадрат	Изменение F	Степень свободы 1	Степень свободы 2	Значимое изменение F	
1	,038 ^a	,001	–,165	13,31212	,001	,009	1	6	,929	3,314
a. Предикторы: (константа), Количество санкций										
b. Зависимая переменная: Правящие элиты										

Таблица 4

Коэффициенты по модели

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость
		B	Стандартная ошибка	Бета		
1	(Константа)	81,280	6,491	—	12,522	,000
	Количество санкций	–,006	,064	–,038	–,093	,929
a. Зависимая переменная: Правящие элиты						

Анализ показал, что переменная «количество санкций» не оказывает статистически значимого влияния на модель. Константа модели, равная 81,280 ($p < 0,001$), представляет собой ожидаемое значение «правящих элит» при отсутствии санкционного воздействия. При этом нестандартизованный коэффициент для «количества санкций» составляет –0,006 и не достигает статистической значимости ($p = 0,929$). Стандартизованный коэффициент β , равный –0,038, подтверждает крайне незначительное воздействие этого предиктора.

Полученная модель не выявляет в итоге статистически значимых взаимосвязей между изучаемыми переменными. Следовательно, проведенный регрессионный анализ позволяет заключить, что уровень европейского санкционного давления не оказывал сколько-нибудь заметного влияния на степень влияния политических элит в Баасистской Сирии. Такие результаты могут свидетельствовать о высокой инерционности сирийской политической системы и о том, что в этой стране ключевую роль в соответствующих механизмах играют другие факторы. Тем не менее приведенная интерпретация требует осторожности из-за ограниченного объема выборки (данные по восьми проведенным в исследуемый период выборам) и возможных статистических искажений.

Корреляции

Показатель		Количество санкций	Явка	Правящие элиты	Оппозиция
Корреляция Пирсона	Количество санкций	1,000	-,459	-,038	,038
	Явка	-,459	1,000	,867	-,867
	Правящие элиты	-,038	,867	1,000	-1,000
	Оппозиция	,038	-,867	-1,000	1,000
Значимость (односторонняя)	Количество санкций	.	,126	,464	,464
	Явка	,126	.	,003	,003
	Правящие элиты	,464	,003	.	,000
	Оппозиция	,464	,003	,000	.

Результаты корреляционного анализа пролили свет на взаимосвязи между ключевыми политико-электоральными переменными и уровнем санкционного давления на Сирию. В рамках исследования были проанализированы четыре переменные: объем введенных санкций; уровень электоральной явки; доля голосов, полученных правящими элитами; доля голосов, отданных оппозиции. Все коэффициенты корреляции были рассчитаны по методике Пирсона.

Наиболее значимой оказалась отрицательная корреляция между количеством санкций и явкой на выборах ($r = -0,459$, $p = 0,126$). Хотя статистическая значимость (p) не достигает общепринятого порога ($p < 0,05$), эта умеренная связь может отражать восприятие высокой явки как индикатора легитимности даже в авторитарных условиях. Корреляция между санкциями и долями голосов за правящую элиту или оппозицию оказалась незначительной ($-0,038$ и $+0,038$ соответственно), что говорит об отсутствии явной линейной зависимости между результатами выборов и объемом введенных санкций. Иначе говоря, санкционное давление определяется не столько тем, за кого голосуют (правящих или оппозиционных кандидатов), сколько более широкими показателями, например активностью избирателей на выборах.

Статистически значимые взаимосвязи между соответствующими внутриполитическими переменными, как и ожидалось, оказались достаточно ярко выражены. Нами была обнаружена сильная положительная корреляция $+0,867$ ($p = 0,003$) между явкой и поддержкой правящих элит, и такая же сильная отрицательная корреляция $-0,867$ ($p = 0,003$) с поддержкой оппозиции. Это означает, что чем выше явка, тем больше голосов обычно получают правящие группы, а оппозиция теряет поддержку. В Сирии времен Б. Асада такая закономерность могла быть следствием как целенаправленной мобилизации избирателей для демонстрации лояльности власти, так и использования административного принуждения.

Исследование также выявило четкую противоположную зависимость между голосами, отданными за правящие элиты и оппозицию: корреляция составляет здесь $-1,000$ ($p < 0,001$). Это объясняется тем, что в усло-

виях двухполюсной системы, где голоса распределяются между двумя основными группами, увеличение поддержки одной автоматически влечет за собой уменьшение поддержки другой.

Таким образом, корреляционный анализ сирийских выборов исследуемого периода указывает на то, что уровень явки избирателей, а не фактическое распределение голосов между политическими силами, является ключевым фактором, потенциально связанным с международной санкционной реакцией.

Результаты нашего исследования, полностью охватывающего временной отрезок от введения ЕС первых собственных санкционных мер в отношении Сирии в 2004 г. и до падения правительства Б. Асада в конце 2024 г., не выявили четкой и однозначной зависимости между интенсивностью европейского санкционного давления на САР и уровнем политической поддержки на парламентских и президентских выборах в этой стране.

На протяжении всего периода прослеживается устойчивая тенденция к ужесточению санкционного давления ЕС на Сирию как на целевую страну. Особенно значительный рост в количестве введенных санкций произошел с 2012 по 2020 г., когда их число выросло с 9 до 144. Такая динамика, несомненно, коррелирует с эскалацией гражданского конфликта и ответными действиями международного сообщества на внутрисирийские политические процессы.

В контексте электоральной поддержки президентские выборы в Сирии демонстрируют в изученный период аномально высокий уровень лояльности к правящим элитам (например, 99,82 % в 2007 г.), что является характерной чертой авторитарных режимов и свидетельствует о формальном характере избирательного процесса. Парламентские выборы, в свою очередь, предоставляют не такую однозначную картину: в 2007 г. политические силы оппозиции получили суммарно 31,2 % голосов избирателей, а в 2012 г. — рекордные 32,8 %. Это может быть интерпретировано как признак и более выраженного плюрализма на парламентском уровне, и искусственного создания его видимости.

Увеличение поддержки правящих элит на парламентских выборах с 68,8 % в 2007 г. до 74 % в 2024 г., вопреки растущему санкционному давлению, может свидетельствовать о том, что ЕС рассматривал электоральные сигналы как маркеры политического развития в САР и пытался переломить эту тенденцию через усиление санкций.

Наблюдаемая высокая явка избирателей может быть истолкована как индикатор политической устойчивости или как форма имитации открытости выборов, что, в свою очередь, снижает вероятность усиления санкционного давления со стороны внешних акторов. Это подчеркивает приоритет восприятия легитимности процедур проводимых избирательных кампаний над их результатами.

На внутриполитическом уровне полученные данные свидетельствуют о тесной зависимости между мобилизацией населения и поддержкой

правлящих элит, что подтверждает наличие жестко контролируемого электорального поля, характерного для авторитарных политических режимов.

В целом результаты проведенного исследования подтверждают наличие сложной динамики, в рамках которой санкции не демонстрируют систематической корреляции с изменением уровня поддержки как правящих элит, так и оппозиционных сил. В определенных контекстах может наблюдаться транзиторное увеличение поддержки правительства, обусловленное эффектом «сплочения вокруг флага» в условиях воспринимаемой внешней угрозы. Однако данный эффект является временным. Более того, санкционное давление может в среднесрочной и долгосрочной перспективе способствовать эрозии общественной поддержки, особенно при сопутствующем ухудшении макроэкономических показателей и росте социального недовольства.

Подводя итог, можно констатировать, что санкции ЕС в отношении САР оказывают сложное и неоднозначное влияние на развитие политической ситуации внутри государства. Они способны инициировать внутренние реформы, однако не гарантируют изменения внутривнутриполитического баланса. Результативность санкций определяется не только их масштабом и жесткостью, но и способностью целевого государства к адаптации, к мобилизации своих ресурсов, а также к инструментализации оказываемого на него внешнего давления для укрепления собственной легитимности.

Следовательно, санкции представляются в исследуемом контексте лишь как один из факторов возможного оказания политического давления и способа стимулирования трансформации электоральной динамики в определенном предполагаемом ключе, прямое воздействие которых затруднительно однозначно изолировать и квантифицировать. Эта комплексность подчеркивает необходимость применения более тонких аналитических подходов для исследования взаимодействия множества переменных и контекстуальных факторов при изучении воздействия санкционных механизмов давления на политические режимы целевых стран.

Список литературы

1. Абдуллин А. И., Кешнер М. В. Применение ограничительных мер в контексте общей внешней политики ЕС: концептуальные подходы // Современная Европа. 2021. Т. 107, №7. С. 72–83.
2. Андерс В. Влияние санкционных мер ЕС на уровень политической поддержки правящих и оппозиционных сил в Иране в период с 2004 по 2024 гг. // Журнал политических исследований. 2025. Т. 9, №3. С. 173–184.
3. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты / сост. И. Н. Тимофеев, П. И. Чуприянова, К. В. Троцкая. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023.
4. Панов Ф. Ю. Международно-правовые основы введения односторонних ограничительных мер ЕС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18, №1. С. 137–146.

5. Тимофеев И. Н. Политика санкций США на уровне исполнительной власти // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, №3. С. 23–32.
6. Ahmad P. et al. The EU as a global actor in sustainability policy: analyzing the EU's limited but potential influence in Iraq and Syria // *Journal of Liberty and International Affairs*. 2023. Vol. 9, №1. P. 289–302.
7. Bapat N. A. et al. Determinants of sanctions effectiveness: sensitivity analysis using new data // *International Interactions*. 2013. Vol. 39, №1. P. 79–98.
8. Blackwill R. D., Harris J. M. War by other means: geoeconomics and statecraft. Cambridge, 2016.
9. Basic Principles of on the Use of Restrictive Measures (Sanctions) / Council of the EU. Doc. 10198/1/04 REV 1. Brussels, 7 June 2004. 3 p. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10198-2004-REV-1/en/pdf> (дата обращения: 14.01.2026).
10. Guidelines on implementation and evaluation of restrictive measures (sanctions) in the framework of the EU Common Foreign and Security Policy / Council of the EU. Doc. 15579/03. Brussels, 8 December 2003. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15579-2003-INIT/en/pdf> (дата обращения: 14.01.2026).
11. Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. The when, where and why of European Union sanctions // *European Security*. 2020. Vol. 30, №1. P. 1–23.
12. Hatipoglu E., Peksen D. Economic sanctions and banking crises in target economies // *Defense and Peace Economics*. 2018. Vol. 29, №2. P. 171–189.
13. Sharpening EU sanctions policy for a geopolitical era / ed. by N. Helwig, J. Joke-la, C. Portela / Publications of the Government's analysis, assessment and research activities. Prime Minister's Office (Finland). Helsinki, 2020.
14. Jones L., Portela C. Evaluating the success of international sanctions: a new research agenda // *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*. 2020. Vol. 125. P. 39–60.
15. Marquardt S. Research handbook on the EU's common foreign and security policy. Cheltenham, 2018.
16. Peksen D., Cooper Drury A. Coercive or corrosive: the negative impact of economic sanctions on democracy // *International Interactions*. 2010. Vol. 36, №3. P. 240–264.
17. Sanctions Explorer // Cumulative sanctions data over time. Date range: 01.01.2004–31.12.2024. URL: <https://sanctionsexplorer.org/analytics> (дата обращения: 14.01.2026).
18. The International Foundation for Electoral Systems (IFES) // IFES Election Guide. Country Profile: Syrian Arab Republic. URL: <https://www.electionguide.org/countries/id/208/> (дата обращения: 14.01.2026).
19. Wong T.-N., Grauvogel J., Marinov N. Targeted sanctions against authoritarian elites // *Social Science Research Network (SSRN)*. 26.04.2022. doi: 10.2139/ssrn.4094157.

Об авторе

Вальдемар Андерс — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

SPIN-код: 9321-8177

E-mail: VAnders@stud.kantiana.ru

W. Anders

THE IMPACT OF EU SANCTIONS ON THE LEVEL OF POLITICAL
SUPPORT FOR THE RULING AND OPPOSITION FORCES IN SYRIA
BETWEEN 2004 AND 2024

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 18 January 2026

Accepted 14 April 2026

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-9

129

To cite this article: Anders W., 2026, The impact of EU sanctions on the level of political support for the ruling and opposition forces in Syria between 2004 and 2024, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 117 – 129. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-9.

This article seeks to explore how the sanctions measures imposed by the European Union have influenced, first, the level of political support for the ruling and opposition forces in the Baathist Syria and, second, the level of voter turnout in parliamentary and presidential elections. It also aims to identify possible dependencies, their causes and characteristics. The study employs the process-oriented approach. The primary method used is factor analysis, which enables the identification of hidden connections between the study variables through comparing changes in the level of sanctions pressure with the outcomes of every Syrian parliamentary and presidential election held between 2004 and 2024. After collecting the relevant data, a factor model was built and a regression analysis performed. The findings of this study indicate that, although sanctions can have an impact on the political dynamics in a targeted country, the nature of this relationship remains elusive. Perceived as an external threat, sanctions can elicit stronger support for ruling elites as manifested in rallying behind the leader.

Keywords: European Union, Syria, sanctions policy, international relations, sanctions impact, political support

The author

Waldemar Anders, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: VAnders@stud.kantiana.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 321.7

А. Г. Большаков, Е. В. Храмова

Российский выбор с точки зрения национальной безопасности. Рец. на кн.: Воржецов А. Г. Российский выбор в XX веке : монография. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2023. — 160 с.

130

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
Поступила в редакцию 12.01.2026 г.
Принята к публикации 14.04.2026 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-10

Для цитирования: *Большаков А. Г., Храмова Е. В. Российский выбор с точки зрения национальной безопасности. Рец. на кн.: Воржецов А. Г. Российский выбор в XX веке : монография. Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2023. — 160 с. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. № 2. С. 130 — 136. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-10.*

Тема общественно-политического развития возникает в повестке России часто, за последние тридцать-тридцать пять лет это случалось неоднократно. Перестройка, демократическая революция, распад единого государства СССР, конституционный кризис в РФ 1992—1993 гг., выборы президента 1996 и 2000 гг., осуществление политики «укрепления вертикали власти», мюнхенская речь президента В. Путина, российско-грузинская «пятидневная война», начало украинского кризиса, присоединение Крыма, внесение поправок в конституцию РФ всенародным референдумом, начало СВО, выборы президента 2024 г. — все эти и другие события приводили к активным общественным дискуссиям по поводу будущего России. Можно сказать, что подобные дискуссии стали постоянными. Этот процесс характерен и для российской политической науки. Свое место в этой дискуссии занимают монографии и статьи профессора А. Г. Воржецова, недавно, к сожалению, ушедшего из жизни.

В полной мере сказанное справедливо для его творчества — вспомним, например, предпоследнюю из его публикаций [2]. Новая книга А. Г. Воржецова [1] написана в рамках синтеза политической науки и политической истории, что дает возможность автору рассмотреть политические проблемы в эволюционном историческом измерении.

Монография включает четыре раздела. Первый посвящен анализу теоретико-методологических подходов к политическому развитию России. XX век рассматривается автором в рамках второго и третьего

разделов, которые описывают события демократизации нашей страны. Поскольку на вопрос о выборе вектора развития не дает ответа и конституция 1993 г., то автор продлевает свой анализ на первую четверть XXI в. (четвертый раздел).

В книге подробно рассматриваются развилки российской истории на протяжении прошлого столетия. А.Г. Воржецов подробно исследует основные события российской истории начала XX в. — все три великие отечественные революции. Через изучение советской истории он подходит к анализу причин и предпосылок демократической революции 1991 г., считая ее продолжением исторического наследия начала века.

В новой монографии автор приходит к выводу, что Россия два раза за столетие вставала на путь демократического развития, но переход к демократии после Февральской революции закончился через несколько месяцев государственным переворотом партии большевиков, а советские и постсоветские реформы 1987–1993 гг., в ходе которых произошла демократическая революция 1991 г., хотя и продолжались шесть лет, были свернуты и заменены авторитарными практиками последующих лет. В то же время, по мнению А.Г. Воржецова, в целом политический режим в России носит смешанный (гибридный) характер и совмещает демократические и авторитарные черты.

Подобный выбор российских граждан имел и обратную сторону. Выбор демократических ценностей заканчивался плачевно для российской государственности — были потеряны многие территории, принадлежавшие Российской империи. В октябре 1917 г. к власти пришли большевики, которые достаточно быстро упразднили многие права и свободы россиян (разогнали Учредительное собрание, ввели систему красного террора, способствовали началу Гражданской войны и т.п.).

Диктатура пролетариата понималась большевиками очень узко. На это в своей монографии указывает сам А.Г. Воржецов [1, с. 152–153]. Октябрь 1917 г. способствовал тому, что международное рабочее движение раскололось на два лагеря — революционный и реформистский, коммунистов и социал-демократов. Одним из последствий этого события стало движение ряда стран мира к достижению идей социальной справедливости в сфере трудовых отношений и распределения в своих странах (различные системы социального партнерства).

Постепенно большевики были вынуждены встать на позиции патриотизма, а их победа в Гражданской войне означала, что Советская Россия смогла сохранить свой государственный суверенитет, отразив атаки многочисленных зарубежных интервентов. Страна выжила и установила отношения с рядом зарубежных государств. Начался новый этап развития России — советский.

Этот этап включал множество исторических достижений (экономическую модернизацию, победу в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление страны, освоение космоса, достижение паритета в ядерном оружии со странами Запада, осуществление масштабных всесоюзных строек, создание мировой системы социализма, взаимодей-

ствие с развивающимися странами и др.). СССР приобрел новые территории, приобрел множество союзников во всем мире, что способствовало укреплению системы национальной безопасности.

Однако в конце советского периода появляется целый ряд проблем, которые Советский Союз должен был преодолеть в своем развитии (преимущественно социально-экономического характера). Попытки проведения отдельных реформ (учебной, продовольственной), «социально-экономического ускорения», «перестройки» не дали необходимого эффекта. Поэтому было принято решение о необходимости инициирования «сверху» политики демократизации и гласности, что и привело в конечном итоге к демократической революции 1991 г.

132

Советский Союз после этого распался на 15 независимых государств, что привело к многочисленным конфликтам этнического, религиозного, территориального плана, нарастанию количества жертв и беженцев, материальным разрушениям, фактической потере новыми государствами реального суверенитета. Российская Федерация не только утратила многочисленные территории и население, но и фактически попала под внешнее управление со стороны западных государств. Некоторые элементы внешнего управления в экономической сфере сохранялись до 2022 г.

От других стратегий реформирования (например, китайского образца) руководители Советского Союза, а затем и России, отказались. В результате болезненные процессы демократических реформ были преимущественно прекращены, а России понадобился не один год, чтобы выйти на уровень державы, которая ставит перед собой геополитические цели и задачи, ориентирована на развитие собственной сильной экономики, способна противостоять НАТО и другим организациям Запада в военно-политическом смысле, формировать и институционализировать такие международные организации и объединения, как БРИКС, ШОС, СНГ, ОДКБ, ЕАЭС.

Процессы демократизации в России были осуществлены за последние 35 лет, они смешались с авторитарными практиками, породили гибридные политические режимы, но подобной участи подвержены практически все современные демократии мира. И дело не только в том, что режим политического плюрализма (демократия) достижим лишь в теоретическом плане и является идеальным конструктом группы ученых, а то, что реальные институты и практики всех западных стран и их союзников не являются таковыми. Достаточно взять в качестве примера Соединенные Штаты Америки, которые постоянно вмешиваются в дела других суверенных государств под надуманными предлогами, часто это вмешательство носит силовой (вооруженный) характер (после Второй мировой войны это Вьетнам, Чили, Гренада, Иран, Югославия, Ирак, Ливия, Афганистан и др.).

Во внутренней политике США доминируют практики фальсификации при подсчете голосов на выборах, периодические массовые расстрелы мирных граждан со стороны психически неуравновешенных людей, нарушение гендерных прав большинства, практика политических убийств и преследований неугодных общественных деятелей. Независимость суда от политической власти остается реальностью только для аме-

риканских учебников по юриспруденции и политической науке. Очень показателен недавний пример телефонного разговора между Дж. Байденом и Д. Трампом после покушения на последнего, где действующий президент пообещал раненому оппоненту, что «снимет с него» два уголовных дела. Понятно, что этот «рыцарский жест» нарушает конституцию и другие законы США, где заложен принцип разделения властей.

Не менее важным является то, что современная Россия должна выполнять положение конституции 1993 г. о социальном государстве. Но достичь этого будет очень непросто. Запрос на социальное государство существует в российском социуме, но социальное неравенство превосходит советский период в разы, а потому социальная справедливость — это та ценность, которой еще предстоит достичь. Движение в этом направлении есть, но удовлетворить интересы всех социальных групп пока не получается. Аналогично обстоит дело и в большинстве зарубежных стран.

Российское государство предпринимает усилия по социальной защите граждан, особенно нуждающихся, по уравниванию налогового бремени. На наших глазах происходит реформа налогообложения. Но введение прогрессивного налога и его последствия не могут быстро изменить положение с социальным неравенством. Для сравнения здесь необходимо отметить, что государства, управляемые социал-демократическими правительствами, не смогли добиться значимых успехов в достижении равенства и справедливости. Они предлагают, скорее, другую модель политического развития. Однако широко разрекламированный «скандинавский социализм» периодически нуждается в повороте к либеральному или консервативному политическому курсу для развития экономики, частной инициативы, предпринимательства. Поэтому собственно «справедливое общество» — это будущее в развитии человечества. Российскому социуму также необходимо многому научиться, чтобы приблизиться к реализации на практике концепта государства всеобщего благоденствия.

Еще одна из важнейших ценностей россиян — державность (национальный интерес). Вместе с демократизацией и справедливостью она сегодня все более важна для большинства россиян. А. Г. Воржецов ставит ее на третье место вслед за ведущими российскими социологами политики [3], но после 2022 г. положение значительно изменилось. Ценности патриотизма и приоритета национальных интересов вышли на первый план в современном российском обществе.

Показатели национального единства достигли небывалой величины. Об этом свидетельствуют результаты голосования на выборах президента РФ (уровень поддержки В. В. Путина — 87,28 %) в марте 2024 г., а также результаты социологических исследований. Так, согласно массовому опросу, ВЦИОМ в июле 2024 г. зафиксирован рекордный уровень национального единства в России. По мнению руководителя департамента политических исследований ВЦИОМ М. Мамонова, «79 % россиян оценивают отношения между людьми разных национальностей как либо доброжелательные, либо спокойные и бесконфликтные, 81 % заявили, что они не испытывают негативных эмоций к носителям других национальностей, которые находятся рядом с ними» [5].

Объяснить рост патриотических умонастроений — не так трудно. В настоящее время Россия оказалась в ситуации прямой конфронтации с коллективным Западом. Приоритеты национальной безопасности, сохранения государственности, суверенитета вновь вышли на первое место для граждан России.

Понятно, что подобная ситуация не будет длиться вечно. По всей видимости, острая фаза противостояния России и стран Запада перейдет в другую. Формирование многополярного мира, нового миропорядка будут способствовать тому, что в России демократичность международных отношений (отсутствие институтов и практик неокOLONиализма) сравняется по значимости с вопросами внутренней демократизации и справедливости. Возможно, тогда Россия будет делать свой новый выбор, однако процессы демократизации, построения социального государства будут идти несколько иначе.

Скорее всего, демократизация и справедливость приобретут национальный характер и будут базироваться на политической теории суверенного российского государства. Политические объединения формата БРИКС заменят современную моноблочную структуру мирового порядка, а конкретные страны смогут свободно выбирать приоритеты для своего внутреннего развития, где институты и практики демократии будут главенствовать над институтами и практиками авторитарного типа.

В этой связи рецензируемая монография профессора А.Г. Воржецова является триггером дальнейших дискуссий по политическому развитию России. Данные вопросы останутся в повестке дня современной российской политической науки. Однако выдвигаемая автором данного научного труда идея по проведению конституционной реформы в российском обществе является лишь элементом предстоящих масштабных преобразований и инноваций в рамках нового многополярного мирового порядка и, в частности, необходимых преобразований в Российской Федерации.

Цивилизационное измерение России, зафиксированное в Концепции внешней политики России [4] позволяет говорить о многочисленности векторов ее политического развития. «Поворот на Восток» не является новым вариантом идеи особого пути развития России, он лишь свидетельствует о том, что страна может существовать и без постоянного интенсивного сотрудничества с западным миром.

Перспективы России огромны в плане ее будущего евразийского развития, включающего и взаимодействие с Европой, но это будущее мыслится прежде всего на пути интеграции с растущим глобальным Югом, а не с постепенно утрачивающим свое влияние коллективным Западом.

Список литературы

1. Воржецов А. Г. Российский выбор в XX веке : монография. Казань, 2023.
2. Воржецов А. Г. Российские общественно-политические развилки в XX веке и современность : монография. М., 2019.

3. *Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян* / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2018.

4. *Концепция внешней политики Российской Федерации* / утверждена Указом президента РФ от 31 марта 2023 г. №229. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 01.01.2026).

5. Львова П. В ЭИСИ назвали межнациональное согласие основой государства РФ // Известия. 2024. 18 июля.

Об авторах

Андрей Георгиевич Большаков — д-р полит. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия.

SPIN-код: 4451-3228

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Евгения Валерьевна Храмова — канд. полит. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия.

SPIN-код: 2030-4261

E-mail: eugenlic@mail.ru

135

A. G. Bolshakov, E. V. Khramova

The Russian choice from the point of view of national security. Rev.: Vorzhetsov A. G. Russian choice in the 20th century: monograph. Kazan: Publishing house of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2023. — 160 p.

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Received 12 January 2026

Accepted 14 April 2026

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-10

To cite this article: Bolshakov A. G., Khramova E. V., 2026, The Russian choice from the point of view of national security. Rev.: Vorzhetsov A. G. Russian choice in the 20th century: monograph / A. G. Vorzhetsov. Kazan: Publishing house of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2023. — 160 p., *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 130–136. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-10.

The authors

Prof. Andrey G. Bolshakov, Associate Professor, Head of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy of the Institute of International Relations and Oriental Studies, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia.

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Dr Evgenia V. Khramova, Associate Professor, Department of International Relations, World Politics and Diplomacy of the Institute of International Relations and Oriental Studies, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia.

E-mail: eugenlic@mail.ru

**ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ
В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА
Серия: Гуманитарные и общественные науки**

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

в) аннотацию на русском и английском языках (150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (4 – 8 слов). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/society/rules/>

Порядок рецензирования рукописей статей

138

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информации;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематике;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки

2026

№ 2

Редактор *И. О. Дементьев*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 21.08.2026 г.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 12,2
Тираж 31 экз. Цена свободная. Заказ 67

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14